

**Клуб
Красная площадь**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
10 ФЕВРАЛЯ 2006 Г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**

**МОСКВА
2006**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
10 ФЕВРАЛЯ 2006 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**

**МОСКВА
2006**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Борис Кагарлицкий</i> <i>Поколение Сиэтла</i>	3
<i>Борис Кагарлицкий</i> <i>Капитализм как миросистема</i>	27
<i>Манифест Нового Интернационала</i>	37
<i>Декларация Интернациональной Социальной лиги</i>	53
<i>Юрий Крупнов</i> <i>Гиперимперия США или мировая держава Россия?</i>	57
<i>Максим Калашиников</i> <i>Нейрономика: жизнь в стиле action</i>	73
<i>Материалы к заседаниям</i> <i>Московского интеллектуального клуба «Красная площадь»</i>	91

Борис Кагарлицкий

ПОКОЛЕНИЕ СИЭТЛА

«АНТИГЛОБАЛИСТЫ» — ГЛОБАЛЬНОЕ АНТИКОРПОРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Выступления протеста получили в консервативной прессе название «антиглобалистских», хотя сами участники демонстраций этот термин никогда не употребляли, называя себя антикорпоративным или антикапиталистическим движением, иногда — движением за глобальную демократизацию. Надо сказать, что в западной прессе термин «антиглобалисты» после 2001 года употреблялся все реже — представители протестующих так или иначе имеют возможность высказаться, а потому приписывать им чуждое название и выдуманные лозунги все труднее. Лишь в России термин «антиглобализм» приобрел удивительно широкое хождение, отчасти — из-за того, что собственного «антиглобалистского» движения пресса под боком не обнаружила и могла его благополучно придумывать¹.

«Как нам следует называть это новое движение? — писал британский марксист Алекс Каллиникос. — Ярлык, обычно на него навешиваемый, — движение антиглобализма — представляет собой совершенно абсурдное название для движения, которое подчеркивает как раз свой международный характер и которое весьма эффективно может мобилизовать людей всех пяти континентов, преодолевая национальные границы. Ведущие фигуры движения благоразумно дистанцировались от такого названия».²

В левой прессе предпочитают говорить об «альтернативном глобализме» («альтерглобализме» или, на французский лад, об «альтермондиализме»), об антикорпоративных выступлениях, а сам Каллиникос употребляет термин «антикапитализм». Разумеется, остается открытым вопрос о том, до какой степени участники протестов, потрясших власти в Сиэтле и Праге, осознанно ставили перед собой именно антикапиталистические задачи. Значительная часть людей, вышедших на демонстрации, придерживались более умеренных взглядов, причем это относится не только к рядовым участникам событий, но и к лидерам. Каллиникос признает это, но настаивает на том, что общая логика движения — антикапиталистическая. Даже если выдвигаются вполне реформистские требования, их практическая реализация подрывает глобальное господство капитала и создаст новую общественную ситуацию. «Иными словами, хотя эти требования не обязательно открыто озвучивают антикапиталистические доводы, в них присутствует антикапиталистическая динамика. Они представляют собой то, что Троцкий назвал переходными требованиями, реформы, которые возникают из реалий существующей борьбы, но осуществление которых в нынешнем контексте поставило бы под вопрос капиталистические экономические отношения».³

В российской прессе и отчасти даже среди обществоведов появление нового массового движения на Западе было воспринято с откровенным недоумением. «Прежние политические лекала тут едва приложимы, — писал Евгений Григорьев на страницах “Независимой газеты”. — У движения нет привычной разветвленной по миру организации, четких структур. При подготовке акций их заменяет такой неотъемлемый инструментарий глобализации как Интернет, и другие новейшие средства коммуникаций, что делает само движение ее побочным детищем. Политические и социальные устремления и приоритеты “антиглобалистов” сплошь и рядом не стыкуются. По составу это напоминает коктейль из бесконечного множества неоднородных ингредиентов: сапатистов, разноязыких “зеленых”, американских борцов против детского труда, европейских левых, бескорыстных юных приверженцев чистой справедливости, французских крестьян, немецких профсоюзников и т. д.»⁴

Либеральные и правые обозреватели подчеркивали, что движение крайне неоднородно, а сами демонстранты толком не знают, чего хотят. «Они занимаются сразу всем. На одном из их сайтов сообщалось, что они выступают против «корпоративной глобализации, милитаризма, бедности, голода, политической коррупции, дискриминации женщин, гомосексуалистов и транссексуалов, криминализации молодежи разрушения окружающей среды, передачи тюрем частному бизнесу, геноцида». «Почему не против пробок на дорогах и коммерческой рекламы, которая забивает наши почтовые ящики?» — возмущалась Флора Льюис, обозреватель «International Herald Tribune». По ее мнению это было совершенно не похоже на движение 1960-х годов, имевшее четкую политическую цель (прекращение войны во Вьетнаме) и способное «соединить много голосов в единый призыв (clear message)»⁵. Как ни парадоксально, схожая критика движения раздавалась и слева.

На самом деле даже из перечисления групп и лозунгов легко заметить, что все они как раз прекрасно стыкуются, более того, все перечисленные движения изначально растут из одного корня — европейской левой XIX-XX веков. Действительно, во время массовых демонстраций были выдвинуты самые разнообразные лозунги — от экологии до долгов «третьего мира», от проблемы бедности до прав человека. Протестующие представляют собой коалицию. Но это далеко не случайное собрание людей. Начнем с того, что экологи, пацифисты и радикальные социалисты, защитники гражданских прав и профсоюзники, составляющие основу этой коалиции, исторически всегда имели много общего. На протяжении истории они уже не первый раз оказываются в одних рядах. Но до недавнего времени они, нередко сотрудничая, пытались добиваться своих целей самостоятельно. В свою очередь, по мнению активистов, элиты всегда действовали по принципу «разделяй и властвуй», игнорируя разрозненные протесты. Тем самым объединение разнообразных отдельных кампаний (single issue campaigns) и групп, является важнейшим фактором, предопределившим стремительный и бурный подъем движения.

Было бы неправдой утверждать, что международное движение протеста застало транснациональную административную и финансовую элиту совсем врасплох. Само по себе введение в оборот термина «глобализация» было пропагандистским ответом элит на протесты против неолиберализма. После того как термин «неолиберализм» стал в большинстве стран мира почти ругательным, нужно было новое идеологическое обоснование власти транснациональных корпораций. С середины 1990-х вместо термина «неолиберализм» начинает употребляться термин «глобализация».

Терминологическая подмена, которую осуществляет часть «большой прессы», атакуя критиков глобализации, заставляет вспомнить об истории СССР, где господство обкомов партии называлось «советской властью», а противники партократии — «антисоветчиками». Как всегда бывает в таких обстоятельствах, господствующие силы вполне могут навязать свою терминологию, но не могут таким образом защитить свои идеологические позиции по существу. Точно так же как за партийным правлением в СССР закрепилось название «советской власти», так и неолиберализм с конца 1990-х годов стал называться «глобализацией».

Этот термин имеет целый ряд преимуществ. В отличие от термина «неолиберализм», он характеризует происходящее не как определенную политику или идеологическую доктрину, а как некий «нейтральный» и объективный процесс. Соответственно все противники этой политики выглядят не идеологическими оппонентами власти, а личностями, пытающимися выступить против «естественного» развития экономической жизни. К тому же их немедленно начинают называть «антиглобалистами». У неискушенной публики складывается представление о них как о людях, выступающих против свободного международного движения товаров и информации, хотя на самом деле речь идет о борьбе против авторитарной международной бюрократии. Кстати, одно из требований «антиглобалистов» — соблюдение «Декларации Прав Человека», требующей свободного передвижения людей, в то время как западные правительства, отстаивающие «глобализацию» возводят все новые барьеры на пути мигрантов из бедных стран. Причины этой кажущейся непоследовательности понятны. Дешевая рабочая сила должна быть сосредоточена в странах «периферии» (будь то Россия, Китай или Бразилия) и только косвенно давить на рынок труда в странах Западной Европы. Мигрантов ввозят туда и тогда, когда в них нуждается капитал. Потому-то в одно и то же время правящие классы могут обсуждать присоединение Турции к Европейскому Союзу и готовить более жесткие законы против беженцев, спасающихся на Западе от войн, стихийных бедствий и репрессий.

Контролируемая миграция делает рабочих более сговорчивыми, но не дестабилизирует обстановку, что случилось бы, если бы сотни миллионов мигрантов могли бы разом беспрепятственно хлынуть в «цивилизованные страны». Другое дело, что решение проблемы с точки зрения оппонентов глобализации не в массовом переселении, а в изменении правил игры, когда людям как раз никуда не надо ехать в поисках заработков — они получают возможность достойно зарабатывать и чувствовать себя уверенно в собственной стране.

Английский географ и публицист Дорен Мэсси (Doreen Massey) отмечает, что «антиглобализм» не может иметь ничего общего с «локализмом», культом местных интересов и националистически понимаемой самобытности. Такая форма оппозиции была бы заведомо тупиковой. «Нашим политическим принципом должен быть интернационализм: наши интернационализм уважает местные различия и необходимость действовать непосредственно на местах, но он категорически против местничества, против герметично закрытых обществ или культур»⁶. Иными словами, новый интернационализм выступает в качестве альтернативы как униформной культуры глобализации/американизации, так и против консервативного национализма. Он исходит из единого и разнообразного человечества, одновременно выступая против стандартизации всех людей под общие западные образцы. Демократия требует равного уважения к правам всех — в том числе всех наций и культур. Она требует и уважения к мнению большинства человечества, проживающего отнюдь не на Западе. Оппоненты транснациональных организаций требуют не прекращения международной торговли, а того, чтобы «процесс глобализации был открыт для демократического влияния»⁷. Как заявил один из идеологов движения Кевин Данакер, речь идет о завоевании «глобальной демократии» и не только «в традиционном узком политическом смысле (избрания богатых господ, которые якобы будут представлять нас в правительстве)». Речь идет о «гражданском суверенитете», о праве людей «управлять собственной жизнью во всех сферах (политической, экономической, культурной)»⁸.

Чашу терпения гражданского общества переполнил проект Многостороннего Соглашения по Инвестициям (Multilateral Agreement on Investments — MAI), подготовленного в рамках ВТО. Согласно этому проекту частные корпорации получали право отменять решения национальных правительств и даже действующие в стране законы, если считали их «препятствующими бизнесу». Непосредственно эту работу должно было осуществлять либо специальное ведомство, либо Всемирная торговая организация, получавшая фактически статус всемирного конституционного суда, но сама не подчиняющаяся никаким законам кроме собственного устава, никем не избранная и никому не подотчетная.

Волна протестов против MAI вынудила западные правительства отступить. Первым сдалось руководство Франции. Дольше всех держались американцы. Наконец, проект MAI был похоронен. Но спустя некоторое время в рамках ВТО решено было возобновить подготовку соглашения, только сменив название. Сделать это решили на встрече в Сиэтле.

Ответом на политику глобальных элит стали глобально скоординированные акции сопротивления. Первая из них произошла в Сиэтле в ноябре 1999 года, когда вместе с профсоюзными активистами на улицы вышли молодые сторонники более 60 различных общественных групп, объединенных «Сетью прямого действия» — Direct Action Network. Демонстрации были названы «фестивалем сопротивления» и «антикапиталистическим карнавалом». Делегаты для участия в митингах протеста прибыли со всего мира, причем более богатые организации стран «Севера» помогли решить финансовые проблемы своим товарищам с «Юга». Солидарность выразилась в единых действиях, хотя между западными активистами и представителями «третьего мира» постоянно вспыхивали острые споры. Журналисты определили общую тенденцию движения как сочетание «активизма и прагматизма» (militant pragmatism)⁹. Это движение не имело четкой стратегии, но было крайне динамичным. На самом деле единство действий вовсе не исключало серьезных разногласий между участниками коалиций. Как отмечает южноафриканский политолог Дот Кит, различия обнаруживались не только, а порой и не столько между представителями различных идеологических традиций, сколько между активистами с «Севера» и с «Юга». Некоторые «северные» группы в движении за отмену долгов «Юбилей 2000» даже были обвинены в «неоколониальных» методах работы со своими филиалами в странах «Юга»¹⁰. Однако наличие подобных проблем, по мнению Кит, не является препятствием для развития движения, если они обсуждаются и решаются демократически: «Формирование подобных глобальных коалиций требует политической компетентности и стратегического мышления с обеих сторон»¹¹.

«БИТВА В СИЭТЛЕ»

После Сиэтла массовые протесты некоторое время сопровождали все крупные международные мероприятия, знаменуя появление на политической сцене нового поколения радикальных активистов. Теоретик радикального крыла американских профсоюзов Ким Муди назвал это «союзом “зеленых” и “синих воротничков”»¹², а Кевин Данахер (Kevin Danaher), один из организаторов акции в Сиэтле, говорил про «коалицию коалиций», объединившую профсоюзы, социалистов, анархистов, «зеленых» и т.д.¹³ Когда в 1999 году 60-тысячная толпа сорвала встречу Всемирной Торговой Организации (ВТО), это оказалось полной неожиданностью даже для лидеров и организаторов демонстраций. «Выступления в Сиэтле были самым большим массовым протестом, который наша страна видела со времен Вьетнамской войны», — писал левый американский журнал¹⁴.

Накануне встречи многотысячная профсоюзная демонстрация прошла по улицам города. По словам английского журналиста, это было «самое замечательное и важное событие — 40 тысяч американских рабочих (водители грузовиков, металлурги и т.д.) объединились в Сиэтле с протестующими, и в лучших традициях интернационализма протянули руку помощи своим братьям и сестрам в бедных странах»¹⁵. Единство рабочих и представителей новых социальных движений было зафиксировано знаменитым лозунгом «Teamsters and turtles together at last»¹⁶. Этот труднопереводимый на русский язык каламбур может быть несколько коряво передан словами: «Водители грузовиков наконец-то объединились с защитниками черепах». Спустя несколько дней этот лозунг, написанный на профсоюзном плакате в Сиэтле, повторяли тысячи людей по всему миру, превратив его в своего рода поговорку.

Впрочем, само по себе участие рабочих в выступлениях протеста отнюдь не свидетельствует о том, что мы имеем дело с классовым движением, как его понимали марксисты начала XX века. «Ключевой вопрос движения в том, как оно построит свои отношения с рабочим классом», писал английский социалистический журнал. «Дух движения явно антикапиталистический, но понимание стратегической, центральной роли рабочего класса отсутствует. Участие рабочего класса в движении рассматривается как один из элементов общей картины, полезный и важный элемент, но это не более чем один из участников широкой коалиции, направленной против общего врага»¹⁷.

Скорее применительно к происходящему можно применить разработанное Грамши понятие «исторического блока». Такой исторический блок не сводим к интересам какого-то одного класса, но в нем разворачивается борьба за идейную и организационную гегемонию — от исхода этой внутренней борьбы, в конечном счете, зависит, к чему приведет движение.

Утром в день открытия встречи, отели, где разместились ее делегаты, были заблокированы протестующими, а все центральные улицы заняты многотысячными толпами демонстрантов. Участники встречи так и не смогли собраться. Для разгона протестов были брошены отряды полиции, применявшие слезоточивый газ, использовавшие бронетранспортеры. Демонстрантов жестоко избивали, но на протяжении всего дня полиция не смогла восстановить контроль над центром города.

В апреле 2000 года для того, чтобы обеспечить работу Международного Валютного Фонда и Мирового Банка в Вашингтоне властям пришлось на несколько дней ввести нечто вроде осадного положения, а полиция прибегала к превентивным арестам.

«И в Сиэтле и в Вашингтоне организация блокад была децентрализованной, когда участники событий делились на самостоятельные группы, принимавшие решения на месте, — отмечает один из участников событий. — Эти группы посылали своих представителей в общий координационный совет, который принимал решения более общего характера. Одни занимались тактикой, другие коммуникациями, общими силами вырабатывался базовый сценарий, каждая группа брала на себя определенную “зону ответственности”, а “летучие отряды” появлялись всегда там, где нужна была помощь.

Это выглядело хаотично, но было хорошо организовано и, главное, великолепно работало. У нас были тысячи обученных активистов на улицах, и каждый сам знал, что надо делать, они прекрасно ориентировались в ситуации и при необходимости сами меняли планы.

С точки зрения полиции это была полная катастрофа. Полиция выглядела одновременно жестокой и беспомощной. Жители Сиэтла были возмущены...»¹⁸

Не случайно эпицентром волнений оказались именно США, переживавшие в конце 1990-х экономический подъем. Но, как и в 1960-е годы, среди молодого поколения начала распространяться уверенность в том, что этот подъем не только оплачен усилением эксплуатации стран «третьего мира», но и не помогает разрешить социальные противоречия, от которых страдает само американское общество.

В российской прессе неоднократно высказывалось мнение, будто люди, протестовавшие против корпоративной глобализации, являлись «неудачниками» рыночной экономики, «людьми». Между тем подавляющая часть активистов принадлежала к молодежи, выросшей уже в период неолиберализма и обученной именно для успешной работы на новом рынке. Выступления протеста координировались через Интернет, а в Сиэтле немалую роль сыграло то, что одним из крупнейших работодателей в городе была корпорация Microsoft, символ «новой экономики». Полиция Сиэтла жаловалась, что протестующая молодежь превосходила ее по техническому оснащению, используя мобильную связь, портативные компьютеры с выходом в Интернет. Таким образом, движение объединило именно те массовые слои, которые ранее либеральная политическая элита механически записывала в свой актив, объявляя их «самыми лучшими и самыми умными»¹⁹. Именно это обстоятельство предопределило и неожиданную эффективность движения, и полную растерянность и деморализацию его противников на первом этапе борьбы. Неолиберальная элита, проявлявшая полное равнодушие к протестам шахтеров или металлургов, оказалась совсем неподготовленной к массовым выступлениям компьютерных специалистов, студентов привилегированных колледжей. Тем более шоком для элит оказалось то, что эти два потока слились в один, молодые представители «новой экономики» выступили единым строем с «традиционным» рабочим классом, осознав общность интересов — и те и другие протестовали против всевластия корпоративного капитала.

Не только для истеблишмента, но и для самих участников движения его размах и эффективность оказались неожиданностью. «Большая часть людей, — отмечает левый английский журнал, — представители различных групп и активистских кампаний, просто хотели выразить свое несогласие с ВТО. Массовость выступления удивила всех. Жестокость полиции потрясла. А единство между рабочим и новыми движениями вызвало общий энтузиазм»²⁰.

Буржуазная пресса, разумеется, больше внимания уделила двум-трем десяткам анархистов, разбивших витрины шикарных бутиков в центре города, чем массовым демонстрациям. Разгромы дорогих бутиков и ресторанов «Макдоналдс» приписывались «Черному Блоку», к которому пресса по инерции относилась всех анархистов. Между тем, как отмечает английский исследователь Амори Старр (Amory Starr), «Черный Блок» это «тактика, а не организация»²¹. Под знамена «Черного Блока» собирались те, кто был настроен на силовую конфронтацию с полицией. Умеренные деятели от таких выступлений открещивались. Но, в известном смысле, они шли на пользу движению. До того, как «Черный блок» начал громить бутики, произошло многое. Однако ни забастовка портовых рабочих Сиэтла, протестовавших против встречи ВТО, ни многотысячные мирные демонстрации не удостоивались внимания прессы. Стоило разбиться первому стеклу, как вся Америка, а за ней и весь мир с изумлением обнаружили появление новой политической силы.

«Тот факт, что все эти кампании децентрализованы, вовсе не свидетельствует не об их несостоятельности или разобщенности, — писала Ноами Кляйн, один из наиболее популярных идеологов движения. — Напротив, речь идет о преодолении разобщенности, об объединении в одно движение многочисленных прогрессивных тенденций, которые ранее были разобщены, о формировании на этой основе единой, широкой культуры»²².

За волнениями в Сиэтле последовали протесты в Вашингтоне в апреле 2000 года во время совещания Мирового банка, а затем массовые демонстрации, сопровождавшие предвыборную конференцию Демократической партии США в Лос-Анджелесе в августе 2000. Впервые с 70-х годов радикальные выступления стали темой дискуссии в «большой прессе», появились на экранах телевидения в США. Флора Льюис, обозреватель «International Herald Tribune», негативно настроенная к движению, отмечает: «После своего неожиданного успеха в Сиэтле на встрече Всемирной торговой организации, после того как выступления протеста стали частью весеннего совещания Мирового банка в Вашингтоне, организаторы демонстраций достигли подлинного профессионализма, научились организовывать и использовать имеющиеся силы с максимальным эффектом»²³.

Как отмечал идеолог антикорпоративного сопротивления Уолден Белло, провал встречи ВТО в Сиэтле был не только результатом массовых выступлений, но скорее итогом «магической комбинации» — когда уличные протесты наложились на разногласия между представителями ведущих стран Запада²⁴. По мнению многих левых, события в Сиэтле стали «поворотным моментом в истории»²⁵. Австралийский «Green Left Weekly» назвал произошедшее в Сиэтле и Вашингтоне «важным шагом на пути к общей цели — новому, демократическому и социалистическому миру, где господствуют интересы людей, а не прибыли корпораций»²⁶.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ — «ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

Политические партии оказались во многом позади массового движения, которое в конце 1990-х начало стихийно вырабатывать новые формы организации и действия, зачастую заменяя инертные партийные структуры. В значительной мере «работу», с которой не справлялись политические партии, стали делать общественные коалиции, возникшие в конце 1990-х годов. Одной из первых была международная коалиция «Юбилей-2000», выступившая за отмену долгов развивающихся стран. Во Франции движение за регулирование транснациональных финансовых потоков получило название АТТАК (Attac) — в 1999-2000 годах эта организация создала филиалы почти по всей Европе, включая и Россию. Рост этих движений был бурным и резко контрастировал со стагнацией многих политических партий.

В свою очередь отношение левых партий к АТТАК и другим подобным движениям оказалось двойственным. Во Франции многие депутаты от компартии и соцпартии вступили в АТТАК. Лидеры компартии приветствовали его деятельность, а также заявили о солидарности с Жозе Бове (Josy Bovy), французским крестьянским лидером, попавшим в тюрьму за то, что вместе со своими единомышленниками демонтировал здание ресторана «Макдональдс».

«Окажись здесь “Макдональдс”, мы бы вместе с Жозе его демонтировали», — заявил лидер компартии Робер Ю (Robert Hue) на празднике газеты «L’Humanite»²⁷. Однако, по какой-то случайной случайности, «Макдональдса» рядом не оказалось, и в тюрьму пошел Жозе Бове, а товарищ Ю вернулся к своим парламентским обязанностям. Пока на праздниках произносились эти грозные речи, компартия вместе с соцпартией оставалась в составе правительства, проводившего политику, против которой как раз и выступали активисты массовых движений. Все это усугубляло кризис в партии, фактически разделившейся на группы, действовавшие автономно друг от друга.

В Скандинавских странах партии, находившиеся слева от социал-демократии, активно поддерживали международные протесты, их активисты участвовали в демонстрациях в Праге в 2000 году и особенно энергично — в Гетеборге в 2001 г. В Финляндии к АТТАК присоединились представители левого крыла социал-демократии. Однако и в Скандинавии с началом массовых протестов резко обострились противоречия между левым и правым крылом в политических партиях.

В условиях, когда левые политические партии демонстрировали явную недееспособность и выходящий за рамки любых приличий оппортунизм, на борьбу против «глобализации» поднялось, по выражению немецкого философа Эльмара Альтфатера (Elmar Altvater), «глобальное гражданское общество»²⁸.

Решающую роль в развертывании движения сыграли «неправительственные организации» (НПО) возникшие в конце 80-х годов XX века. Само по себе бурное развитие НПО в 1980-е и начале 1990-х годов является следствием глубочайшего кризиса левых на Западе и в «третьем мире». Если в 1960-е и 1970-е годы можно было наблюдать подъем массовых организаций и движений («новые левые», «зеленые» и т.д.), то к середине 1980-х большая часть из них находилась в упадке. Причиной был не крах СССР, наступивший значительно позднее, а неспособность самих левых противостоять наступлению неолиберализма и распаду социального государства на Западе. Большая часть активистов, смирившись с поражением, перешла к тактике «малых дел» в рамках всевозможных НПО. Упадок политических партий сопровождался уходом масс из политики, а движения были заменены организациями профессионалов типа «Greenpeace». Эти организации были технически хорошо подготовлены, но, как правило, недемократичны, авторитарны и изолированы от общества.

Одна из отличительных черт «новых социальных движений», поднявшихся в конце 1980-х годов, состояла в том, что многие из них отнюдь не являлись «социальными» (в смысле представительства сколько-нибудь широкого социального слоя). Более того, многие из них не являлись и движениями. Место массовых организаций понемногу занимают специализированные группы, сеть «неправительственных организаций». Так массовое экологическое движение середины 1970-х сменилось профессиональными и дорогостоящими акциями «Greenpeace» или «Друзей земли», антивоенное движение перешло от организации народных маршей к проведению симпозиумов и лоббированию высокопоставленных чиновников. Вопрос не в том, хороши или плохи цели этих организаций. Деятельность подобных структур может быть общественно полезной, а может сводиться к выбиванию средств на поддержание собственного аппарата. Но в любом случае именно аппарат становится центральным элементом новой политики.

Такая профессионализация оказалась привлекательной перспективой для радикальных активистов, постаревших, уставших от бедности и самопожертвования. Дмитрий Петров — в середине 1990-х годов лидер левой группы «Студенческая защита» — опубликовал настоящий панегирик НПО на страницах «Независимой газеты»: «Их ресурсы велики, их политика транснациональна, их стратегии долгосрочны. Налоговые, таможенные и другие льготы помогают привлекать изрядные средства в виде пожертвований. Жертвуют и живущие на зарплату американцы и европейцы, и крупные корпорации, суперзвезды шоу-бизнеса устраивают фестивали в пользу детей Африки...» Неправительственные организации сочетают гуманизм и «новые рекламные возможности», они «становятся последней надеждой рассерженных студентов, разъяренных рабочих, доведенных до отчаяния безденежьем, одиноких стариков, больных, бездомных, беспризорных детей, меньшинств, ущемленных в правах. Именно они становятся инициаторами возрождения цивилизационных ценностей, прогрессивных традиций общинности, коллективного лидерства и взаимной поддержки. Они дают бессильным силу»²⁹.

На деле многие неправительственные организации не могли бы существовать без тесной связи с государством, которое фактически передает им часть своих функций и одновременно снимает с себя ответственность за результаты этой деятельности³⁰. С одной стороны, лоббирование, корпоративизм и патернализм становятся неотделимы от новых социальных движений. С другой стороны, происходит частичная приватизация гражданской жизни и даже социальной сферы. Это, пожалуй, гораздо опаснее для демократии и гражданского участия, нежели традиционный корпоративизм, не претендовавший на то, чтобы быть высшим выражением демократии. Коррупция является естественным продолжением такой политики. Не случайно именно коррумпированный режим «социалиста» Беттино Кракси в Италии был тесно связан с НПО — обычной практикой был обмен политической поддержки правительству со стороны левых и экологических НПО на финансовую помощь. «Прикармливая» прогрессивные неправительственные организации правительство одновременно поощряло их в качестве альтернативы «старой левой».

«Новые социальные движения» и НПО начали со справедливой критики централизма, авторитаризма и бюрократизма «старого» рабочего движения, его партий, профсоюзов и массовых ассоциаций. К середине 1990-х многие НПО сами превратились в узкие группы профессионалов, полностью закрытые для контроля со стороны населения и зависимые от внешних источников финансирования. Значительная часть НПО оказалась закрыта даже для тех привычных форм демократического контроля, которые (пусть и в ограниченном виде) существовали в традиционных массовых партиях. В итоге новые социальные движения и НПО нередко были интегрированы в систему, которой формально противостояли. Признавая кризис новых социальных движений, некоторые авторы даже в этом видят их сильную сторону. Так Андре Гундер Франк и Марта Фуентес пишут, что «сам по себе жизненный цикл социальных движений, которые через некоторое время либо исчезают, либо институционализируются, свидетельствует не об их слабости или самоуничтожении, а об их жизненной силе и растущем значении в качестве фактора будущих преобразований»³¹. Показательно, однако, что кризис этих движений наступает не от того, что их программы хотя бы частично выполнены (как было с «классическим» либерализмом или социал-демократией), от того, что они оказываются неспособны реализовать свои обещания, теряют связь с собственной социальной базой.

Эволюция экологического движения в бывшем Советском Союзе может быть великолепным примером. В годы перестройки экологические выступления были важнейшей частью новых гражданских и социальных инициатив. Теоретики движения гордо заявляли, что эти выступления превращают «население» в граждан. Протестуя против загрязнения окружающей среды «осознают свои обязанности в качестве граждан»³².

Спустя три года представители Социально-экологического союза России констатировали упадок движения. Хотя состояние окружающей среды заметно ухудшилось, люди, угнетенные заботой о выживании в условиях «дикого» капитализма, больше не склонны были ни протестовать, ни вступать в экологические организации. Идеологи признавали: наступил «серьезный кризис». Лидеры экологистов испытывали «колебания между позициями союзника и оппонента системы», была подорвана основа «солидарных действий». Реальность середины 1990-х это «бюрократизация, социальная дифференциация и иерархизация, растущий разрыв между ядром движения и его периферией, сосредоточение в руках лидеров ресурсораспределяющих функций и независимость их действий по отношению к рядовым активистам»³³.

Не только в России, но и на Западе новые социальные движения повторили за полтора десятилетия ту же траекторию бюрократизации и упадка, на которую старому рабочему движению потребовалось полтора столетия. Отсутствие четкой классовой базы способствовало ускоренному разложению «радикальных» политических элит. В России лидеры экологического движения сумели избежать многих соблазнов, связанных с участием во власти и коррупцией. Ускоренное разложение русского экологизма было связано не только с его собственными внутренними проблемами, но и с общей неудачей гражданского общества, которое погубило, не успев возникнуть. Экологизм был выражением гражданской активности и пришел в упадок вместе с ней. Без мощного социального импульса эта гражданская активность не может ни возникнуть снизу, ни быть насаждена «сверху».

Не имея возможности мобилизовать массовую социальную базу, экологические организации сделали ставку на работу профессионалов. В условиях России это было равнозначно ориентации на западную финансовую помощь: «Структуры движения стали меняться потому, что приоритеты зависели от западных экспертов и организаций» Радикальные идеи и настроения уступили место прагматизму, отмечает известный исследователь Олег Яницкий, усиливая реформистский характер движения. Разложение движения в таких условиях неизбежно. Если та или иная группа получает грант на определенный проект, который должен быть реализован в течение определенного времени, ничем другим она уже заниматься не в состоянии. «Подобный сценарий подрывает солидарность между группами, усиливает конкуренцию между ними»³⁴.

К концу 1990-х годов кризис неправительственных организаций и новых социальных движений становится очевидным. Но это не означает их ухода со сцены. В 1999-2000 годах происходит очередной перелом. На Западе в политику приходит новое поколение, не затронутое ни холодной войной, ни крахом коммунизма, ни комплексом постоянного поражения, сформировавшегося у западных левых на протяжении 80-х годов XX века. Они не хотят работать в традиционных парламентских партиях или относиться к ним с подозрением, но и самоизоляция НПО 1980-х годов их не устраивает. Отныне НПО открыто раскалываются на две группы: тех, кто представляет собой непрозрачные самодостаточные структуры, нацеленные исключительно на симуляцию деятельности и проедание грантов, и тех, кто поставил себя на службу массовому движению, превратился в его специализированные подразделения, подчинившись его задачам и его демократии, тех, кто готов выступать в качестве экспертного сообщества, технического аппарата, не пытаясь больше заменять собой организации масс.

ЕВРОПА ПРОСЫПАЕТСЯ: 2000-2001 ГГ.

После волнений в Сиэтле и Вашингтоне настал черед массовых выступлений в Европе. В сентябре 2000 года 10 тысяч демонстрантов, съехавшихся со всей Европы, сорвали встречу Международного Валютного Фонда и Мирового Банка в Праге. Столица Чехии была избрана для этой встречи не случайно. Ее организаторы не скрывали, что в городе, где еще помнят тоталитарную пропаганду советской эпохи, антикапиталистические идеи движения «будет трудно распространять»³⁵. Это в значительной мере соответствовало действительности, но демонстрации показали, что, несмотря на скептицизм старшего поколения, среди молодежи левые идеи пользуются возрастающей популярностью.

В Праге полиция ожидала, что демонстранты постараются повторить «американский сценарий» блокируя отели. Вместо этого протестующие дали участникам встречи собраться в Конгресс-центре и заблокировали выходы. В течение двух часов представители мирового банковского сообщества не могли вернуться в свои отели. В конечном счете, им пришлось добираться в гостиницы на общественном транспорте, что по признанию самих делегатов было для них настоящим шоком. Встреча была прекращена.

Массовые протесты прошли в Ницце в декабре 2000 года во время совещания руководящих органов Европейского Союза, а затем в Швейцарии во время Всемирного экономического форума в Давосе. Для предотвращения демонстраций полиция практически блокировала район Давоса, что привело к дезорганизации транспорта по всей маленькой Швейцарии и вызвало возмущение добропорядочных бюргеров. Демонстрантов поливали холодной водой на морозе. Для «защиты» Давоса использовались воинские подразделения с бронетранспортерами (бронетехника активно, но неэффективно использовалась уже в Праге, где один бронетранспортер был подожжен анархистами). Несмотря на то, что в отличие от Праги, демонстранты не смогли помешать проведению Мирового Экономического Форума, назвать его успешным было за-

труднительно. «Давос 2001 знаменует резкое изменение настроения и психологии мировой бизнес-элиты, — писала австралийская газета “Green Left Weekly”. — Они, конечно, пока еще не выпрыгивают из окон, но они стали мрачными, они постоянно оправдываются и почти не употребляют слова “глобализация”, “технология”, “прибыль”, которые раньше вставляли в любую фразу»³⁶.

Надо отметить, что перенос основного места действия из США в Европу и Канаду способствовал усилению и более четкому артикулированию антикапиталистической направленности движения. Активисты традиционных левых партий, а также сторонники многочисленных революционно-марксистских групп играли в европейском и канадском движении значительно большую роль, нежели в США. Что еще важнее, они оказались своего рода культурными посредниками, через которых традиции рабочего и социалистического движения, исторический опыт «старой» левой был передан новому движению.

Более активное участие сторонников «традиционной» левой в антикапиталистических выступлениях способствовало и выдвиганию на передний план позитивной программы³⁷. Лозунги стали более конкретными и социально заостренными. Вместо того чтобы упрекать корпорации в различных безобразиях, активисты теперь боролись за ликвидацию самих международных институтов, посредством которых корпоративная диктатура реализуется на практике. Уличные восстания начала 2000-х годов подготовили французское и голландское «Нет!», на референдуме по Евроконституции и предопределили глубокий кризис легитимности, охвативший институты западноевропейского сообщества.

КАМПАНИЯ РАЛЬФА НЭЙДЕРА В США

Прямым следствием массовых выступлений в Сиэтле была президентская кампания Ральфа Нэйдера в США в 2000 году. До сих пор радикальные критики системы в Америке перед выборами оказывались в состоянии морального кризиса. Теория «меньшего зла» заставляла их поддерживать демократов, а собственный жизненный опыт свидетельствовал, что чем больше демократы пользовались бескорыстной поддержкой левых, тем дальше сдвигались вправо. Когда в 1992 году после 12 лет правления консервативных республиканцев в Вашингтоне воцарился Билл Клинтон, многие надеялись, если не поворот влево, то хотя бы на то, что неолиберальный экономический курс во внутренней политике и агрессивная империалистическая линия во внешней сменятся чем-то более умеренным. На практике всё вышло наоборот. Администрация Билла Клинтона оказалась одной из самых правых за всю послевоенную историю США. По своей внешнеполитической агрессивности демократы заткнули за пояс даже республиканцев, организовав подряд несколько вооруженных интервенций на Балканах, активно поддерживая действия МВФ в странах «третьего мира», одобряя государственный переворот, организованный в 1993 году российским президентом Ельциным.

Настал момент, когда никакая «теория меньшего зла» не могла оправдать сотрудничество с демократической партией. Активисты, пережившие «битву в Сиэтле», увидевшие собственными глазами, что происходит в Европе и в соседней Мексике, не желали превращаться в заложников истеблишмента. Выходом для них стала президентская кампания независимого кандидата Ральфа Нэйдера, получившего известность в качестве адвоката, защищавшего права потребителей.

Хотя Нэйдер, выступавший от имени «Зеленой Партии», набрал меньше голосов, нежели ожидалось (около 3% голосов), он был первым за два десятилетия радикальным кандидатом, который привлек к себе внимание прессы и общества. Уличные митинги в поддержку Нэйдера в Нью-Йорке и Калифорнии были крупнее, чем аналогичные мероприятия республиканцев и демократов. А «зеленые» укрепили свои позиции в качестве электоральной альтернативы господствующим партиям. Большая часть радикальных левых групп — в том числе и весьма далеких от экологической проблематики — активно работала на Нэйдера. В рядах его сторонников были и троцкисты, и борцы за гражданские права, и даже некоторые группы, имевшие репутацию «анархистских»³⁸.

Обе официальные партии общими усилиями добились недопущения Нэйдера к предвыборным теледебатам. «Если бы Нэйдер смог принять участие в дебатах, — пишет журнал “New Politics”, — он бы, скорее всего, удвоил или утроил количество полученных голосов. Но еще важнее было бы образовательное и пропагандистское значение такого по-настоящему демократического столкновения взглядов. И все же, даже не имея доступа к средствам массовой ин-

формации, Нэйдер изменил сознание миллионов людей, включая тех, кто за него не голосовал, он показал, что система прогнила насквозь, но сами мы не бессильны»³⁹.

Выборы 2000 года закончились поражением демократов и появлением в Белом Доме Джорджа Буша Младшего, который уже на этапе предвыборной кампании подавал надежды на то, что станет самым реакционным президентом в истории США. Непрерывный марш демократов вправо создал ситуацию своеобразной конкуренции между основными партиями, стремившимися перещеголять друг друга в реакционности. Правда, в последний момент демократы вспомнили про привычную социальную риторику – и почти отыграли выборы. Всё решило голосование в штате Флорида, где под присмотром губернатора республиканца из того же семейства Бушей, голоса весьма странным образом. Однако демократы, пошумев немного для виду, фактически сорвали борьбу против избирательных фальсификаций.

Представители «умеренных» в левом лагере тут же попытались возложить ответственность за поражение демократов на Нэйдера. Но даже самый простой анализ хода выборов показывает, что это не так. Как известно, американская избирательная система является двухступенчатой. Нэйдер набрал большую часть голосов в штатах, которые и так отошли к демократам. Во Флориде его участие в выборах не меняло общего расклада. Ни одного выборщика демократы по вине Нэйдера не потеряли.

В то же время Нэйдера критиковали и слева – за недостаток внимания к положению этнических меньшинств, за то, что он не стал вести серьезную борьбу за привлечение на свою сторону профсоюзов. Предприняв некоторые символические шаги в этом направлении, он тем и ограничился.

Подобная критика отражала реальные проблемы и противоречия движения. Однако необходимо отметить несколько принципиально важных моментов, о которых мало писали как левые, так и правые комментаторы. Во-первых, «антиглобалистское» движение возникло на рубеже веков – в условиях, когда сами социальные структуры и даже структура рабочей силы в мировом масштабе были крайне сложными и неоднородными. Новый *глобальный трудовой класс*, пролетариат эпохи позднего капитализма, сам находится в процессе становления, а потому неоднородность сил сопротивления лишь отражает социальные противоречия и различия в среде трудящихся. Во-вторых, движение возникло на фоне беспрецедентного упадка и деморализации «классических» левых, деградации социалистической и марксистской политической культуры. Тем самым новые радикалы вместо того, чтобы строить свою идеологию, культуру и политику на основе достижений прежних поколений левых, вынуждены были фактически создавать все с нуля, зачастую открывая заново старые истины. В-третьих, существенно, что новое движение родилось именно в США.

Отсутствие «старой левой» и фактически полное исчезновение с политической сцены «новой левой» образца 1960-х годов расчистило в Америке пространство для появления нового радикального движения, «третьей левой», глобального радикализма и т.д. Деградация традиционной левой не могла здесь быть препятствием для роста движения именно потому, что традиционные левые в США начиная с конца 1930-х годов не являлись важным политическим фактором. Сначала одни были интегрированы в «новый курс» демократической партии Ф.Д. Рузвельта, а затем «вычищены» из политической жизни во время «холодной войны» и инициированных сенатором Маккарти репрессивных антикоммунистических кампаний. Причем именно кооптация левых в официальные структуры демократов способствовала их полному крушению в 1940-е годы, когда, потеряв доступ к официальной политике, они обнаружили, что собственные организации строить уже поздно.

Левые интеллектуалы нашли убежище в университетах, где и вызрело к 1960-м годам движение «новых левых». Но и это движение, не имевшее связи с рабочим классом и основной массой «необразованного» населения, к середине 1970-х годов угасло. Интеллектуалы вернулись на университетские кафедры (пополнившиеся вчерашними активистами).

Отсутствие левой традиции среди масс наложило свой отпечаток и на идеологию и на лозунги и даже на эстетику движения в США. Оно в значительной мере воспроизводило методы «новых левых». Но оно пыталось учиться на уроках прошлого. Сотрудничество с профсоюзами рассматривалось активистами как способ выйти из академического «гетто». А изменение социальной структуры американского общества, в котором рос процент работников, получивших высшее образование, создавало для университетских радикалов новую, куда более широкую аудиторию.

И тем не менее, несмотря на резкий подъем левых настроений в Америке, движение осталось здесь гораздо более «сырым» и политически неустойчивым, нежели в Европе. Это не преминуло сказаться в 2001 году, когда левые столкнулись с контрнаступлением истеблишмента.

ГЕНУЯ, ИЮЛЬ 2001

Кульминацией выступлений 2000-2001 годов в Европе стали события в Генуе. Сюда на саммит «большой восьмерки» лидеров крупнейших индустриальных стран прибыло по разным данным от 200 до 300 тысяч демонстрантов. Масштабы мобилизации оказались столь впечатляющими в силу сочетания ряда факторов. С одной стороны, активисты движения изначально планировали демонстрацию в Генуе как кульминацию длительной кампании. С другой стороны, в самой Италии победа правых во главе с Сильвио Берлускони создала новую политическую ситуацию. Левоцентристские силы, объединявшиеся вокруг блока «Оливкового дерева» и партии Левых демократов, были деморализованы, а значительная часть их сторонников в профсоюзах и других массовых организациях радикализировалась. В период, пока левый центр был у власти, существовало опасение, будто массовые протесты могут «раскачать лодку», способствуя приходу к власти правых. Поскольку правые все равно пришли к власти, это негласное самоограничение отпало, и профсоюзные активисты, даже близкие к левому центру почувствовали себя свободными в своих действиях. Наконец, жестокость полиции во время демонстраций в Зальцбурге и Гетеборге ранее тем же летом вызвала возмущение радикальной молодежи, желание ответить «ударом на удар». В Гетеборге впервые полицией было применено огнестрельное оружие против демонстрантов, три человека были ранены. Реакцией движения была лишь еще большая радикализация.

Большинство молодых людей, прибывших в Геную, были итальянцами, но из Франции, Греции, Великобритании, Испании и Германии также прибыли многотысячные подкрепления. Были представлены также радикальные группы из Восточной Европы, в том числе из России. Фактически из России прибыло два контингента. Один — в виде «официальной» российской колонны, организованной активистами «альтернативных» профсоюзов и Движением за рабочую партию⁴⁰. Ядром этой группы была группа «Социалистическое сопротивление». Второй был организован активистами из Петербурга совместно с русскоязычными левыми из Балтийских республик.

Саммит в Генуе обернулся беспрецедентным, по европейским меркам, насилием. После Генуи в течение двух недель Италия не могла придти в себя. Насилие сопровождало все встречи международной элиты уже на протяжении двух лет, но это было нечто иное. В Праге участники событий говорили про «карнавальное насилие». Сражения с полицией как-то естественно перемешивались с театрализованным представлением, карнавалом, где розовые воздушные шарики взмывали над облаками слезоточивого газа. В Квебеке весной 2001 года катапульты стреляли в полицию плюшевыми мишками, а на повязках, которыми прикрывала лица молодежь, штурмующая полицейские заграждения, были нарисованы улыбки. Местная пресса помещала изображения щитов, противогазов и мотоциклетных касок в разделе моды.

В Генуе ситуация была качественно иной. 20 июля 2001 года на площади Кеннеди был застрелен карабинерами восемнадцатилетний демонстрант Карло Джулиани. Ожесточение нарастало с обеих сторон. Бронемшины таранили толпу. Молодежь громила витрины, поджигала автомобили, строила баррикады. Здесь, в отличие от Праги, не было безопасных зон, весь город превратился в огромное поле боя. Не только полиция жестоко избивала демонстрантов, но и сами молодые люди с яростью набрасывались на карабинеров, отставших от строя, били их ногами и палками. В ночь с 21 на 22 июля полиция ворвалась в помещение, где размещался Генуэзский социальный форум, избивала и арестовывала десятки людей. Число раненых исчислялось сотнями. Итальянский парламент был вынужден начать расследование действий полиции. Площадь Кеннеди, где погиб молодой человек, была стихийно переименована в «площадь Карло Джулиани».

Гибель Карло Джулиани стала рубежом, за которым начинается совершенно новый этап противостояния. Карло Джулиани, застреленный карабинером, стал мучеником движения, а на итальянские власти обрушился шквал критики не только со стороны радикалов и профсоюзов, но и со стороны прессы, а также умеренных левых. «Большая восьмерка» не получила того, ради чего ехала на саммит. Все внимание было приковано не к ней, а к побоищам на улицах. Однако движение протеста тоже не могло считать себя победителем. Дело не в том, что на сей раз (в отличие от Праги или Сизтла) технически саммит сорвать не удалось. Важнее другое: битва в Генуе показала границы уличного протеста.

ДИСКУССИЯ О ТАКТИКЕ И СТРАТЕГИИ ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ ГЕНУИ

Чем больше были масштабы движения в 1999-2001 годах, тем более мощные полицейские силы мобилизовались против него, тем серьезнее становилась эскалация насилия. Шон Хили (Sean Healy) писал на страницах «Green Left Weekly», что государственная власть применила против протестующих «классическую антиповстанческую стратегию»⁴¹. С одной стороны, предпринимались попытки политически расколоть движение, противопоставив радикалов умеренным и выделив на первый план вопрос о насилии. Надо сказать, что этот вопрос действительно вызывал серьезные проблемы в движении, где многие оценивали деятельность склонных к насилию анархистов из «черного блока» как откровенно провокационную⁴².

С другой стороны, противодействие демонстрантам все больше превращалось в военно-полицейскую операцию, не скованную нормами формального права, регулирующего действия полицейских сил в условиях мирного времени. Примерами этого могут быть выдача огнестрельного оружия полиции в Гетеборге и Генуе еще задолго до начала столкновений, и фактическое объявление чрезвычайного положения на территории городов, где происходили события (в Праге и Квебеке — частично, в Гетеборге и Генуе — по всему городу). Показательно, что «красные зоны» чрезвычайного положения были объявлены властями заранее, до начала столкновений. Собственно, провозглашение полицией подобных «красных зон» и становилось главным поводом для конфронтации, поскольку демонстранты считали подобные решения незаконными и противоречащими конституционным нормам граждан (свободе передвижения, свободе демонстраций и т. д.).

Сьюзан Джордж отмечает, что в Генуе и Гетеборге «прямые репрессии» и использование методов электронной слежки за активистами сочетались с «идеологической контратакой»⁴³. Активисты движения протеста представлялись правой прессой в качестве безответственных бунтовщиков, которые сами не знают, чего хотят. При том, чем больше насилия следовало за действиями полиции, тем больше появлялось возможностей обвинить в насилии демонстрантов.

В Генуе «антиповстанческая стратегия» не сработала, поскольку жестокость полиции обернулась против нее же самой. Итальянская пресса в целом осудила действия полицейских сил, а парламентское расследование выявило, что репрессивные меры были спланированы заранее. Отчасти этому способствовал сам Сильвио Берлускони. Оправдываясь перед депутатами, он «сдал» своих предшественников из ушедшего в отставку левоцентристского правительства, показав, что планы полицейской операции готовились ещё ими. Тем самым Генуя в очередной раз подтвердила, что принципиальной разницы между правыми и «левыми» неолибералами не существует.

События в Генуе также показали, что по мере того, как борьба вокруг глобализации выходит на передний план политической жизни, обнаруживается и ограниченность возможностей уличного протеста. Радикальная молодежь способна овладеть улицами, но она не может таким способом поколебать власть. Стала необходимой серьезная стратегическая и идеологическая дискуссия, уточнение ориентиров, выработка политических приоритетов.

Любой протест представляет собой сочетание активных действий со своего рода стратегической пассивностью. Протест оборонителен. Цель протестующих состоит в том, чтобы заставить элиты, власть отказаться от своих планов, либо скорректировать их. Для того чтобы добиться реализации своей позитивной программы, движению нужен уже не протест, а нечто большее. Один из наиболее популярных идеологов движения — Уолден Белло — писал, что события в Сиэтле и в Праге спровоцировали «кризис легитимности» институтов мирового господствующего класса⁴⁴. После массовых выступлений в Сиэтле, Праге и Квебеке, по мнению Белло, международные финансовые институты столкнулись открытым проявлением массового недовольства, которое усугублялся нарастающими трудностями в мировой экономике. Мало того, что низы не признавали более авторитет международных неолиберальных институтов, но и верхи начали сомневаться в их эффективности. «Азиатский кризис 1997-98 годов был Сталинградом МВФ»⁴⁵. Согласно Белло, отныне должна была радикально измениться вся тактика левых. В 1991–97 годах казалось, что сделать ничего нельзя и, в конечном счете, сопротивление системе сводилось к попыткам ограничить худшие эксцессы неолиберализма, поискам компромисса с элитами, лоббированию международных организаций в надежде, что в соответствующих межгосударственных соглашениях будут введены параграфы, призывающие к социальной ответственности. После 1998-99 годов сложилось новое соотношение сил. Надо переходить к наступательной тактике, добиваясь структурных реформ и, в конечном счете, изменения

системы в целом. Применять прежнюю тактику означает то же, что «придерживаться оборонительной стратегии, типичной для периода до Сталинградской битвы, уже после победы в Сталинграде»⁴⁶.

Белло призывал отказаться от внесения различных «социальных» и «экологических» разделов в соглашения, готовящиеся в рамках ВТО, планируемой Американской зоны свободной торговли или под эгидой МВФ. Эти разделы не только все равно не будут выполнены, но и послужат легитимизации соответствующих соглашений, основанных на неолиберальной экономической философии. Необходимо, по мнению Белло, полностью заблокировать подготовку подобных соглашений и добиваться нового экономического порядка, основанного на децентрализации, контроле снизу и приоритете местных рынков, обеспечивающих занятость и производящих продукцию для местного населения.

Надо отметить, что позиция Белло вызвала острую критику со стороны части профсоюзных лидеров и представителей «традиционной левой» старшего поколения. Белло даже обвиняли в нежелании использовать международные соглашения для того, чтобы ограничить эксплуатацию рабочих в «третьем мире»⁴⁷. Обвинения совершенно необоснованные, но свидетельствующие о том, насколько острой и болезненной оказалась дискуссия.

Общий процесс радикализации не мог не затронуть и профсоюзное движение, особенно после событий в Квебеке, где профсоюзная демонстрация разделилась на меньшинство, сомкнувшееся с молодежью, штурмовавшей «стену позора», возведенную полицией, и большинством, последовавшим за своими лидерами в противоположную сторону. Волна критики, обрушившаяся на профсоюзных лидеров, «предавших» молодежь, привела к серьезному сдвигу в общественном мнении внутри профсоюзов. После Квебека профсоюзные верхи вынуждены были не только продемонстрировать солидарность с целями радикальной молодежи, но и поддержать ее методы, во всяком случае — той ее части, которая избегала применения насилия. Еще больше ситуация обострилась после убийства Карло Джулиани.

После событий в Гетеборге и в Генуе для значительной части активистов движения стало очевидно, что господство финансовой олигархии и транснациональных корпораций сохраняется и его не поколебать демонстрациями. В то же время антикорпоративные лозунги, типичные для Сиэтла, все больше уступали место антикапиталистическим. В Генуе участники демонстраций заявляли: «Капитализм невозможно сделать более гуманным, его нужно свергнуть». Соответственно движение радикализировалось, провозглашая, что «вновь наступили времена революций»⁴⁸. Участники выступлений говорили о том, чтобы сменить господство централизованной корпоративной элиты экономикой демократического участия. Но сделать это невозможно, не включаясь в полномасштабную политическую борьбу. Хотя действующие политические партии казались молодым радикалам коррумпированными, выборы — циничным соревнованием денежных мешков, это не снимало вопроса об участии в политической борьбе. Становилось ясно, что левым неизбежно придется заново создавать политические организации и вступать в избирательное соревнование с денежными мешками. Насколько новые организации окажутся лучше прежних? Это зависит от того, насколько левые XXI века смогут извлечь уроки из неудач своих предшественников.

ВСЕМИРНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФОРУМ

Местом, где новое левое движение могло организовать свои дискуссии и выработать позитивные предложения, стали социальные форумы. Первоначально подобные форумы проводились параллельно с выступлениями протеста, являясь своего рода «контр-саммитами», альтернативными дискуссионными площадками, противостоявшими встречам представителей элит. В 2001 году впервые решили, что Всемирному экономическому форуму в Давосе надо противопоставить Всемирный социальный форум (ВСФ). Давос исторически стал местом, где вырабатывалась неолиберальная стратегия (именно отсюда началась пресловутая «консервативная революция», точнее — контрреволюция). Социальный Форум в Порту-Алегри должен был символизировать решимость масс противостоять мировому порядку, установленному банкирами и коррумпированными политиками.

Первый Форум собрал 10 тысяч участников. Его делегатами стали представители профсоюзов, новых социальных движений, политических партий и неправительственных организаций. По словам одного из организаторов Форума, мэра Порту-Алегри Тасса Генро, задача состояла в том, чтобы «соединить движения протеста и институциональную политику»⁴⁹. Выбор бразильско-

го Порту-Алегри в качестве места проведения форума был не случаен. Здесь много лет у власти находится радикальное крыло Партии трудящихся, гордившееся своими экспериментами в области «демократии участия». Наряду с выступлениями «официальных» делегаций в ходе Форума было организовано множество семинаров и дискуссий для приезжих и местных активистов. Обсуждались проблемы долга, налогообложения и международной торговли. При этом обнаружилось, что многие представители стран «третьего мира», включая Партию трудящихся Бразилии, выступают не за полное списывание долгов, а за изменение правил международного кредита. Особое внимание уделялось «налогу Тобина», уже введенному в Канаде. Это налог на международные финансовые спекуляции, достигающие сотен миллиардов долларов ежедневно. «Налог Тобина» в масштабе 0,1 % от суммы перемещаемого капитала в случае применения в большинстве стран мог бы дать доход до 150-300 миллиардов долларов в год, которые должны были бы аккумулироваться и направляться на проекты развития в бедных странах. По существу, «налог Тобина» представляет собой первую попытку перенести регулирование и налоговое перераспределение на глобальный уровень и тем самым преодолеть разрыв между традиционными кейнсианскими рецептами, применявшимися национальным государством и новыми масштабами глобального рынка.

Форум в Порту-Алегри сопровождался многотысячными демонстрациями под лозунгами «Наш мир не продается!» и «Мы можем построить новый мир!» Общая формула ВСФ звучала довольно расплывчато: «Другой мир возможен!» Русское ухо это словосочетание воспринимает с трудом, поскольку сразу возникают ассоциации с потусторонним миром.

Не удивительно, что организаторы Форума в Порту-Алегри выслушали резкую критику со стороны более радикальных групп. Если реформистское крыло движения говорило о преобразовании глобальных институтов через парламентскую борьбу, то более левые течения обвиняли их в «недооценке массовой борьбы»⁵⁰.

Критики Форума поднимали и другой вопрос, быть может, более болезненный. В Хартии принципов ВСФ было торжественно провозглашено, что форум «открыт для плюрализма и разнообразия», но «представители ни партий, ни военных организаций не должны участвовать в Форуме». Зато правительственным чиновникам это разрешалось «в личном качестве»⁵¹. Легко догадаться, что соответствующий раздел Хартии не только дискриминировал политических активистов, предоставляя преимущества чиновникам, но и заведомо был невыполним. Позднее аналогичный вопрос вызывал острые дебаты на Европейском Социальном Форуме. На практике, партии играли значительную роль в формировании повестки дня ВСФ, особенно бразильская ПТ, заключившая негласный блок с французскими социалистами (разумеется, представлявшими левое крыло партии). «Антипартийный» раздел Хартии ВСФ в действительности был направлен против более мелких марксистских организаций, не имевших опыта политических комбинаций и интриг, а потому выступавших со своими лозунгами и идеями в открытую. Но и они быстро усвоили правила игры и научились представлять свои интересы посредством всевозможных front organizations (привязанных к партии широких организаций). Одной из наиболее успешных структур такого рода является английская коалиция Globalise Resistance, представляющая Социалистическую Рабочую Партию (SWP).

Несмотря на атмосферу спонтанности и импровизации, царившую на мероприятиях ВСФ, за кулисами шла интенсивная бюрократическая работа, плелись политические интриги и лоббировались противоречивы интересы. Отсутствие четких организационных правил, выборного и подотчетного руководства превращали форумы в место, где всегда были возможны негласные манипуляции. Другое дело, что сопротивление рядовых активистов зачастую сводило на нет закулисные комбинации, а демократическая, митинговая стихия диктовала общую динамику форумов, которые неуклонно сдвигались влево.

Форум в Порту-Алегри выявил как силу движения, так и его противоречия. Надо отметить, что волна недовольства итогами форума прокатилась по всем радикальным изданиям и Интернет-сайтам. В то же время невозможно было недооценивать значение форума с точки зрения массового сознания. Декларации ВСФ и последующие документы Европейского социального Форума стали своего рода политическими ориентирами, позволявшими провести разграничение между обновляющимся левым движением и перешедшей на неолиберальные позиции социал-демократией. Точно так же в Восточной Европе документы форумов служили водоразделом между левой и националистической оппозицией либерализму.

Форум в Порту-Алегри показал, что движение протеста способно обсуждать и вырабатывать альтернативы, и не может уже рассматриваться просто как коалиция недовольных. Точно

так же, как итогом Сиэтла стало повторение протестных выступлений на совещаниях международной элиты, итогом Порту-Алегри стала готовность движения к организации альтернативных встреч и форумов повсеместно — параллельно со встречами глобальной элиты и уличными акциями. Таким образом, возникла новая форма действия, когда протест сопровождается демократическим обсуждением альтернатив.

Для Форума в Порту-Алегри принципиально важно было привлечь внимание к уже существующим формам альтернативной экономической организации и экономики. К таковым относятся и «партиципативный бюджет» (механизм прямого участия населения в выработке бюджетной политики) в Порту-Алегри и предприятия «справедливой торговли» — fair trade — возникшие в США. В этом плане очень важна деятельность американской организации Global Exchange во главе с Кевином Данахером. Global Exchange участвует в массовых акциях протеста, но одновременно поддерживает альтернативную коммерческую систему кредита, помогающую кооперативам в Латинской Америке, формирует инфраструктуру торгового обмена, противостоящую корпоративному рынку. Принципиально важно, что активисты Global Exchange вовсе не считают, будто подобные кооперативы сами по себе смогут постепенно вытеснить корпорации или изменить общество. Активисты Global Exchange не верят в постепенную эволюцию. По их мнению, эксперименты альтернативной экономики должны лишь помочь выработке практических механизмов управления и организации, которые могут быть массово применены в новом, не-буржуазном обществе, а также подготовить кадры, которые смогут принимать решения не по правилам корпоративной культуры, а на основе принципов экономической демократии. В этом принципиальное отличие экспериментов альтернативной экономики от кооперативно-самоуправленческих проектов, распространявшихся в США в 1980-90-е годы⁵².

Стремление к выработке конкретных позитивных программ и предложений делало Всемирный социальный форум неизбежно реформистским. Однако он оказался местом встречи разных течений. Критика умеренного руководства движения разворачивалась именно на форумах, и в значительной мере — благодаря им. В конце концов, совершенно естественно, что новое антикапиталистическое движение разделилось на умеренное и радикальное крыло. Так происходит со всеми революционными движениями, начиная от гуситов в средневековой Чехии, заканчивая большевиками и меньшевиками в России 1917 года.

11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА: КРИЗИС ДВИЖЕНИЯ В США

Террористические акты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне резко изменили политическую обстановку в мире и в первую очередь в США. Показательно, что нападение террористов на нью-йоркский Всемирный торговый центр произошло за три недели до предполагаемого открытия в Вашингтоне совместного заседания Международного валютного фонда и Мирового Банка. К этому мероприятию активно готовились и представители радикальных движений, планировавшие провести демонстрацию, которая, даже по признанию враждебной движению прессы «превзошла бы все до сих пор виденное» в США⁵³.

После террористического акта в Нью-Йорке и Вашингтоне встреча была отменена, как и демонстрация протеста. Но, разумеется, последствия террористического акта несводимы к отмене той или иной акции, даже очень крупной. Качественно изменилась политическая обстановка в Соединенных Штатах. Общественное мнение резко сдвинулось вправо, и радикальные движения почувствовали себя изолированными. К числу наиболее серьезных проблем можно отнести то, что левые в США утратили столь трудно налаживавшуюся связь с профсоюзами.

В мировой истории начался новый этап. Администрация Дж. Буша немедленно рассказала всему человечеству про зловещую террористическую сеть «Аль-Каиду», возглавляемую загадочным миллионером Осамой Бен Ладеном (бывшим сотрудником американского же Центрального Разведывательного Управления). Не важно, что вся история «Аль-Каиды» была явно скопирована с образов голливудского кино, начиная с гротескных фильмов о Джеймсе Бонде, не важно, что в официальной версии концы с концами не сходились, и ни один из её тезисов не был официально доказан в судебном порядке. Хозяева Белого Дома получили свободу рук для операции возмездия. Чем меньше было ясно относительно «Аль-Каиды», чем более расплывчатым был образ этой организации, тем большей была свобода действий для руководства Соединенных Штатов. Первый удар был нанесен по Афганистану, второй по Ираку.

Как отмечала «Financial Times», сторонники торговой либерализации, свободного рынка и западного либерализма сплотили свои ряды, во имя отпора врагам Америки. По их мнению, ка-

питализм больше «не надо объяснять, его надо защищать». Со своей стороны, продолжает газета, — радикальное движение должно, «создавать себя заново» (reinvent itself)⁵⁴. Часть правой прессы, наряду с призывами жестоко наказать предполагаемых виновников террористических актов, радостно сообщали о смерти «антиглобализма».

Между тем движение против корпоративной глобализации не только не умерло после 11 сентября, но приобрело новые черты. Оно стало основой антивоенных выступлений, которые оказались весьма значительными уже поздней осенью 2001 года. Когда Соединенные Штаты и Великобритания подвергли бомбардировкам Афганистан, на улицы западных городов вышли многотысячные демонстрации. Левые издания отмечали, что эти демонстрации были не только пацифистскими, но и антиимпериалистическими. Они в значительной мере оказались продолжением летних «антиглобалистских» выступлений того же года⁵⁵. Речь идет, по выражению Хилари Уэйнрайт, о «гибридном движении», объединяющем разные вопросы — война, расизм, гражданские права⁵⁶. Идеолог французских левых, Игнасио Рамоне отмечал, что по существу антивоенное движение является формой защиты «наших принципиальных свобод», которые пытаются ограничить под предлогом борьбы с терроризмом⁵⁷.

События осени 2001 года вызвали не только переоформление лозунгов движения, но и несколько изменили его географию. Если в США радикальные течения столкнулись с безусловным кризисом, то в Европе и странах «третьего мира» сколько-нибудь серьезного кризиса не ощущалось, напротив, движение получило новый импульс. Тем самым европейская и «термондистская» части глобального движения вновь укрепили свои позиции. В целом это означало усиление общей радикальной и антикапиталистической направленности, а также более активную роль в движении групп, связанных с традициями социалистической идеологии XX века.

Война в Афганистане и подготовка войны в Ираке сопровождалась нарастающими массовыми протестами, охватившими, прежде всего, Западную Европу, затем Латинскую Америку и, наконец, США.

В то же время, события 2001 года изменили форму протеста. Организаторы уличных выступлений теперь всячески старались избегать насилия, поскольку это могло бы дать повод властям объявить о связи между «антиглобалистами» и мировым терроризмом. Такие попытки предпринимались правой прессой (особенно в России) сразу же после 11 сентября 2001 года, но не удалось. Антивоенные марши отличались теперь крайней организованностью и миролюбивым характером.

Всемирные социальные форумы стали в изменившихся условиях оптимальной формой глобальной самоорганизации. В 2002 году Всемирный экономический Форум был перенесен из Давоса в Нью-Йорк — акт «классовой солидарности» мировых элит, выразивших таким образом поддержку политике Дж. Буша. Несмотря на беспрецедентные полицейские меры, протесты в деловой столице Америки всё же состоялись. Однако более важен был успех проходившего в те же дни II Всемирного социального форума в Порту-Алегри. Он собрал существенно больше людей и организаций, привлек широкое внимание прессы и завершился впечатляющей массовой демонстрацией.

Форумы 2002 и 2003 годов показали, что после трагедии 11 сентября движение не только не пошло на убыль, но напротив приобрело качественно новый масштаб. Если первый форум собрал 12 тысяч участников, то в третьем форуме участвовало уже 80 тысяч человек. Европейский социальный форум во Флоренции в ноябре 2002 года принял 60 тысяч делегатов. Лишь на востоке Европы практически не заметно было признаков подъема (да и вообще существования) левого движения.

ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ

Можно без преувеличения сказать, что рамках нового движения миллионы людей получили возможность думать и спорить, публично высказывая свое мнение, отличающееся не только от господствующих идеологических позиций, но и от взглядов, доминирующих среди официальных левых лидеров. В этом плане «антиглобализм» радикально отличался от прежних левых движений с их жесткой идеологической дисциплиной, реализовал свободу слова в масштабах беспрецедентных, по крайней мере, со времен выступлений «новых левых» конца 1960-х годов.

«Специфика возврата к массовым политическим дискуссиям состоит в том, что они в основном формируются вне мира политических партий, — пишет один из идеологов движения, Кристоф Агитон. — В последнее десятилетие развиваются две противоположные тенденции:

социальные движения в целом радикализировались, в то время как политические партии, в том числе и некоторые радикальные силы (бразильская Партия Трудящихся, партии, образованные из латиноамериканских партизанских отрядов и т.д.) сдвинулись вправо или стали более умеренными».⁵⁸

Как уже отмечалось выше, «антиглобалистское» движение в действительности стоило бы назвать антикапиталистическим. Именно так определяют его характер многие из наиболее популярных среди радикальной молодежи идеологов — Алекс Каллиникос, Кевин Данахер, с известными оговорками — Сьюзан Джордж⁵⁹. Точно так же можно было бы говорить про глобальное демократическое движение, ибо по своим целям оно мало отличается от традиционных демократических движений, начиная с американской революции XVIII века. Тогда в Бостоне колонисты возмутились, что их законы и налоги устанавливает лондонский парламент, который они не выбирали. Суммируя требования нового протестного движения можно сказать, что оно всего-навсего требует, чтобы любые решения принимались только и избранными народом органами и в соответствии с признаваемыми самим народом законами. Другое дело, что это требование, если его применять последовательно означает фактический пересмотр всей глобальной экономической политики последних 20 лет, ибо она практически нигде и никогда не была одобрена населением в полном объеме. Больше того, требование демократизации экономики, если к нему относиться серьезно, несовместимо с капитализмом. Ведь власть капитала не подотчетна и неподконтрольна демократическим процедурам, собственники не обязаны не перед кем отчитываться. Принцип собственности и принцип демократии противоположны.

Антивоенное и антикорпоративное движение после 2001 года становится неизбежно антиимпериалистическим. Речь не идет о защите принципа национального суверенитета как такового. Суверенитет имеет смысл и ценность лишь в том смысле и в той мере, в какой он основан на демократической воле граждан.

Люди не хотят быть просто «трудовыми ресурсами» или «человеческим материалом». Они не хотят, чтобы лидеры «цивилизованного» мира навязывали свою волю большинству человечества. Такое положение дел вызывает все большее возмущение именно на Западе где понимают, что демократия неделима, а отрицание чужого суверенитета влечет за собой ущемление свободы в собственной стране. Опыт Ирака и практика «антитеррористической» коалиции 2000-х годов говорили сами за себя: США и Западная Европа пережили беспрецедентное наступление на гражданские права.

Необходимость повсеместной массовой мобилизации для борьбы против перешедшей в контрнаступление реакцией была очевидна. Всемирный Социальный Форум в Порту-Алегри не мог уже выполнять эту роль: требовалось вовлечь в процесс гораздо большее число людей, в самых разных странах. Социальные Форумы начинают распространяться по планете. В то время как Европа, а за ней другие части света решают проводить собственные континентальный форумы, сам ВСФ начинает странствовать с места на место. В 2004 году Всемирный социальный форум проводили в Индии. Когда в Порту-Алегри приняли решение о переносе мероприятия в Азию, многие предсказывали, что ничего хорошего из этого не получится: слишком большим будет культурный шок. И в самом деле, Мумбай, переименованный в азарте борьбы с колониальным прошлым, из Бомбея, оказался не самым простым местом для подобных встреч. Не только европейцы, но даже латиноамериканцы и африканцы были потрясены нищетой. Беспредельной, не вмещающейся в сознание. Это миллионы людей живущих в трущобах, и ещё миллионы, для которых даже в трущобах не находится места — им приходится спать на улице. Здесь целая иерархия бедности. Одни живут в ветхих обшарпанных домах, другие в лачугах из фанеры, шифера и картона. Некоторые просто ставят четыре палки и натягивают сверху брезент. Есть здесь, как выразился один из журналистов, и трущобы бизнес-класса. Нормальных стен, конечно, нет, но каким-то чудом проведено электричество. Можно смотреть телевизор. Далеко не каждый человек может позволить себе даже фанерную хижину на обочине дороги — все «хорошие» места уже заняты и для строительства самой жалкой лачуги нужны деньги.

Как обычно, российские средства массовой информации обошли вниманием Всемирный социальный форум, сосредоточившись на репортажах со Всемирного экономического форума в Давосе. Между тем, Всемирный социальный форум в Индии заслуживал внимания хотя бы потому, что его перенесли из Латинской Америки в Азию. Это имело символическое и политическое значение. Надо было показать, что форум массовых движений, в противоположность форуму элит, не может быть привязан к одному месту. Для азиатских организаций Форум, про-

ходивший в далекой Латинской Америке, был недоступен. Массовую делегацию через Атлантику не пошлешь. К тому же форум критиковали за недостаток демократизма, за то, что организационный комитет, где преобладали бразильцы и французы, принимает односторонние решения. Наконец, разочарование в политике Лулы и в деятельности Партии Трудящихся Бразилии затрудняло проведение ВСФ в Порту-Алегри. Форум оказался перед дилеммой: либо стать ареной критики новой бразильской администрации, либо оказаться под её влиянием.

В Индии латиноамериканская тематика оказалась на заднем плане. Азия заявляла о себе красочными толпами делегатов, которые превратили работу форума в яркое представление. Если в Порту-Алегри семинары и дискуссии были окружены карнавалом, то на сей раз, они были, по мнению многих, не более чем вкраплением в народный праздник. Характер форума изменился радикально. Речь уже не шла о том, чтобы выработать общую стратегию движения. Скорее это был смотр сил мировой левой, место встречи, где люди из разных стран могли найти друг друга, обменяться информацией и договориться о совместных действиях. В 2003 году, когда оргкомитет обсуждал перенос Форума, далеко не все были уверены, что индийские хозяева справятся. Опасения оказались необоснованными. Как всегда было много неразберихи, толкотни и путаницы, но в целом всё работало успешно.

В 2005 году Всемирный социальный Форум вновь состоялся в Порту-Алегри, а в 2006 его решили рассредоточить: было избрано три города, представляющие три континента — Каракас в Венесуэле, Бамако в Мали и Карачи в Пакистане.

Вслед за Всемирным и Европейским социальными форумами движение распространилось на отдельные страны. «Это ярмарки, в хорошем смысле слова, ярмарки идей, предложений, опыта; это места встреч и обмена мнениями, где могут высказаться все, — писал Агитон. — Общие правила способствуют установлению доверительных отношений между участниками: каждый знает, что он не попадет в ловушку, что любой может взять слово, что в совместных инициативах принимают участие только желающие».⁶⁰

Российский социальный форум прошел в Москве в апреле 2005 года, собрав более тысячи делегатов. В этом отношении он даже превзошел Германский социальный форум в Эрфурте, проведенный несколько месяцев спустя. Встреча протестующей молодежи совпала с избирательной кампанией, в которой впервые выступила Левая партия. Как отмечала газета «Junge Welt», большинство делегатов Форума «наверняка испытывали к Лево́й партии большую симпатию». Однако это отнюдь не означало некритической поддержки: деятельность партии должна подвергаться «критической корректировке (*kritisches Korrektiv*) со стороны социальных движений»⁶¹.

Для многих радикальных активистов социальные форумы стали скучным местом, где собираются многочисленные ораторы реформистского толка, плетутся интриги и бессмысленно тратится время. Другие восторженно отзывались о них как о смотрах сил сопротивления. На деле, вероятно, по-своему и те, и другие были правы. Как и всякое масштабное явление, форумы были противоречивы, выявляя и воспроизводя все проблемы движения (что, в конечном счете, шло на пользу противникам неолиберальной глобализации). Они менялись и развивались вместе с движением, переживая вместе с ним спады и подъемы.

Говоря словами, Грамши, на наших глазах начиналось формирование нового «исторического блока»⁶².

НОВЫЕ КОАЛИЦИИ

Глобальное сопротивление бросило вызов не только буржуазным элитам, но, не в меньшей мере, и политическим бюрократиям, как социал-демократическим, так и «радикальным». Тем самым они вынудили политические партии приспособляться к новой ситуации. Но, изменив соотношение политических сил, движение само по себе не могло достигнуть своих стратегических целей без участия партий. Другой вопрос, насколько левые политические партии были готовы к тому, чтобы стать инструментом массовой антикапиталистической борьбы.

Активисты новых движений просто обречены были вступить на ту же политическую арену, на которой действовала традиционная левая, но действовать на этой арене необходимо по-новому. Первыми шагами в этом направлении были кампания Нэйдера в США, создание «Социалистического Альянса» в Англии и Австралии. Ни один из этих экспериментов нельзя назвать вполне удачным.

Кампания Нэйдера в 2000 году не имела продолжения, не привела к организационной или идейной консолидации левых. А в 2004 году повторная попытка Нэйдера баллотироваться на пост президента уже не вызвала прежнего энтузиазма, тем более, что часть левых снова склонил-

лась к поддержке демократов под лозунгом «Anybody, but Bush» (Кто угодно, только не Буш). Этот лозунг, будучи политически бессодержателен, гарантировал полное, и безо всяких условий, подчинение левых аппарату демократической партии, который, в свою очередь, гарантированно проваливал выборы. Морально-политическая катастрофа американской левой на выборах 2004 года показала, что без самостоятельной организации не может быть и самостоятельной роли в общественной борьбе.

Такую самостоятельную организацию попытались создать в Великобритании. Политика Тони Блэра и жесткий контроль его аппарата над Лейбористской партией не оставляли никакой надежды на то, что эту партию ещё можно будет когда-либо использовать в интересах рабочих. «Новый реализм» Блэра и Шредера привел к массовому уходу из социал-демократической организации рядовых активистов, причем уходили в первую очередь именно те, кто искренне считали себя социал-демократами. Однако, в отличие от Германии, где избирательное законодательство оставляло возможность для прорыва в парламент новых политических сил (что и доказала история ПДС и затемлевой партии), британская система делала появление новой организации на парламентской арене почти невозможным. В результате недовольные либо уходили в частную жизнь, либо пополняли ряды внепарламентских массовых движений. Тем не менее, парламентское представительство становилось необходимо по мере того, как росли вес и влияние движения. Первым подобным опытом было формирование Шотландской Социалистической Партии. Её основателями стали троцкисты из группы «Militant», к которым присоединились другие марксистские и левосоциалистические течения. Пользуясь шотландским законодательством, более демократичным, чем английское, партия смогла прорваться в местную законодательную ассамблею, получив поддержку рабочих кварталов традиционно «красного» Глазго. Лондонские руководители «Комитета за Рабочий интернационал» (так теперь назывались сторонники «Militant») оценили этот успех по достоинству и исключили шотландских товарищей из своих рядов. Успех и революционная принципиальность несовместимы!

В Англии опыт Шотландской соцпартии вызвал подражание. Многочисленные радикальные и марксистские группы объединились в «Социалистический Альянс» с диссидентами из Лейбористской партии. Их примеру последовали марксистские организации в Австралии, создав коалицию с тем же названием. Однако вскоре оба проекта столкнулись с серьезными проблемами. Дело было не только в том, что жесткая избирательная система «Вестминстерского» типа не оставляла шансов малым партиям (как показал последующий опыт, это не всегда так). Куда серьезнее оказались внутренние разногласия. Многочисленные троцкистские группы перенесли своё соперничество внутрь Альянса. Наряду со сведением старых счетов между троцкистскими течениями, разворачивалась новая дискуссия о перспективах проекта. Часть его сторонников, особенно те, кто не принадлежали ни к одной из группировок, настаивали на слиянии в единую партию. Напротив, британская Социалистическая Рабочая партия (SWP), которая приложила максимум усилий для создания альянса, не желала более глубокой интеграции между течениями, предпочитая сохранять собственную, с таким трудом выстроенную организацию. «Комитет за рабочий интернационал» был верен себе: вступив в Альянс на короткий период, от тут же покинул его, объявив оппортунистическим и реформистским. В Австралии аналогичная дискуссия развернулась между сторонниками SWP, которые здесь назывались «Интернациональной социалистической организацией» (ISO) и Демократической социалистической партией (ДСП). Лидеры ДСП, приверженные идее единства, формально даже распустили свою организацию, доказывая, что следует «объединить всех революционных социалистов в одну политическую тенденцию»⁶³. Однако ISO сливаться не собиралась, доказывая преимущества плюрализма.

В скором времени для самих создателей «Социалистического Альянса» стало понятно, что проект зашел в тупик. Главной причиной были не противоречия между разными точками зрения, которые, в конце концов, вполне естественны в демократической организации. Проблема состояла в том, что при отсутствии массовой базы становилось непонятно, как и зачем эти разногласия примирять. Обе точки зрения на перспективы Альянса могут быть обоснованы собственной внутренней логикой. Конечным критерием выбора является не то, какая из двух схем теоретически «красивее», а какая из них более удобна для массового движения, какую из них поддерживают нуждающиеся в самостоятельной политической организации трудящиеся.

Неспособность «Социалистического Альянса» опереться на массовую социальную базу предопределила его кризис. Однако поиски оптимальной формы для создания левой коалиции продолжались, и в 2004 году на политической сцене Англии появилась новая организация — «Respect».

Английское слово «Respect» буквально может быть переведено как «уважение», но может трактоваться и как «достоинство». Это была коалиция низов, людей исключенных из официальной политики, требующих уважения к себе. Сторонники SWP нашли взаимопонимание как с рядом профсоюзов, так и с лидерами исламской общины. На выборах 2005 года «Respect Coalition» добился небывалого для британских левых успеха. Один его кандидат — Джордж Галлоуэй — был избран в парламент, в двух других округах кандидаты «Respect Coalition» заняли второе место, уступив незначительное число голосов представителям «больших» партий.

Успех коалиции Respect не может быть отнесен просто на счет мобилизации «исламского фактора». Однако на голоса мусульман претендовали не только левые. И лейбористы, и особенно либеральные демократы выставляли кандидатов-мусульман и всячески демонстрировали свою заботу об этнических и религиозных меньшинствах. Напротив, наиболее успешные кандидаты «Respect Coalition» как раз мусульманами не были. «Respect» добился впечатляющих результатов потому, что стал выразителем на парламентском уровне продолжателем антивоенного движения. Голосование за кандидатов «Respect Coalition» стало показателем массового недовольства, которое раньше проявлялось только на улицах. «Respect» дал возможность «мощному антивоенному движению получить парламентский голос, дал Блэру почувствовать весь масштаб возмущения и ярости, вызванных вторжением в Ирак».⁶⁴

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР

Бурный рост движений, связанных с «политическим исламом», оказался естественным следствием упадка левых. В течение 1990-х годов марксистские организации в странах Ближнего Востока были в состоянии лишь критиковать систему и считать собственные потери, наблюдая, как радикальная молодежь, которая раньше собиралась под красные флаги, переходила под знамена ислама. В начале 2000-х годов, однако, ситуация изменилась. Левые вновь были на подъеме, в то время как среди исламистов становились всё более очевидны противоречия — не только по вопросам стратегии и тактики, но и относительно самих задач и целей борьбы.

Эти противоречия исламского сопротивления были закономерным следствием классовых различий внутри самого исламского общества — как в странах Ближнего Востока, так и среди мусульман, проживающих в Европе. Испытывая солидарность в качестве угнетенной религиозно-культурной и этнической группы, мусульмане отнюдь не были однородной массой.

Перед левыми неизбежно вставал вопрос об отношении к политическому исламу. Причем позиции варьировались от сугубо дружественных до резко враждебных. «Во многих странах, — писали авторы троцкистского журнала «Critique», — движения политического ислама заявляют о себе как о «борцах за справедливость», ведут пропаганду среди самых бедных и угнетенных слоев общества. Тем самым они представляют собой соперника для левых сил, сторонников социализма».⁶⁵

С таким соперником должна вестись непримиримая борьба, поскольку фундаментальные ценности левых и исламистов несовместимы. Мусульманские радикалы, продолжает «Critique», выступают против традиции европейского Просвещения, не имеют четкой классовой позиции, не признают институтов национального государства и представительной демократии, не имеют представления о правах человека, противопоставляют исламские организации трудящихся «их не-исламским аналогам»⁶⁶. Кроме того, политический ислам находится в противоречии с идеями феминизма и тесно связан с гомофобией.

Противоположной позиции придерживались представители британской Социалистической рабочей партии, которые шли по пути создания коалиции Respect. Именно в рамках антивоенного движения сотрудничество исламских и марксистских организаций в Англии стало реальностью. В результате, как отмечал один из инициаторов и идеолог «Respect» Джон Рис (John Rees), сложилось реальное единство сил, которые выступают «против войны, против приватизации, против расизма, за интересы рабочего класса, за права профсоюзов»⁶⁷.

Надо сказать, что деятельность «Respect» великолепно показала, что мусульманские организации вполне способны сотрудничать с левыми, если сами левые готовы с ними работать. Другое дело, что на «Respect» обрушилась волна критики со стороны тех, кто видел в исламистах врагов прогресса и демократии. Любопытно, что значительная часть претензий, предъявляемых к политическому исламу, может быть предъявлена (и неоднократно предъявлялась) к отдельным отрядам самого левого движения. Парадоксальным образом, то, что в Европе разделяет исламистов и левых это как раз то, что объединяет политкорректных левых с буржуазным истеблишментом в рамках общего признания ценностей «западной цивилизации». К тому же

«Respect» является далеко не первым примером тесного взаимодействия между марксистскими революционерами и исламскими радикалами. Во время революции 1917 года большевики добились существенных успехов именно потому, что смогли мобилизовать на свою сторону поддержку «красных мусульман». Гражданская война в регионах Поволжья и Северного Кавказа была выиграна красными в значительной мере благодаря этому союзу. Большевики имели вполне жесткие принципиальные позиции по вопросу о правах женщин, и их собственное мышление вполне встраивалось в традиции европейского просвещения, но принципиальной основой политического объединения для них была всё же антибуржуазность. Исходя из этих позиций, большевистские лидеры оказались способны не только найти общий язык с мусульманскими меньшинствами, но и поднять их на борьбу против «собственных» местных элит, в том числе против консервативных представителей исламского духовенства.

Отсюда, разумеется, не следует автоматического вывода, будто принципы «политкорректности» непременно и полностью должны быть отвергнуты (кстати, некоторые из них вполне разделяемы и политическим исламом — например неприятие любой формы расизма). И всё же легко заметить, что прирученные истеблишментом политкорректные левые интеллектуалы весьма далеки не только от исламских масс, но и от подавляющего большинства «белого» трудящегося населения в самих западных странах.

Социально-культурные перемены, произошедшие в странах Запада в последние десятилетия XX века, не могли не сказаться и на составе рабочего класса. Если европейский рабочий во времена Маркса и Ленина принадлежал к той же нации, расе и религии, что эксплуатировавший его капиталист, то в начале следующего столетия трудящиеся массы стали многообразны и многоцветны. Значительную часть социальных низов теперь составил мигранты, прибывшие из бывших колониальных или полуколониальных стран, в том числе — мусульманских (Пакистан, Алжир, Марокко, Турция и т.д.).

Культура класса, его самосознание меняются вместе с его социальным и этническим составом. На первый взгляд может показаться, что трудящиеся классы полностью размываются и превращаются в некую деклассированную массу угнетенных. На самом деле класс проходит процесс трансформации, социального и культурного реструктурирования. Значительная часть угнетенных масс действительно деклассируется. Возникает вопрос о новом классовом сознании, соответствующем новой ситуации, новому опыту, изменившемуся составу, происхождению и структуре пролетариата. Это новое классовое сознание не может быть выработано, если просто игнорировать традиционную культуру людей, из которых класс состоит, тем более — если эта традиционная культура используется самими людьми как идеология сопротивления враждебному для них социальному порядку.

Точно так же как левые движения на ранних стадиях своего развития использовали язык христианства (и до сих пор используют его в латиноамериканской «теологии освобождения»), так неизбежно идеи ислама будут оказывать огромное влияние на трудящихся, сознание которых сформировано в рамках этой традиции.

Исламская традиция сама по себе в культурном не более «прогрессивна» или «реакционна», нежели традиция христианская или иудейская. В рамках этой традиции исторически сложились как прогрессивные, так и реакционные течения. Но именно в этом и состоит проблема, с которой сталкиваются левые, когда имеют дело с политическим исламом. С одной стороны, в рамках общего «исламского» дискурса необходимо видеть различные, соперничающие, а порой и противостоящие друг другу тенденции, часть из которых для левых весьма близка, а другие — откровенно враждебны. Но с другой стороны, интеллектуальные традиции самих современных левых, полностью выросших в рамках европейской культуры, делают их совершенно «глухими» к подобного рода «текстам», воспринимаемым не более как некий единообразный и малоопытный «шум». Причем представители европеизированной левой из стран «Третьего мира» зачастую даже менее способны разобраться в происходящем, нежели их единомышленники из западных стран. В этой ситуации задача перевода может быть успешно выполнена лишь самими левыми представителями исламской культуры.

ДВИЖЕНИЕ К СОЦИАЛИЗМУ ИЛИ КОАЛИЦИЯ ПРОТЕСТА?

Можно сказать, что «третья левая» уже вышла на сцену, заявив о себе как о принципиально новом политическом факторе, который претендует на то, чтобы оказать решающее влияние на общественное развитие в первой четверти наступившего века. Насколько сильным будет это

влияние, насколько радикальными и глубоким — вопрос открытый. И не в последнюю очередь ответ на него зависти от способности нового движения творчески освоить богатый опыт и уроки левого движения, накопленные на протяжении предшествующего столетия.

Главные вопросы, стоящие перед современными левыми, не могут быть разрешены теоретически, они являются вопросами практическими, и ответ на них может быть дан только политическим действием.

Поиск некой «идеальной» формы партийной организации оказался сам по себе бесперспективным и бессмысленным, ибо и социал-демократические централистские организации, и авангардная партия большевистского типа, и партия-движение, классическим примером которой является бразильская ПТ, на определенном этапе оказывались в тупике. Но точно также бесперспективной оказалась и попытка объявить политические организации вовсе ненужными, заменить их движениями, форумами и различными сообществами, создаваемыми под конкретную частную задачу.

Политика без политической организации невозможна, точно также как невозможна и борьба с капитализмом без борьбы за власть. Структура современного общества предопределяет определенную структуру политических задач, нравится это нам или нет.

Бесперспективной оказалась и троцкистская традиция, объяснявшая все поражения левых «несостоятельностью руководства» (failed leadership). Станным образом получалось, что почти всякое руководство на определенном этапе терпело крах, причем проблема состоит не в том, что руководство плохо, а в том, что массы продолжали по инерции идти за ним. В свою очередь сектантские группы упорно продолжают пытаться воспитывать из себя некое идеальное руководство для будущей революции, воспитывая из своих активистов самодовольных генералов без армии — хорошими генералами они никогда не будут, настоящей армии под команду никогда не получают, ибо генералов можно вырастить только внутри армии. И каждая конкретная армия вырашивает собственных генералов, которые подходят именно ей.

Задача левых сил сегодня состоит в комплексном понимании уроков, накопленных на протяжении ушедшего века. Важна организация, которая должна быть демократической (и в этом смысле демократический централизм ничем не хуже другого варианта строения политической партии). Важно иметь грамотное и честное руководство, но оно никогда не добьется успеха, если не будет опираться на массу хорошо подготовленных и убежденных активистов — тех самых младших офицеров, которые и составляют основу настоящей боевой силы любой армии. Важно, наконец, понимать роль широких общественных движений, без которых никакие партии со своими задачами не справятся. Но точно так же важно осознавать, что и без партий движения своих целей не добьются. Во всяком случае, если наша цель — преобразование общества.

Именно четкое понимание цели является объединяющим и организующим фактором. Любые программы, любая тактика и стратегия имеют смысл лишь до тех пор, пока направлены на главное — социалистическое преобразование общества, на преодоление капитализма. Именно с этой точки зрения мы можем оценивать наши победы и неудачи. Именно соответствие наших поступков провозглашенным нами целям является главным моральным критерием, по которому о нас надо судить.

Мощное антикапиталистическое движение, поднявшееся на рубеже XX и XXI веков, имеет огромный потенциал. Но, прежде всего оно должно осознать свою историческую задачу. А задача эта состоит в преодолении существующей системы. Не больше, и не меньше.

Фрагмент из книги: Кагарлицкий Б.Ю. Возвращение призрака. М.: Ультра. Культура, 2006.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Придумывала, впрочем, не только пресса. Забавным изобретением властей стала «Все-российская антиглобалистская лига» (ВАЛ), организованная в 2005 году под патронажем администрации президента — с не особенно ясными целями, но зато с впечатляющим бюджетом. Скорее всего это было частью общей политики по созданию фиктивных общественных организаций, представляющих разные части политического спектра, и тем самым позволяющих начальникам манипулировать всеми аспектами политического процесса одновременно.

2. А. Каллиникос. Антикапиталистический манифест. Праксис, М., 2005, с. 21.
3. Там же, с. 152. Подобный подход, видимо, знаменует определенное смещение акцентов во взглядах самого Каллиникоса. Показательно, что когда в книге «Dialectics of Change» (Verso, London, 1989) я высказывал ровно те же позиции в связи с так называемым «революционным реформизмом», Каллиникос выступил с гневной отповедью, обвиняя меня в социал-демократизме.
4. Независимая газета, 4.08.2001.
5. International Herald Tribune, 18.08.2000, p. 4.
6. Red Pepper, July 2000, N 73, p. 19.
7. Ibid., p. 21.
8. Democratizing the Global Economy. Ed. By K. Danaher. Philadelphia, 2001, p. 11.
9. International Socialism, Summer 2000, v. 87, p. 92.
10. D. Keet. The International Anti-Debt Campaign. Cape Town, S.D., p. 21.
11. Ibid., p. 20.
12. New Politics, Winter 2001, v. VIII, N 2(30), p. 104.
13. Democratizing the Global Economy. Ed. By K. Danaher. Philadelphia, 2001, p. 148.
14. As the South Goes... Spring 2000, v. 8, No. 1, p. 1.
15. International Socialism, Spring 2000, N 86, p. 49.
16. Ibid., p. 10.
17. International Socialism, Summer 2000, v. 87, p. 92.
18. Democratizing the Global Economy, p. 55.
19. См. Democratizing the Global Economy, p. 14. См. Также Б. Кагарлицкий. Восстание среднего класса.
20. International Socialism, Spring 2000, v. 86, p. 17.
21. A. Starr. Global Revolt. A Guide to the Movements Against Globalization. London, Zed Books, 2005, p. 227.
22. Democratizing the Global Economy, p. 149-150.
23. International Herald Tribune, 18.08.2000, p. 4.
24. См. International Socialism, Summer 2001, No. 91, p. 12.
25. K. Danaher, R. Burbach (eds.) Globalize this! The Battle Against the World Trade Organization and Corporate Rule. Common Courage Press, Monroe, 2000, p. 7.
26. Green Left Weekly/Resistance, Winter 2000, p. 2.
27. Новые Известия, 19.09.2000.
28. P. Ingrao, R. Rossanda et al. Verabredungen zum Jahrhundertende. Eine Debatte ueber die Entwicklung des Kapitalismus und die Aufgaben der Linken. Hamburg, 1996, S. 202-203. См. также В. Кагарлицкий. The Twilight of Globalization. Property, State and Capitalism. Pluto Press, London, 2000, p. 23-25.
29. Независимая газета. НГ-сценарии, 19.09.1996.
30. На примере Боснии это очень хорошо показано в статье: Jens Stilhoff Sorensen. Pluralism or Fragmentation. War Report, May 1997, N 51, pp. 32-33.
31. S. Amin, G. Arrighi, A. Gunder Frank, I. Wallerstein. Transforming the Revolution. Social Movements and the World-System. N. Y., 1990, p. 179.
32. O. Yanitsky. Russian Environmentalism: Leading Figures, Facts, Opinions. Moscow, 1993, p. 7.
33. О. Яницкий. Экологическое движение в России. М., 1996, с. 199.
34. Society and Natural Resources, 1996, N 9, p. 75.
35. The Prague Post, Sept. 13-19, p. A8.
36. Green Left Weekly, 7.2.2001, p. 18.
37. Дискуссия о тактике и значении позитивной программы очень активно велась на страницах австралийского журнала «Links», изначально созданного как международное издание для левых активистов. Она велась также на страницах английского троцкистского журнала «International Socialism», который, неожиданно для многих превратился в широкий форум нового антикапиталистического движения, открытый для авторов придерживавшихся различных взглядов — не только не троцкистских, но даже и не марксистских (во всяком случае — в ортодоксальном понимании термина). О значении позитивной программы движения см. В. Кагарлицкий. Lessons of Prague. Links, 2001, No. 17. Перепечатано также в International Socialism, No 90. По-русски та же статья была опубликована несколько позднее в журнале «Альтернативы», 2001, № 1.

38. Здесь, впрочем, надо сделать оговорку: американская буржуазная пресса склонна называть анархистами всех левых, не входящих в троцкистские или сталинистские организации. Активисты калифорнийской группы Global Exchange очень смеялись, когда я показывал им вырезки из нью-йоркских изданий, где их описывали в качестве образца анархистского движения.

39. *New Politics*, Winter 2001, v. III, N 2, p. 9.

40. Репортаж о событиях в Генуе глазами одного из наиболее умеренных участников российской делегации, представителя профсоюзного объединения «Соцпроф» см. газете «Рабочая сила», 2001, № 4. Более радикальные участники событий из группы «Социалистическое сопротивление» изложили свои взгляды на страницах газеты «Левый авангард», 2001, № 43.

41. *Green Left Weekly*, 1.08.2001, p. 18.

42. О насилии в движении и возникших в связи с этим противоречиях подробнее см.: В. Kagarlitsky. *Lessons of Prague*. *Links*, 2001, No. 17; S.Healy. *G8 rulers turn to violent repression*. *Green Left Weekly*, 1.08.2001, p. 18. Хотя Хили и не соглашается с теми, кто считал склонных к насилию сторонников «Черного блока» фактическими провокаторами, он соглашается, что их тактика «оказалась открытой для подрывной деятельности полиции, использовавшей замаскированных провокаторов, чтобы превратить ограниченное и символическое разрушение собственности в широкомасштабный погром, одновременно сталкивая одну часть движения с другой» (*Green Left Weekly*, 1.08.2001, p. 18).

43. *Le Monde diplomatique*, aout 2001, pp. 1, 6.

44. *International Socialism*, Summer 2001, No. 91, p. 12.

45. *Ibid.*

46. *Ibid.*, p. 13.

47. См. *Ibid.*, p. 11.

48. *Green Left Weekly*, 1.08.2001, p. 18.

49. *Socialist Campaign Group News*, January 2001, p. 8.

50. *Socialist Worker*, 2.2.2001, p. 9.

51. *Another World is Possible. Popular Alternatives to Globalization at the World social Forum*. Ed. By W.F. Fisher and Th. Ponniah. London, Aed Books, 2003, p. 356.

52. Подробности об экспериментах альтернативной экономики можно найти на сайте www.globalexchange.org и в статьях: Б. Кагарлицкий. Мобильник — оружие революционера. Домашний компьютер, 2001, № 6; А. Г. Степанов. Антиглобалисты за мир, похожий на социализм. Экономическая газета, май 2001, № 22.

53. *Financial Times*, 10.10.2001, p. 7.

54. *Ibid.*

55. См. *Socialist Review*, Nov. 2001, No. 257, p. 3.

56. Н. Wainwright. *Challenging US Power*. *Red Pepper*, Nov. 2001, p. 5.

57. I. Ramonet. *Buts de guerre*. *Le Monde diplomatique*, novembre 2001, p. 1.

58. К. Агитон. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. Гиля, М., 2004, с. 17.

59. См. *Anti-capitalism: A Guide to the Movement*. *Bookmarks*, London, 2001.

60. К. Агитон. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. Гиля, М., 2004, с. 186. В переводе неточность, здесь исправленная — вместо «Партия Трудящихся» написана «Партия Труда».

61. *Junge Welt*, 25.07.2005, S. 1.

62. Концепция «исторического блока» у Грамши неотделима от понятия гегемонии. Итальянский марксист исходил из того, что любой класс, чтобы победить в общественной борьбе, должен опираться на более широкий блок сил. Иными словами, в реальной политике действуют не сами классы, а созданные на их основе блоки. В свою очередь формирование и успешное развитие «исторического блока» связано с установлением гегемонии определенных идей и интересов. Именно в этом состоит задача марксистов и революционной партии.

63. *Links*, 2004, Nr. 26, p. 35.

64. *Socialist Review*, April 2005, p. 13.

65. *Critique*, June 2005, No. 36-37, p. 61.

66. *Ibid.*, p. 75.

67. *Socialist Review*, May 2005, p. 13.

КАПИТАЛИЗМ КАК МИРОСИСТЕМА

КОРНИ ЗАВИСИМОСТИ

Итак, формы зависимости периферии от центра менялись. Также менялись и стратегии борьбы за экономическую независимость. Но зависимость сохранялась.

В чем причина?

В конце 1970-х, начале 1980-х годов среди марксистов начинается очередная дискуссия на эту тему. Между периферией и центром происходит постоянное перераспределение прибавочного продукта. Но что это значит с точки зрения политэкономии? Каковы глубинные причины? Почему стратегии борьбы за независимость не срабатывают?

Главными участниками дискуссии стали арабский экономист Самир Амин живущий в Париже, американский экономист Самуил Валлерстайн и другой американец, проведший значительную часть жизни в Латинской Америке — Андре Гундер Франк.

Самир Амин считает, что господство центра обеспечивается за счет монопольного контроля над важными направлениями экономического и политического развития. Он выделяет целый ряд монополий — монополию на передовые технологии, на оружие массового поражения, на современную систему средств массовой информации и т.д. Однако, как показывает практика, эти монополии не являются исключительно привилегией Запада. Мы обнаруживаем что в странах «третьего мира» зачастую есть серьезные очаги научного и технического развития. Примером может быть Индия, некоторые латиноамериканские страны. Что касается оружия массового поражения, то в наши дни Индия создала атомную бомбу, Пакистан тоже взорвал атомную бомбу. Что касается средств массовой информации, то, опять же, сегодня есть «Аль-Джазира», есть мощные телевизионные сети в Латинской Америке. Есть индийская киноиндустрия — «Болливуд». Весь мир смотрит дурацкие мексиканские сериалы. Это тоже глобальная экспансия через средства массовой информации. И очень крупный бизнес.

Когда страны бывшего Восточного блока оказались включены в капиталистическую мировую систему, в качестве новой периферии, то обнаруживалось что эти страны обладают доступом и к технологиям и к современному оружию и к спутниковому телевидению. Но всё равно оказываются на периферии.

Ответ надо искать в другой сфере. Иммануил Валлерстайн вообще не описывает механизма. Он просто говорит, что система иерархична в принципе, иной она быть просто не может. Центр эксплуатирует периферию, а способы эксплуатации всё время меняются. Есть ещё «полупериферия». Это страны периферии, которые, с одной стороны, по уровню развития не принадлежат к центру, но политически имеют важные козыри. Они выступают, как бы, посредниками, агентами центра по отношению к периферии. Это дает им на геополитическом уровне определенное преимущество, обеспечивает более высокий уровень жизни.

Пользуясь своим политическим преимуществом, эти страны, порой, достигают и экономических успехов. Так, Южная Корея, оказавшаяся «прифронтовым государством» в борьбе Запада против «коммунизма», получила и возможности для ускоренного развития. К тому же, американские советники в Корее не вмешивались в хозяйственные решения. Проводимый курс не имел ничего общего с рецептами либерализма, но американцы с этим мирились — главное было опередить коммунистическую Северную Корею, неважно каким способом.

Протекционизма и привлечение иностранного капитала под строгим контролем местной власти, военные заказы, связанные с обслуживанием иностранных войск, всевозможные субсидии — помощь на борьбу с коммунизмом, всё пошло в ход. Южная Корея превращается в индустриально развитую страну. Хотя она и не достигает уровня Запада по показателям технологического развития, но в ней складываются собственные трансцендентальные корпорации. Корея вместе с Японией превращается в один из центров глобального накопления капитала. А это куда важнее, чем технологические новации как таковые.

Япония и, возможно, Корея представляют собой уникальный случай, когда полупериферийные страны стали частью «центра». Больше это никому и никогда не удавалось. Даже в случае с Южной Кореей нет полной ясности. Никакие нефтяные деньги не сделали, например, Саудовскую Аравию страной первого мира — это очень богатая страна «третьего мира», отсталая и зависимая. Зато есть целый ряд стран, которые были в «пороговом» состоянии, например Аргентина. В начале XX века казалось, что они вот-вот войдут в число мировых лидеров. Но не тут-то было. Они либо остались на прежних местах, либо деградировали. По такому показателю как производство валового внутреннего продукта за 100 лет разрыв между центром и периферией увеличился, особенно на душу населения. По оценкам английского экономиста Алана Фримана разрыв, по совокупности факторов, увеличился от 1:6, до фактора 1:60. В десять раз!

Иными словами, все усилия по преодолению отсталости привели к тому, что отсталость десятикратно увеличилась. Есть о чем задуматься!

Все работают, строят заводы, изобретают, стараются быть новаторами... а в итоге, дела идут всё хуже и хуже. Все всё делают правильно, но ничего не получается.

Увеличение дистанции пытались списать на демографический взрыв. Это один из факторов, который работает против периферии. Но беда в том, что демографический взрыв в Европе XVIII-XIX веков как раз способствовал бурному развитию, стимулировал рост производства (в том числе и на душу населения), а не тормозил его. Европейский демографический взрыв был фактором развития капитализма. А в Азии, Африке, Латинской Америке — нет.

Надо, конечно, помнить, что демографический взрыв в Европе сопровождался колониальной экспансией. Избыток населения направлялся за океан. В итоге, мы получили такие страны как Канада, Новая Зеландия, США, Австралия, Южная Африка. Большая иммиграция из Европы была в Бразилии, Аргентине. И опять же, интересно: те страны, которые с самого начала формировались как «свободные» территории для расширения центра — Соединенные Штаты и английские «белые доминионы», стали частью «центра». Те же, кто был на периферии, остался на периферии, несмотря на огромное число белых переселенцев (Бразилия, Аргентина, Уругвай). Так что расовая теория не поможет. Почему в одних случаях у «белого человека» получалось, а в других — нет?

Легко понять, что избыток населения, дававший материал для строительства колониальных империй, не мог аналогичным образом быть использован самими бывшими колониями. Никто не может повторить чужого развития. Фазы, когда они накладываются друг на друга видоизменяются. Но заметьте, что есть ещё и периферийные страны, страдающие от демографического упадка (Уругвай, Аргентина, сегодня также Россия). Выясняется, что тут экономическая динамика зачастую даже хуже, чем в странах демографического взрыва: вместе с сокращением населения начинает падать производство. В одних случаях производство не поспевает за ростом населения, а в других — падает или стагнирует из-за недостатка населения!

Ясно, что корень проблем надо искать в другом месте. Дело не в людях, а в системе.

Если говорить о логике системной эксплуатации, то все приведенные раньше ответы, являются недостаточными. Похоже, Роза Люксембург со своим анализом накопления капитала была гораздо ближе к разгадке, нежели кто-либо из миросистемных теоретиков последующего времени. Для того чтобы деньги стали капиталом, они должны быть где-то сконцентрированы и централизованы. Капитал стремится к централизации.

Главная функция стран «центра» — обеспечивать накопление капитала в мировом масштабе. Таких центров накопления не может быть слишком много, иначе вместо того, чтобы концентрироваться, капитал будет расплываться. Соревнование между мировыми центрами накопления предопределяет противоречия основных держав в мировой политике. Переток, бегство капитала от периферии к центру, является стихийным и естественным процессом. Более того, деньги, накопленные в некапиталистическими структурами и укладами, чтобы стать капиталом должны от этих укладов уйти, перейти в капиталистическую систему. Так происходит перераспределение ресурсов.

На ранних этапах происходит прямое изъятие прибавочного продукта из захваченных стран, позднее в дело идет «неэквивалентный обмен», эксплуатация сырьевых ресурсов, финансовая кабала. Но это лишь частные случаи, внешние формы, за которыми скрывается всегда одна и та же суть: периферия обслуживает накопление капитала в центре. В наиболее развитых странах периферии мы видим уже просто бегство капитала. Власти и либеральные экономисты объясняют это плохими порядками, недостаточно либеральной системой. Но чем бо-

лее либеральной становится система, тем больше капитала уходит. Всякий раз, когда принимаются меры, чтобы стимулировать приток иностранных инвестиций, одновременно создаются гарантии для вывоза капиталов (кто же станет ввозить деньги, если потом их нельзя будет вывезти). В итоге любые меры по привлечению капитала, одновременно облегчают и стимулируют его бегство. А бежит капитал не потому, что на периферии условия работы для бизнеса хуже (зачастую они много лучше), а потому что накопление происходит в центре.

DE-LINKING

Страны периферии вот здесь должны конкурировать за инвестиции. Уход денег является стихийным и естественным процессом. Успеха в развитии достигают лишь те, кто создал собственный внутренний механизм накопления, который способен, в той или иной мере, быть автономным или независимым от мировых центров. Самир Амин называет это словом de-linking, то есть отключение, разрыв.

Вот почему такое значение имел для стран «периферии» государственный сектор (не только в странах с левыми режимами, но и в Боливии, Индии, Турции). Ресурсы госсектора не вывозились, они накапливались внутри страны. Вот почему западные финансовые институты изо всех сил старались в 1980-е годы все государственные предприятия на «периферии» приватизировать — тем самым их ресурсы включались в глобальный процесс накопления.

Южная Корея, например, сумела стать черной дырой для международных финансовых процессов. Частные компании «чеболы» до известной степени играли здесь ту же роль, что и государственный сектор в других странах. Они были тесно связаны с правительством. Так продолжалось до конца 1990-х годов, когда западные финансовые институты всё же сумели, — после конца «Холодной войны» — подчинить Корею своей дисциплине. Отчасти это было связано с тем, что корейские корпорации сами стали транснациональными и были заинтересованы в западных финансовых рынках. Бурный рост корейской экономики тут же прекратился.

Другой пример это Советский Союз. Мы отгородились от миросистемы «железным занавесом» и берлинской стеной. На определенном этапе именно поэтому СССР достиг грандиозных успехов. Но в какой-то момент обнаруживается, что политика изоляции имеет свои пределы. После краха СССР начинается так называемая глобализация — вакханалия мирового финансового капитала, который достигает небывалых масштабов глобальной концентрации и эксплуатирует ресурсы человечества в немыслимых прежде масштабах.

Конечно, деньги из центра часто возвращаются опять на периферию. Это уже не стихийный переток, а осознанные инвестиционные решения, направленные на получение прибыли, освоение ресурсов — опять же в интересах накопления и, следовательно, в интересах «центра». Страны периферии конкурируют между собой по отношению к финансовому центру, чтобы привлечь инвестиции, стараясь создать как можно более выгодные условия для размещения иностранных вложений. А это ещё больше усиливает глобальную тенденцию перераспределения в пользу центра. Несколько стран лидеров на периферии получают больше, чем отдают. Но количество таких призовых мест ограничено, иначе система просто не могла бы нормально функционировать. Успех немногих обеспечивается поражением подавляющего большинства. Потому в масштабах мировой экономики страны периферии являются нетто экспортерами капитала. Периферия в целом всегда, в каждый данный момент отдает больше, чем получает. Это, в конечном счете, является важнейшим фактором формирования

мирового финансового рынка. Мировое распределение труда тоже формируется, в значительной мере, исходя из вот этих инвестиционных процессов. Важно не то, где удобнее тот или иной товар производить, а то где существуют лучшие условия для накопления капитала. Не страны выбирают не производства, которые им нужны, а компании выбирают для размещения производств, страны, которые с их точки зрения «инвестиционно-эффективны». Например, у вас есть месторождения каких-то полезных ископаемых, но вы не можете их развивать, ибо нет капитала. А с другой стороны, капитал может быть привлечен, месторождения будут освоены, но на таких условиях, что почти все выгоды достаются внешним инвесторам, а для развития других отраслей в экономике страны это производство не дает вообще ничего.

Именно так потерпела неудачу идеология национального развития. Потерпела, до известной степени, неудачу и идеология некапиталистического пути. Страны, пытавшиеся осуществить de-linking, столкнулись с противоречием. Перед ними оказался выбор: либо отключение от мировой системы, которое приводит к изоляции, либо «открытие экономики», что на практи-

ке означает подчинение страны логике внешней эксплуатации. Попытки наладить коллективные действия и солидарность между странами периферии до сих пор терпели поражение. С одной стороны, местные элиты, даже прогрессивные, были слишком тесно связаны с элитами Запада, соперничали между собой. А с другой стороны, успешный вызов системе можно бросить, только опираясь на поддержку трудящихся, причем не только в своей стране, но и на мировом уровне, опираясь на солидарность западных низов. Элиты стран периферии боялись массового движения, не хотели рисковать своей властью. А солидарность трудящихся Запада и «третьего мира» была реальной, но ограниченной: «рабочая аристократия» Запада боялась потерять свое потребительское благополучие. Далеко не все западные трудящиеся в 1960-70-е годы представляли собой «рабочую аристократию», но господствовала всё же идеология потребления.

КОНДРАТЬЕВСКИЕ ЦИКЛЫ

Итак, говоря о капитализме мы имеем дело не просто с рядом стран, последовательно и поочередно проходящих одинаковые этапы развития, а некую целостную систему. Эта система сталкивается с двумя типами противоречий. С одной стороны, это противоречие, порожденное способом производства и очень хорошо описанные в классическом марксизме. Это противоречие между развитием производительных сил и производственными отношениями. Меняется технологический базис общества, структура его производства, за этим следуют перемены в системе управления, механизме социального и политического господства. Но есть и противоречия другого порядка, выявляющиеся, скорее, на геополитическом и географическом уровне. Между центром и периферией, между несколькими соперничающими центрами накопления капитала.

С другой стороны система циклична. Мы видели короткие конъюнктурные циклы, периодически возвращающиеся кризисы перепроизводства, описанные Марксом, мы видели циклы накопления капитала, описанные Розой Люксембург. Но есть ещё и так называемые длинные волны или «большие циклы», открытые русским экономистом Кондратьевым.

Исследования Кондратьева были сделаны в советской России вскоре после революции 1917 года, а потому велись в общем контексте марксистских исследований. Но Кондратьев, прежде всего статистик. Он сделал расчеты на основании сведений о динамике цен, собиравшихся в Европе с XVIII века. Первоначально коллеги из Академии Наук разгромили его теорию в пух и прах. Но, сегодня, когда мы получили гораздо больше данных по истории капиталистической экономики, обнаруживается, что тенденции, выявленные Кондратьевым подтверждаются.

Мировая экономика начинает фазу роста («А-фазу» или «повышательную фазу»). В ней есть свои спады и подъемы. Но в целом «А-фаза» характеризуется кризисами короткими и неглубокими, а периодами экономического подъема длительными и мощными. На определенном этапе, когда проходит от 20 до 40 лет, наступает «Б-фаза» (понижательная по Кондратьеву). Это фаза когда спады затяжные, глубокие, подъемы, напротив, короткие, нестабильные. Как правило, в «А-фазе» преобладает дефицит капитала. Инвестиционных возможностей много, капитала все время не хватает, идет погоня за инвестициями, кредитом. Потом в «Б-фазе» рано или поздно наступает кризис перенакопления.

Длину фазы никто не может точно определить. Маркс рассчитал короткие циклы, занимающие от 5 до 9 лет. В «А-фазы» циклы подъема, как правило, длинные, порядка 9-и лет, а в «Б-фазе» короткие, кризисы происходят чаще. Здесь анализ Маркса и Кондратьева подтверждает друг друга, иное дело, что Маркс о больших циклах не думает, а Кондратьев считает на периоды 100-150 лет. Но кондратьевские циклы по продолжительности оказываются очень разными, от 20 до 40 лет. Никто точно не определил причины именно таких временных различий. Самый загадочный момент с точки зрения этой теории наблюдался в начале 1990-х годов, когда по всем признакам наступила очередная «А-фаза», но уже в 2001 году глобальная конъюнктура резко пошла вниз. Иными словами, либо очередной Кондратьевский цикл, против ожидания, не начался, либо оказался беспрецедентно коротким.

Сейчас о «больших циклах» любят говорить и либеральные экономисты и марксисты. Но гораздо более важный вопрос — понять природу этих циклов. Механизм короткого цикла понятен, механизм цикла накопления капитала тоже понятен, а вот механизмы Кондратьевского цикла остаются достаточно неясными. Дело в том, что эти циклы комплексные. В них работает целый ряд факторов, и эти циклы как бы обобщают более короткие более частные циклы.

Почему вообще происходит перелом от «А-фазы» к «Б-фазе», а затем к «А-фазе» следующего цикла? Кондратьев замечает, что перелом сопровождается военно-политическими и революционными потрясениями.

Переход от одного цикла к другому не является чисто механическим, «естественным» событием. Система достигает определенного состояния выйти из которого она может только перейдя в новое качество и обеспечив достаточный мощный долгосрочный экономический рост. Но переход сопровождается не просто структурной перестройкой экономики, но и обостренной борьбой социальных интересов, ломкой существующих институтов, политическим противостоянием.

На такие переломные моменты приходится — Крымская война, Революция Мейдзи в Японии, отмена крепостничества в России и Гражданская война, заканчивающаяся отменой рабства в США. Так же на очередном переломе циклов вспыхивает Первая мировая война, а затем происходит русская революция 1917 года. И кстати, не является ли нынешняя мировая нестабильность симптомом переходного, кризисного состояния капиталистической миросистемы?

Наряду с кондратьевскими циклами можно выделить и своеобразные циклы глобализации и деглобализации капитализма. Мировой капитализм это система открытая, имеющая тенденцию к расширению. Расширение является, как бы, защитной реакцией системы по отношению к кризисам перенакопления капитала и другим кризисным явлениям внутри системы. Это способ самолечения, которая снимает свои проблемы, пытаясь решить их за счет внешнего мира. Сегодняшнее максимальное, планетарное расширение системы означает одновременно и то, что остались лишь минимальные возможности лечиться таким способом. Ресурсы компенсации, похоже, исчерпаны. Именно подобная ситуация в 1905-14 годах привела к мировой войне, а затем, когда война разразилась — к подъему антикапиталистических выступлений не только в России, но и по всему миру.

ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Иммануил Валлерстайн пишет, что капитализм возник первоначально в качестве мировой системы и лишь затем сложились национальные капиталистические экономики и, соответственно, национальные государства. Другое дело, что экономический мир капитализма первоначально охватывал не всю планету. Он стал по-настоящему глобальным лишь дважды — в эпоху империализма (между 1870 и 1914 годами) и в эпоху глобализации (после краха СССР в 1991 году). В перерыве между этими двумя эпохами существовал советский блок («коммунистическая система», говоря языком либеральных историков). Национальное государство, в современном смысле, является продуктом развития капитализма, а не его предшественником. Сначала возникает глобальная трансатлантическая экономика, куда включены локальные рынки Фландрии, наиболее развитых частей Англии и Германии. Лишь потом на этой основе складываются национальные рынки в той же Англии, во Франции.

Когда в 1453 году турки взяли Константинополь, закрыли восточно-средиземноморский торговый путь, Султан и его окружение вряд ли могли предвидеть, что тем самым дают резкий стимул к ускоренному развитию капитализма на Западе. После падения Византии в Европе возникла острая потребность в поиске новых торговых путей. Испанцы, португальцы устремляются кто на юг, кто на запад. Надо помнить, что такое водное пространство для XVI-XVII веков. До изобретения паровой машины передвижение по суше было и гораздо более меленным и гораздо менее безопасным, чем передвижение по воде. Да и грузоподъемность корабля выше, чем грузоподъемность гужевого транспорта. Не надо забывать, хороших дорог в Европе, даже в XVI веке практически нет. Кое-где продолжают использоваться римские дороги, кроме тех мест, где их просто разобрали на камни, как это происходило во Франции. В Германии, к востоку от Рейна, приличных дорог вообще нет, а уж безопасных тем более. Кстати, стремление немцев построить свои знаменитые автобаны восходит как раз ко временам когда Германия славилась отвратительными дорогами, хуже даже чем в России. Это своего рода историческая компенсация, осуществление вековой мечты немецкого народа. Основные коммуникации конца средневековья — водные. В Голландии повсюду роют каналы не только из-за необходимости отвести от дамб воду, но и чтобы заодно улучшить транспортное снабжение, подавать грузы из рек прямо в лавки и на склады.

Когда закрывается средиземноморский бассейн, открывается атлантический. Атлантическая экспансия создает то, что Валлерстайн называет капиталистической мироэкономикой. На-

чинается бурное развитие торгового капитала, а затем и переход от торгового капитала в производственный, первоначальное накопление, очень живо описанное в «Капитале» Маркса. Первоначальное накопление, как и всякое другое накопление при капитализме происходит за счет эксплуатации, в том числе за счет эксплуатации периферии, за счет рабства, использования крепостного труда в России и Польше, за счет колониализма.

Макс Вебер писал про связь между протестантской этикой, развившейся в ту эпоху, и духом капитализма. А перуанский марксист Хосе Карлос Мариатеги показал, насколько идеи протестантского фатализма соответствовали экономической основе формирующегося колониального общества. С точки зрения испанского конкистадора-католика индейцы это заблудшие души, которые должны быть просвещены. В итоге их не убивают, а только крестят. Но отсталый конкистадор сам хозяйством заниматься не может, он должен этих туземцев поработить, чтобы они на него работали. Совершенно иначе себя ведет передовой протестантский фермер из Англии. Ему нужна чистая, пустая земля, на которой он будет вести своё передовое хозяйство. Поэтому людей, живущих на этой земле надо просто поголовно истребить. Протестантская этика тут же дает объяснение. Если господь допустил, что эти люди дожили до XVII века, не зная Христа, значит, они изначально обречены на адские муки. Следовательно, нет проблемы их всех истребить. Геноцид очень способствует развитию рынка.

У протестанта создается передовая северная Америка, а в Латинской Америке устанавливается консервативный периферийный феодальный режим.

Экспансия капитализма сопровождается соревнованием капиталов. Формируются соперничающие центра накопления. Это соревнование и становится одним из источников формирования национального государства. Потому что национальное государство должно обеспечить дополнительные ресурсы, защиту для своей буржуазии, которая вступила в эту гонку.

В периоды, когда капитализм глобализируется, растут технологии транспорта, коммуникаций, связи, торговли. Доминирует торговый и финансовый капитал. Так было в XV-XVI веках, когда бурно развивались коммуникационные, финансовые и торговые технологий. Строились и совершенствовались корабли, формировалась почта, как специфический организованный бизнес. Почта сначала возникает как частное предприятие, потом обнаруживается, что его эффективное распространение требует перекрестного субсидирования и участия государства — иначе в маленьких городах почтовые конторы поддерживать окажется нерентабельно.

Европейцам удается перенять некоторые технологические, как им кажется, «новшества» у китайцев. Раньше на Западе не умели строить большие корабли. Когда португальцы приплыли в Восточную Африку на своих каравеллах, они хотели покрасоваться перед местными «дикарями». Пришвартовали корабли, подняли крест на берегу и ждали восторгов местных жителей. А «дикари» смеялись, увидев их корабли. Ведь сюда уже приплывали китайцы. И китайские корабли были больше каравелл раз в пять. Технологический уровень различался как между кукурузником и «Боингом». Но понемногу европейцам удалось перенять китайские технологии кораблестроения. Было еще одно изобретение, очень важное для мореплавания, судя по всему европейское. Это были вентиляторы. Благодаря их внедрению произошла революция в мореплавании, важные перемены в военном деле и экономике. Вентилятор был изобретен для работоторговли. Большое количество рабов не удавалось довести до места назначения. Люди, которых набивали в трюм, задыхались. Массовые поставки рабов были не возможны, пока не изобрели вентилятор. Вместе с ростом работоторговли начался бурный рост производства хлопка, сахара, и т. д. С другой стороны обнаружилось, что можно в большом количестве провозить войска, колонизация начинается на совершенно другом уровне. Можно перевозить колонистов.

Расцветают банки, в том числе и международные. Банкирские дома вообще развились в Европе именно из-за потребностей международной торговли и межгосударственного кредита. Лишь позднее они стали кредитовать промышленность. Капиталы начинают структурироваться и организовываться в совершенно беспрецедентных для Европы масштабах. Они достигают наибольшей концентрации к началу XVII века.

Стремительный рост трансатлантической буржуазной экономики привел к кризису. Обнаружилось что транспортная сеть росла быстрее чем производство. Как бы не была развита транспортная сеть, по ней что-то нужно возить. Какую бы вы коммуникационную систему ни построили, по ней нужно передавать какую-то информацию, о чем-то, что происходит за пределами этой сети. То же самое и с финансами. Для того, чтобы деньги куда-то двигались где-то должна работать реальная экономика. Финансы являются в капитализме не только кровью ин-

вестиционной системы, но еще и информационной системой. При капитализме финансовые потоки являются одновременно источниками информационных сигналов. После периода избыточного роста коммуникационной, торговой, финансовой технологий наступает кризис. Пик этого кризиса приходится на конец кондратьевской «Б-фазы». Начинается новая фаза, когда приоритетом становится развитие производственных технологий.

Коммуникационные, финансовые, торговые структуры могут быть сразу глобальными. Они не нуждаются в каком-то конкретном месте, поскольку речь идет о постоянном движении. А производство нуждается. Привязка к местности обозначает, что нужно обеспечить инфраструктуру, обеспечить воспроизводство и обучение рабочей силы, поддерживать социальный порядок и обеспечивать в определенной степени социальный мир. Появляются короли вроде Генриха IV Бурбона, которые вдруг начинают задумываться о том, чтобы у крестьян по праздникам был бульон с курицей. Надо гарантировать не только безопасность торговых путей, но и социальную стабильность. А сделать это очень трудно, потому что вакханалия торгового капитализма повсюду разорила низы общества.

Производство должно быть привязано к местному рынку, чтобы хотя бы частично снижать транспортные издержки. Размещение новых производств становится всё более связано с географической структурой рынков.

В период, когда на первый план выходят производственные задачи, роль государства стремительно возрастает. И мы имеем фазу де-глобализации. Она, как правило, совпадает с «А-фазой». Падает роль финансового капитала, повышается роль производственного. На исходе «Б-фазы» мы видим гипертрофированную роль финансового и торгового капитала и максимальную глобализацию системы. А на входе в «А-фазу» мы видим возрастание роли государства, сокращение роли финансового капитала и возрастание роли производственного капитала. Технологические новации перемещаются в производственную сферу.

Но переход от одной фазы к другой происходит не гладко. Историки, например, говорят про «кризис XVII века». Неспособность раннего трансатлантического капитализма перестроиться привела к Тридцатилетней войне, Английской революции, Англо-голландским конфликтам, потрясениям французской Фронды. В этом же ряду, между прочим, стоит и русская Смута.

Глобализация, о которой сейчас так много говорят, отнюдь не абсолютно новое явление. И уж тем более нет причин видеть в ней нечто необратимое. Особенность современной глобализации состоит в том, что она представляет собой максимальную интеграцию мирового рынка капитала, при сохранении дезинтегрированности мирового рынка труда. Капитал может переместиться за 15 минут из Латинской Америки в Россию и наоборот.

В 1994 году рухнуло мексиканское песо. Огромная масса финансового капитала, буквально за считанные дни переместилась в юго-восточную Азию и, отчасти, в Россию. Потом все обрушилось в Азии, спустя полгода рухнул российский рубль, после чего капитал опять переместился в Латинскую Америку, причем южную её часть. Вскоре после этого рухнули бразильская и аргентинская валюты. За собой финансовые спекулянты оставляют экономическую пустыню. Финансовый капитал перемещается с очень большой скоростью — люди за ним бегать не могут. Но и производство не может перемещаться с такой быстротой, даже в рамках транснациональных концернов. В любом случае надо что-то построить, кого-то нанять, оформить какие-то обязательства, наладить производство, складирование, сбыт. Рынок труда остается локальным. На определенном этапе развития он вдруг становится важнее, чем рынок капитала. Вчера люди ничего не значили, а сегодня вдруг о них начинают заботиться. Не потому, что капиталисты вдруг прозрели и стали гуманистами. Просто капитализм вступил в новую фазу. Депрессивное состояние рынка труда начинает сдерживать развитие рынка капитала.

В XVII веке появилась теория меркантилизма, ориентирующая правителей на защиту национального рынка. Идеи «свободной торговли», которые раньше безраздельно господствовали, оказались поставлены под сомнение. В XX веке наблюдается то же самое. Появляется английский экономист Джон М. Кейнс, который призывает спасти капитализм от краха с помощью государственного регулирования и социальной политики.

Любопытно, что Кейнс мало знал Маркса, но был знаком с работами Энгельса. Кейнс пришел к некоторым выводам, которые оказались небезынтересны и для марксистов. Один из этих выводов состоял в том, что капитализм нуждается во внешних стабилизаторах. Например, нельзя подчинить все общественные отношения чисто рыночным факторам. Это плохо даже с точки зрения самого буржуазного порядка.

КАПИТАЛИЗМ И РЫНОК

Капитализм есть максимальное, наиболее полное развитие рыночного принципа. Рынок существовал до капитализма и, возможно, будет в каких-то формах существовать после. Но именно при капитализме рынок получает наиболее полное развитие, становится всепроникающим. Однако мы не можем на чисто рыночных отношениях строить воспитание детей, или отношения в семье. Муж и жена не могут, например, платить друг другу за каждую операцию, которую они в доме производят. Брачный контракт это как раз проникновение рынка в несвойственную ему среду. Потому с любовью он несовместим. А феминистские призывы платить женщинам за домашнюю работу, как бы ни были они понятны на психологическом уровне, есть ни что иное, как распространение сугубо буржуазного принципа на внутрисемейные отношения.

Культура, искусство, образование, живут по другой логике, чем коммерция. Они в значительной мере стабилизируют рыночную систему, потому что как бы «извне» привносят в капитализм некоторые факторы регулирования, стабильности, устойчивости. Для этих же целей капиталу нужна религия, церковная организация, унаследованная от Средних Веков. Если бы система была построена вся целиком по чисто рыночным принципам, она неизбежно развалилась бы. Если все построено только по рыночным отношениям, все семьи должны развестись. Детей можно будет продавать. Торговать отечеством станет так же почетно, как и продавать пуговицы. Но сама же буржуазия с таким подходом категорически не соглашается. Она трогательно носитя со средневековыми государственными традициями, требует уважения к гербам и флагам, сентиментально любит монархов, вкладывает деньги в абсолютно убыточные виды искусства типа оперы и классического балета.

Внерыночные стабилизаторы нужны самому капитализму. Буржуазия совершенно осознанно сохраняет различные «докапиталистические пережитки». Но Кейнс пришел к выводу, что этого мало. Он понял, что необходимо регулировать рынок. Раз есть конъюнктурные циклы, которые можно предсказать, значит, государство, прогнозируя эти циклы, может осознанно проводить экономическую политику, создающую им противовес. Деятельность государства может быть даже неэффективна сама по себе, главное, чтобы она была нужным образом направлена. Давайте, говорил Кейнс, в разгар кризиса вырою огромную яму, правительство закопает туда бутылки со стофунтовыми купюрами. Потом правительство будет сдавать эту землю отдельным предпринимателям, которые станут эти бутылки выкапывать. Экономика расцветет, потому что деньги будут потрачены не только на закапывание и раскапывание ямы, но и на то, чтобы заказать строительную технику, создать рабочие места. Машиностроительные заводы будут загружены, рабочие получают зарплату, на эти деньги они купят еду у фермеров, соответственно, расцветет торговля, предприятия заплатят налоги в казну. Все будет замечательно. Конечно, эквивалентом этой ямы может быть культура, наука, образование, но, скорее всего правительство предпочтет закупать оружие. За этой теорией стабилизации открывается более глубокая перспектива. Кейнс много пишет о классовой борьбе. С его точки зрения, государство имеет социальную функцию, оно должно смягчить социальные противоречия и предотвратить социальный взрыв. Здесь он с буржуазной стороны, описывает то же, что Маркс и Ленин рассматривают с позиций пролетариата. Когда Ленин говорит, что буржуазия покупает пролетариат и формирует «рабочую аристократию», Кейнс говорит, что от пролетариата надо откупиться. Кейнсианская модель имеет очень четкое классовое содержание. Кейнс пишет, что считает капитализм очень несправедливой системой, но если речь идет о его личной позиции, то он присоединяется к «просвещенной буржуазии». Между тем кейнсианская теория была подхвачена именно левыми, социал-демократами, реформистскими левыми партиями, которые попытались организовать, причем достаточно успешно, давление на буржуазию в странах центра. Ваша способность получить отступное от правящего класса прямо зависит от вашей способности его напугать. Там, где рабочее движение было хорошо организовано, сильно, агрессивно, там быстрее всего встал вопрос о социальных реформах.

С другой стороны, кейнсианская система имеет четкую привязку к национальному государству, внутреннему рынку и к производственной ориентации. Не случайно именно кейнсианство обеспечило переход капитализма к очередной «А-фазе». Это «золотой век» послевоенной Европы, 1950-60-е годы. «Великая депрессия» 1929-32 годов привела систему к катастрофическим перегрузкам, когда был не просто спад экономики, но начались и социальные потрясения. После «Великой депрессии», очевидно, нужно вводить такие методы регулирования, которые обеспечат стабилизацию за счет активной роли государства как организатора внутреннего рынка. И предприниматели не просто активно шли на уступки, чтобы откупиться от рабочих, но и очень быст-

ро обнаружили, что стабилизация общества и стабилизация внутреннего рынка через государственное регулирование создает для них новые возможности заработка. Знаменитый промышленник Генри Форд произнес знаменитую фразу: «Я хочу, чтобы мои рабочие сами покупали мои автомобили». Повышение зарплаты резко увеличивает емкость потребительского рынка. Начинается рост производства. Появляется бытовая техника в доме. Возникло потребительское общество. Потребление, как мы видим из работ Маркузе, является формой контроля и манипулирования. Через процесс потребления массами управляют. Также как и через процесс производства. Потребление является компенсацией отчуждения, с которым люди сталкиваются в процессе производства. С появлением «государства всеобщего благоденствия» (Welfare State), был создан целый ряд институтов, связанный с управлением социальными программами. Появляется большой государственный сектор, смешанная экономика. В нем складывается своя бюрократия, своя бюрократическая этика, идет формирование собственных элит и логика поведения этих элит и этих структур не совсем тождественна логике поведения менеджерских групп в частном секторе.

Можно сказать, что до Кейнса стабилизаторами капитализма были структуры, пришедшие из прошлого, а в начале 60-х годов мы говорим о структурах, как бы пришедших из будущего. Своеобразная прививка социализма к капитализму. И тут возникают новые противоречия. С одной стороны, смысл всех этих социалистических экспериментов в стабилизации капитализма. Но с другой стороны, эти структуры начинают жить по своей логике. В определенных ситуациях они вступают в конфликт с логикой накопления капитала. И они начинают создавать потенциальную угрозу системе. Ведь на первых порах буржуазные отношения тоже насаждались феодальным государством для того, чтобы укрепить власть старых аристократических элит. Затем они достигли определенной критической массы, стали казаться опасными и феодальная монархия начала борьбу с ними.

Советская версия марксизма отрицала возможность существования каких-либо социалистических отношений в рамках капитализма. Официальные советские учебники говорили, что если капитализм зарождается в рамках феодализма, то социализм может быть лишь «построен» (насажден сверху) после победы революции. В свою очередь либеральные теоретики постоянно ссылаются на эти же учебники, доказывая, что социализм есть утопия, ведь он не порожден естественным ходом вещей.

Между тем на самом деле обе точки зрения противоречат эмпирическим фактам. Нарастание социалистических тенденций в рамках капитализма на протяжении XX века достаточно очевидно. Однако отсюда вовсе не следует, будто, как считали оптимисты социал-демократии, революция не нужна, и капитализм сам собой, естественным образом, перерастет в социализм. Ничего подобного! Подобный конфликт можно определить как «институциональное соревнование». Не просто класс против класса, но система институтов социального государства против системы и структуры традиционного капитализма. До поры они нуждаются друг в друге. Капитал нуждается в этой структуре, чтобы стабилизировать себя и смягчить свои противоречия, а новые структуры и новые институты первоначально выполняют чисто технические задачи, усваивают общую идеологию буржуазного общества и, казалось бы, вполне приспособляются к ней. И всё же правящие классы всё более чувствуют, что социальная сфера может стать для них такой же проблемой как некогда буржуазные учреждения для феодальной аристократии.

Структуры социального регулирования становятся чересчур влиятельными. Но это ведет не к «плавному перерастанию» капитализма в социализм, а к буржуазной реакции, к неизбежному и закономерному контрнатуплению капитала.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ: БУРЖУАЗНАЯ РЕАКЦИЯ

Начиная с середины 1970-х годов, мы видим нарастающий кризис социального государства — сначала на Западе, затем по всему миру. В начале 1970-х в Давосе в рамках Всемирного экономического форума зародился новый консенсус элит. Получила распространение идеология неолиберализма — возврата к традиционным принципам классического капитализма и свободного рынка. Кризис и крушение Советского Союза, равно как и тупик, в котором оказалось национально-освободительное движение стран «третьего мира», создали благоприятную обстановку для контрнатупления буржуазии.

Ни советская система, ни национально-освободительное движение, в конечном счете не смогли преодолеть тяготения, капиталистической миросистемы, и к концу 1980-х вернулись в неё. То же относится к Китаю, Вьетнаму, даже к Кубе — странам сохранившим в начале XXI века коммунистические режимы, но встраивавшиеся в глобальное разделение труда.

По мере того, как угроза антикапиталистической революции и «красного» завоевания сошла на нет, буржуазные классы всё менее чувствовали заинтересованность в сохранении социального компромисса типичного для 1960-х годов. Идеи Кейнса были отвергнуты.

Неолиберализм является своего рода ответом буржуазии на рост социальной сферы и государственного сектора, на рост новых, социально-ориентированных институтов. Социал-демократия и созданные ею институты сделали свое дело, помогли в XX веке стабилизировать капитализм. Но если они не будут решительно ослаблены, есть риск, что они выйдут за рамки отведенной им роли, становясь из элементов стабилизации факторами дестабилизации. Нельзя бесконечно расширять потребление. Интегрируя в систему потребительского одну социальную группу за другой, буржуазия усложняет механизм эксплуатации, делает его более дорогим. Интеграция каждой новой, более массовой группы «низов», как отмечал Валлерстайн, стоит всё дороже. Иными словами, интерес капитала отныне состоит в том, чтобы остановить этот процесс и запустить его в обратном направлении.

Мы сталкиваемся и с экологическими границами потребительского общества. Невозможно представить себе, что будет, если все китайцы усядутся за руль автомобилей, как американцы. Наступит экологическая катастрофа. Ещё в начале 1970-х годов бразильский экономист Сельсо Фуртадо, подсчитал, что если весь мир подтянуть по уровню потребления до среднего американца, то экономический коллапс наступает мгновенно. На планете нет такого количества ресурсов, чтобы обеспечить всем американский образ жизни. Неолиберализм находит решение этой проблемы, с одной стороны, за счет сжатия социального государства, с другой стороны за счет перемещения капитала с богатого Севера на бедный Юг. Причем капитал приходит на Юг не для того, чтобы сделать его богаче. В этом нет экономического смысла. В целом Юг становится беднее. И социальные низы Запада должны отказаться от своих потребительских амбиций.

Методом давления на социальное государство становится бегство капиталов. Под давлением дороговизны рабочей силы, капитал начинает уходить в страны с где люди стоят дешевле, где нет профсоюзов, забастовок. Но наивно думать, будто западные правительства этому уходу капитала сопротивляются. Напротив, они его стимулируют. Отныне государства должны конкурировать между собой, чтобы выслужиться перед капиталом, который всё более явно принимает транснациональную форму. Тот, кто сделает жизнь своих подданных тяжелее и несчастнее, получит поощрение.

Однако изгнание из потребительского рая провоцирует недовольство. Социальные противоречия системы начинают нарастать и «по вертикали» и «по горизонтали» (внутри каждого отдельного общества и между обществами). Раньше капитал экспортировал свои проблемы на периферию. В начале XX века, не переставая эксплуатировать периферию, капитал усиливает давление и на жителей стран центра. Те, кто ещё недавно были благополучно интегрированы в потребительское общество, начинает ощущать себя чем-то вроде пролетариата в старом марксистском смысле. Психологический шок очень силен. Ведь одно дело всегда жить в бедности, а другое дело, впасть в бедность после длительного периода жизни в достатке.

Социальное недовольство нарастает, но механически вернуться к методам классовой борьбы, типичным для начала XX века невозможно, ибо изменились условия жизни, организация труда, технологии. Часть людей, вытесняемых из потребительского общества, не пролетаризируется, а деклассируется. Этим, как и в период «Великой депрессии» пользуются различные фашиствующие силы — резкий подъем крайне правого экстремизма, неофашизма и радикального национализма в начале XXI века — не случайность. Дело не в том, что люди забыли уроки Второй мировой войны, а в том, что стали воспроизводиться социальные условия «Великой депрессии».

И всё же торжество неолиберализма может отказаться предвестьем нового революционного подъема. Обостряя классовое противостояние, политика буржуазного реванша рискует поставить под вопрос легитимность капитализма даже в тех слоях общества, которые до сих пор систему неукоснительно поддерживали.

Крот истории продолжает свою работу.

*Фрагмент из книги: Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения.
М.: ЭКСМО, 2005*

МАНИФЕСТ НОВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

*Реальный Интернационал нужно строить
не на площадке сегодняшнего антиглобализма,
а с политически чистого листа*

ПОЧЕМУ МЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ?

Политическая борьба — это в первую очередь борьба между видами сознания в самом широком смысле слова. Классовая борьба, межпартийная борьба, борьба между фундаментальными выборами на пути развития цивилизации (вера — агностицизм) — все это столкновения, разворачивающиеся в сфере духа, ставкой в которых является победа того или иного типа сознания, которому предстоит определять лицо и смысл человеческой истории.

Национализм как форма сознания сложился только в течение Новой истории. Тем не менее, парадоксально: идеология, ориентированная на национальный фактор, обращена вспять, на историческое прошлое, в глубь веков. Объединяющий фактор в национальном? Это общность совместного прошлого. Именно поэтому великое прошлое, исторические деятели, легендарные герои играют главную мобилизационную роль в формировании национал-политического пространства.

Эта обращенная в прошлое ретроградная форма сознания давно стала мощным инструментом дезинформации и манипуляции в руках наднациональных правящих классов. *Национализм цинично и беззастенчиво используется в политехнологиях врагов народов.* Даже позитивные формы политической кооперации угнетенных низов (социалистического или религиозно-освободительного характера) в сочетании с национальным фактором оказываются в тупике и не способны переиграть своего наднационального противника.

При этом мы отдаем себе отчет в том, что вне идеологической сферы национальный фактор как образ жизни, способ мышления, язык высказывания, является неизбежным и необходимым инструментом жизнедеятельности для подавляющего большинства населения Земли. Совместный язык, совместная психология, разделяемые мироощущение и повседневная эстетика? все это первичные формы солидарности, без которой каждодневное существование и борьба за жизнь простых людей стали бы просто невозможны.

Именно поэтому мы говорим об «интернационализме», а не о «наднационализме». Последний термин характеризует форму существования тех, кто свободен от проблем «земной юдоли» — бедность, болезни, неуверенность в завтрашнем дне, страх перед насилием, бесправность и т.п. — за чужой счет, за счет народов, кровью и потом которых эти наднационалы (глобальные корпоративные олигархи, финансовая сверхэлита, наследственная знать, высшее международное чиновничество) питаются.

Интернационализм есть наиболее общая база нашей идеологической платформы, без которой конкретизация дальнейших политических взглядов была бы бессмысленной. *С нашей позиции очевидно, что базовой ценностью всемирной борьбы угнетенных является солидарность всех тех, кто отстранен от определения собственной судьбы, от выражения собственной политической воли, от участия во всемирном проекте человеческой истории.* Эти «отстраненные» должны взаимодействовать друг с другом на самом низовом уровне через барьеры культур, языков и способов бытового существования, которое в последнее время стало модно называть словом «цивилизация».

Мы не верим ни в пресловутое столкновение цивилизаций, ни в их диалог. Это новые политехнологии власть имущих, направленные против интернационала обездоленных.

Любая солидарность находит свое практическое выражение в наиболее активных выдвиженцах из числа тех, кому есть за что бороться. Это те, кто готов пожертвовать всем, даже жизнью, противостоя угнетению. Практическая форма солидарности таких людей традиционно принимала во времена великих социальных потрясений форму «комитетов» или «советов». История показала, что когда эти базовые объединения борцов замкнуты внутри национального фактора, они обречены на поражение. *Только интернационализм органов самоуправления прямой демократии является гарантией исторической перспективности и окончательного успеха мирового революционного движения.*

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ «СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА»

Октябрьская революция стала историческим водоразделом, образовавшим принципиально новый исторический период, в котором достигнута беспрецедентная возможность реального устранения традиционной правящей суперэлиты. *Главным и непреходящим достижением Октябрьской революции, последствия которого актуальны и сегодня, стало уничтожение семьи Романовых, разгром и изгнание за пределы России уцелевших представителей царского дома и их ближайшей социальной опоры.*

Это стало возможным благодаря принципиально новому политическому методу, который имеет корни в якобинском измерении Французской революции 1789-93 гг. и в Парижской коммуне 1871. Речь идет о советах как органе вооруженного самоуправления наиболее активной, пассионарной части угнетенного народа. Именно благодаря советам был осуществлен нонконформистский радикальный шаг по уничтожению в России части мирового клана правителей, после которого на территории одной шестой мировой суши возникли беспрецедентные исторические возможности.

С самого начала советский метод вооруженной народной «демократии снизу» не получил развития, а впоследствии был задушен, потому что партия большевиков не сумела полностью идентифицировать себя с советами и вынуждена была встать к ним в оппозицию, прибегнув к государству как инструменту подавления для того, чтобы узурпировать в интересах партийного аппарата советскую власть.

В свою очередь, это привело к тому, что государство узурпировало, а впоследствии и раздало саму партию, окончательно превратив принцип советского самоуправления в фикцию. Тем самым была наглядно подтверждена идея о несовместимости революционного самоуправления трудящихся и государства, в котором происходит отчуждение механизмов власти от первичных носителей политической воли.

С начала 30-х годов «советская власть» в СССР превращается в *антисоветскую власть*.

Ликвидация КПСС и отказ от государственной марксистской идеологии не является концом этого антисоветского периода, начавшегося с политического триумфа Сталина и его группы. По сути, антисоветское содержание номенклатурно-бюрократического СССР прорвалось на поверхность и стало гласным одновременно с геополитическим поражением советской империи.

Сегодня продолжается идущий к завершению антисоветский период номенклатурно-бюрократического государства, созданного 70 лет назад. Протестные силы всего мира, в том числе и в самой России, должны всемерно стремиться к окончательному краху этого политического режима как одного из наиболее опасных инструментов мировой тирании сегодняшнего дня. Бюрократическая «постсоветская» Россия открыто перешла на сторону международного империализма в 1991-м, в то время как сталинско-брежневский СССР сотрудничал с империализмом скрыто.

Многие честные коммунисты в 30-е годы, ясно видевшие перерождение сталинского режима в тоталитарный антинародный строй, тем не менее считали, что нужно отстаивать сохранение СССР, который будто бы несет в себе изначальный здоровый потенциал Октябрьской революции. Исторический опыт показал, что такой подход носил сентиментальный характер и был ошибочным, ибо скрытое сотрудничество тоталитарной советской империи с империалистическим лагерем, начиная с 30-х годов и до последних дней ее существования, погубило тысячи борцов, многие партии и боевые организации антиимпериалистического сопротивления, которые поверили Москве и стали жертвами предательских интриг «советского» руководства.

Позитивным фактором конца лицемерной «партийной» эры в истории советской-постсоветской бюрократии является расчистка политического пространства для новой инициативы всемирного протеста, который будет свободен от лояльности какому бы то ни было номенклатурно-державному центру, объявляющему себя «отечеством пролетариата всех стран».

Уничтожение традиционной элиты, правившей Российской империей на протяжении трехсот лет (1613-1917), вынудило мировой империализм прибегнуть по отношению к России к режиму внешнего управления, опирающемуся на случайных выдвинутых и нуворишей из рядов номенклатурной бюрократии и криминала. Сегодняшний олигархический режим, являясь, по сути, эрзацем политического класса, невлиятельным и ограниченным по своим возможностям на международной сцене, делает историческую ситуацию в современной России непредсказуемой.

Именно эта непредсказуемость является ценнейшей политической характеристикой России в глазах мировых протестных сил, находящихся в состоянии разброда и подавленности перед лицом явного триумфа сплотившейся мировой тираннии. Эта непредсказуемость позволяет рассматривать Россию — подобно тому, как это уже было в 1917-м, — как слабое звено в системе глобального угнетения, которое может быть разбито соединенными усилиями революционного интернационала. Именно это является политическим наследием Октябрьской революции, дошедшим до нас через все перипетии левой идеи в нашей стране.

ОПАСНОСТИ, ПОДСТЕРЕГАЮЩИЕ СЕГОДНЯШНЮЮ МИРОВУЮ ОППОЗИЦИЮ

После пятнадцати лет оцепенения, в которое впали международные протестные силы с приходом к власти в СССР Горбачева, резко вверх пошла манифестационная и митинговая активность в большинстве стран. Протестные силы выходят из ступора, вызванного обрушением советской системы. Сегодня перед ними стоит достаточно четко определенный противник? США с их наглой великодержавной агрессивностью — что в значительной мере облегчает задачу консолидации. Кроме того, морально-публичная оппозиция сверхдержаве, бросающей вызов традиционному международному праву, не требует идеологии, которой как раз нет.

За осень 2003 года в Европе прошло несколько крупных международных ассамблей и форумов, которые инициировались разными политическими силами, но подозрительно напоминали друг друга. В начале сентября в Греции на острове Родос по инициативе российского олигархического капитала, тесно связанного с властью, прошла международная конференция, посвященная «диалогу цивилизаций». Доминирующим элементом на этой конференции были всевозможные духовные деятели, попы разных мастей, обсуждавшие «мир и в человецех благоволение». Клерикальные речи были как всегда бессодержательны и благопожелательны. Вскоре после этого, в начале октября в Италии прошла пятая ассамблея так называемой «народной ООН». Итальянские левые демократы (центристы) упорно пытаются представить Италию страной серьезных геополитических инициатив, собирая пару сотен иностранных гостей поговорить о борьбе за мир. Разница между предприятием на Родосе и сходкой в Перудже только в отелях: олигархи резервировали для приглашенных попов пятизвездочные отели, а антиклерикальный демократический элемент, созданный на Апеннины, обходился трехзвездочными. По пустоте же и заклинательности второй «форум» ничуть не уступал первому.

Мы констатируем, что к осени 2003-го «борьба за мир во всем мире» разгорелась не на шутку. Ее ведут «сверху» представители клерикального истеблишмента и «снизу» массовые антиглобалистские организации на фоне вполне реальной агрессии, которую США начали и намерены расширять. Характерно, что на «народноооновской» ассамблее в Италии ни словом не были упомянуты угрозы США в адрес Кубы (а, между тем, это сегодня самая серьезная проблема), тщательно избегалось всякое упоминание о НАТО и вообще не формулировались никакие конкретные идеи.

Все собрания в «поддержку мира» отличаются случайностью и бессистемностью привлекаемых в них людей и организаций. Эта бессистемность на самом деле прикрывает неочевидный на уровне участников закулисный стратегический курс антиглобализма. На наших глазах под «крышей» массового антивоенного движения создается новая политическая квазирелигия, в центре которой стоит «мир» и «права человека». Причем, если до сих пор «права человека» были скорее сектантской верой либеральных интеллектуалов, то с добавлением «мира» движение получает масштабный религиозно-карнавальный характер, отчетливо связанный с атмосферой *нюу эйдж*.

Ньюэйджевский элемент снизу соответствует официальной благочинной поповщине «сверху», только их дискурсы распределены следующим образом: истеблишменту отводится «высокая» тема диалога цивилизаций, в то время как демстатистам «народных ассамблей» предлагается под музыку вести хоровод, выкрикивая «Да здравствует мир!» Ясно, что протестный потенциал планетарного «низа» стараются завести в болото маразма.

Какие параметры характеризуют сегодня «антиглобализм», взятый под жесткий контроль транснациональных корпораций?

Первое, что бросается в глаза — преобладание феминистической стихии. У руля в антиглобалистских инициативах стоят завязтые феминистки. В массовых колоннах витает дух «весны священной» и «великой матери». А в целом все направлено на хаотизацию и карнавализацию коллективного протеста, подчинение его «дионисийскому началу».

Более серьезным моментом является так называемое *peace education* — обучение миру. Существуют серьезные неправительственные структуры, в первую очередь — в США, которые по всему Третьему миру ведут борьбу с идеологией достоинства и самозащиты, мужским культом оружия и личной ответственности за защиту собственного дома, экспортируя пораженческие демобилизационные модели сознания. В одной из таких инициатив для придания ей большей популярности задействован известный актер Майкл Дуглас. В то время как правительство США бомбит мир, американские феминистки, не забывая тщательно дистанцироваться от Белого дома, учат детей этого мира не сопротивляться.

Собственно говоря, вряд ли можно назвать антиглобализм в его настоящем виде политически «левым», хотя, видимо, он как-то наследственно связан с левыми исторической преемственностью. «Правым» он, естественно, также не является. Однако, суммируя все, следует предположить, что закулиса антиглобализма скорее «правая» в неолиберальном смысле. Именно от нее исходят сознательно проектируемая безыдейность и организационный хаос, в который погружены оппоненты Системы, вследствие чего ныне существующее движение уже сейчас можно считать обреченным.

Реальный Интернационал нужно строить не на площадке сегодняшнего антиглобализма, а с политически чистого листа, вовлекая в него (Интернационал) здоровые элементы из всего возможного политического спектра, при условии, что эти элементы готовы противостоять Системе.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Что является типичным для протестного активиста в современной Европе? Полное отсутствие философского *инженеринга*, т.е. связанного концептуального выстраивания единой картины мира в своей голове. Еще двадцать лет назад основой такого инженеринга являлся марксизм. Сегодня, не лягая «мертвого льва», марксистскую терминологию тщательно избегают. За ней, как тень отца Гамлета, грозно маячит классовая борьба, которая бросает вызов бесконечной литании мира, заменившей собой всякий прочий дискурс.

Однако классовая борьба по-марксистски представляет собой в нынешних условиях слишком *неадаптированную* доктрину, чтобы можно было пытаться вливать новое вино в эти старые мехи. Дело в том, что те классы, которые должны по Марксу бороться друг с другом — буржуазия и пролетариат — во-первых, больше не существуют, во-вторых, даже во время своего полноценного существования были лишь субститутами подлинных исторических оппонентов, скрывавшихся за их маски. Главная проблема с марксистскими классами — это то, что их содержание определяется их отношением к средствам производства и распределению прибавочной стоимости.

В действительности же противниками в человеческом поле оказываются из века в век постоянные субъекты, представляющие собой полюса извечной человеческой дихотомии и не зависящие от изменения способа производства и роста производительных сил.

Для того чтобы квалифицировать (определить) субъектов противостояния внутри макроисторического пространства, необходимо сегодня заново организовать *оперативное идеологическое сознание*, которое обладает интегральным видением мира и истории вне текучки временных обстоятельств. Такое сознание должно быть одновременно как бы и метафизическим и актуально политическим, т.е. рассматривать сферу конкретной политики как пространство для реализации метафизического проекта.

Понятно, что слова «метафизический проект» страшно испугают типичных левых, выросших на агностицизме, антиклерикализме, ужасе перед всяким «фидеизмом» и всякой «мистикой» и на строгой приверженности ползучему эмпиризму и здравому смыслу. Однако Маркс не боялся метафизического проекта, поскольку его сверхзадача скачка из «царства необходимости в царство свободы» есть чистейшей воды метафизический проект. Вместе с тем, он на самом деле абсолютно конкретен. Проблема в том, что этот метафизический проект был в марксизме не расшифрован как актуальный смысл борьбы здесь и теперь, а вынесен вдаль как линия горизонта.

Для того чтобы на новом витке политической борьбы за высшую власть в человеческой макросистеме не бояться метафизики, оппозиции следует отказаться от традиционного деления на «левое» и «правое». И то, и другое ведет в маргинализм, неважно какой окраски: либерал-беспочвенный или национал-почвеннический. Нужно решительно рвать с понятийным балластом прежних установок сознания, запутавшегося в сложных и бессмысленных брендах.

Преодоление маргинализма возможно только в противостоянии Системе, которая понята и определена объективно. До недавнего времени Система носила виртуальный характер. Верхние эшелоны мировой элиты стремились к тому, чтобы она стала реальной и начала эффективно работать, причем на пути к ней мировая власть переживала кризисы и потрясения, которые ставили под вопрос ее выживание. Однако силы оппозиции всегда были связаны теми или иными интеллектуальными ограничителями (обязательным материализмом, экономизмом т.п.), что, в конечном счете, предопределяло их поражение на каждом отдельном историческом этапе. Сегодня Система если и не состоялась окончательно (что сделало бы успешную борьбу против нее почти безнадежной), то, во всяком случае, находится на грани перехода от виртуального к реальному.

В основе современной Системы находится субъект властвования, представляющий собой высокоорганизованный конгломерат властных кланов. Эти кланы основаны на традиции и преемственности с одной стороны, готовности к практически неограниченной модернизации — с другой. Следует понять, что сама модернизационная гибкость сверхэлиты подпитывается волей к преемственности, доходящей практически до жажды утверждения имманентной и контролируемой вечности. Это вполне метафизический проект, неотъемлемый от харизматического статуса сверхэлит. Поэтому технически будет вполне нормально определить системного субъекта властвования как футурократическую корпорацию.

ПОЛЮСА «БОГАТСТВА» И «БЕДНОСТИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Что означает *футурократия*? Она означает такую организацию социальной пирамиды, при которой низы ни при каких обстоятельствах не могут бросить вызов верхам (т.е. верхи всегда имеют гарантированное будущее). А для того, чтобы этого вызова никогда не было, нужно, чтобы в обмене веществами и энергиями человечества с природой никогда не случалось кризиса, дающего низам шанс. Такая бескризисная метафизическая экономика возможна только при превращении ее в аспект глобального информационного поля, в котором вся реальность кодирована как *интеллектуальное количество*. «*Интеллектуальное количество*» есть сущность информации, информационного потока. Информационное общество — это господство интеллектуального количества над личностным сознанием, над персональным экзистенциальным фактором.

Современность отличается не только от архаического времени, но и от сравнительно недавно минувших эпох необычайно возросшей ролью количественного фактора. Количественную интерпретацию в наше время получают реальности, которые еще недавно трудно было совместить с самим представлением о количестве. Первоначально это проявилось как тенденция превращения гуманитарных наук в «точные». Затем количественное кодирование феноменов, которые имеют отношение к ментальной и психической сферам жизни. Сегодня практически вся видимая и воспринимаемая действительность кодифицирована в форме информационных сигналов, имеющих количественную природу.

С другой стороны, наиболее общей формой количества в человеческом мире являются деньги. Таким образом, на современном этапе цивилизации открывается возможность прямого конвертирования реальности, интерпретированной как информационный поток, в деньги, т.е. в финансовый поток, и обратно. В информационном обществе материальный мир выступает уже не как фактический или возможный товар, а как обратная сторона чистых денег, являющихся вместе с тем выражением информационно-количественного описания *всего существующего*.

Именно это превращает различие между богатством и бедностью в абсолютно полярное противостояние. Если раньше человек, обладавший корнями в тех социальных слоях, для которых было характерно манипулирование материальным ресурсом, и противостоящий ему представитель народа, которому приходилось тяжким трудом добывать крохи на пропитание, все равно стояли на общей площадке человеческого фактора, имели общую базу для диалога по общим проблемам, то сегодня такое положение осталось в прошлом. *Человек, который принадлежит к полюсу «абсолютного богатства» в современном мире, не просто имеет деньги — он включен в смысловой луч истории, является участником проекта, определяет содержание и назначение человеческой жизни. Тот же, кто по всей видимости будучи человеком, принадлежит к полюсу «бедности», не просто ограничен в средствах, но лишен смысла как человеческое существо и не имеет доли в истории.* Вчера это разделение еще было тайной, которую маскировала политкорректность, всегда могущая сослаться на демократические институты, электоральные процедуры и т.п.

Сегодня, хотя формально набор классической демократии еще не выброшен на свалку, он уже лишен души и никого не может обмануть.

В преддверии наступающей эпохи «Железной пяты», которой глобальная олигархия будет давить смертное человечество, становится уже расхожей в определенных кругах аргументация, основанная на признании онтологического неравенства между людьми. Новое мировоззрение сверхэлита, отказывающихся от фигового листка христианской или светско-гуманитарной общности в человеческой природе всех людей, независимо от социального статуса, — это даже не ницшеанство и не фашизм, которые были хотя и антидемократичны, но рациональны в своем утверждении неравенства. Сегодня антидемократический дискурс возвращается к архаическим истокам и получает характер своеобразной метафизики.

«Богатство» и «бедность» в этой метафизике — не просто полярно противоположные позиции имущественного успеха или неудачи, это практически религиозные определения-клейма участников мирового пиршества, которые попадают в рай Маммоны, и огромного большинства человечества, которое идет в ад материальной незначительности.

ГЕНЕЗИС СУБЪЕКТА ТИРАНИИ

Современная сверхэлита окончательно сложилась к концу XIX-го столетия, включив в себя как архаичные представления и традиции, связанные с менталитетом наследственной знати, так и модернистские представления об истории как проекте, появившиеся в политической философии с началом нового времени. Синтез традиционализма и модернизма представляет собой ту идеологическую базу, на которую опирается харизма и «легитимность» власть имущих. *Эти люди подразумевают, что перед человечеством как глобальным космическим проектом стоят задачи, которые могут быть решены только избранными, только под их руководством.* Такие задачи время от времени формулируются вслух для широкой публики: защита мировой экологии, преодоление всемирного энергетического кризиса, победа над бедностью, неограниченное продление жизни, генетическая революция, позволяющая, в частности, избавиться от болезней, освоение околоземного пространства и т.д. и т.п. Специфический характер этих проблем заключается в особом сплаве религиозно-космистского утопизма, родственного сакральным символам древних традиций, с технократически-прогрессистским подходом к истории, человечеству и космосу, который является фирменным знаком нью эйдж. Именно связь с этой проблематикой, с одной стороны, и неограниченным ресурсом, привлекаемым к решению этих проблем из сфер реальной экономики, и делает сверхэлиту неуязвимой для перипетий обычного политического порядка. Бюрократически-силовая структура государств, международная бюрократия, пестрая палитра государственных и частных (в том числе принадлежащих транснациональным корпорациям) спецслужб, масс-медиа — весь этот огромный аппарат защищает право нового «корпоративного фараона» на проектирование и воплощение судьбы всего человечества как его собственной «фараонической» судьбы.

Однако насилия, прямой пропаганды и политтехнологических приемов было бы недостаточно, если бы этот «синтетический фараон» нашего времени не обладал статусом избранности в умах и сердцах простых людей. Этим объясняется уникальный феномен «законопослушности» обывателя: он стоит на коленях перед социальной пирамидой не потому, что напрямую запуган тюрьмой или, по крайней мере, потерей работы за нелояльность к власти; дело обстоит гораздо хуже! Коллективный всемирный обыватель искренне считает, что его идеальная человеческая природа в полной мере воплощена в суперэлите как клане действительно совершенных существ, обладающих особым морально-социальным статусом.

Именно на этом основан эффект «светской хроники», взятый не в буквально журналистском, а в самом широком смысле. Люди испытывают трепет и уважение к сильным мира сего одновременно как к существам другой породы и как к идеальной проекции самих себя.

Говоря языком социального психоанализа, суперэлита есть для масс одновременно и наглядно представленное «сверх-Я». *Поэтому власть суперэлиты как находящейся на полюсе «абсолютного богатства» общественной корпорации по своей природе, безусловно, клерикальна.*

Это и есть та «золотая маска Бафомета», намек на которую содержится в ленинском призыве к срыванию «всех и всяческих масок».

МИРОВАЯ ТИРАНИЯ — ПЕРМАНЕНТНЫЙ ФАКТОР ИСТОРИИ

Фундаментальным взглядом нашего Интернационала на проблему человеческого общества является убеждение в том, что во все времена истории по отношению ко всем народам земли существует *один и тот же тиранический субъект — организатор социальной макропирамиды.*

Это единый хозяин исторического процесса, который сквозь все меняющиеся экономические формы, цивилизационные облики, сословные модификации порождает одну и ту же несвободу и является онтологически преемственной корпорацией власть имущих.

Именно в этой фундаментальной оппозиции господства и угнетения состоит изначальная драматическая коллизия человеческой истории. Глобальное представление о метаистории, в котором мы осознаем единство и целостность человеческого рода, а именно: с одной стороны, понимание единства субъекта угнетения (верхушки социальной пирамиды, которая проходит из древнейших времен в сегодняшний день), с другой стороны, отчетливое осознание единства объекта угнетения (естественного человечества как жертвы социальных, политических, экономических и природных обстоятельств) также сквозь все времена от начала истории до сегодняшнего дня. Иными словами, международная корпорация сверхэлиты, правящая современным человечеством, онтологически, исторически и политически не только преемственна, но и прямо тождественна классической тирании древности в лице фараонов, кесарей и иных персональных воплощений угнетения. Вместе с тем, современный человек как объект эксплуатации, погруженный в принципиальную несвободу, есть точно так же не просто наследник, но буквальное продолжение египетского или римского раба. Наличие у него атрибутов современной цивилизации, дающих иллюзию индивидуальной самодостаточности (машина, квартира, офис и т.д.), абсолютно ничего не меняет в его онтологическом статусе объекта несвободы.

Вместе с тем (оставаясь онтологически тождественной сквозь всю историю), тирания меняет формы своего применения к объекту угнетения и вместе с этим модифицируется цивилизационное обличье, в котором выступает правящий класс. *Для него (правлящего класса) во все времена стояла сверхзадача добиться такой организации общества, при которой были бы исключены кризисы и потрясения, бросающие вызов гегемонии наследственной сверхэлиты.* Такая задача выходит за рамки обычных политических технологий и является чем-то большим, нежели даже политическая стратегия в классовой борьбе. Решение проблемы бескризисной власти, которая навсегда избавлена от угрозы вызова со стороны угнетенных низов, — это, фактически, религиозная сверхзадача. Именно поэтому понимание собственной власти высшими кругами социальной метапирамиды всегда носило — и носит! — религиозный и метафизический характер.

Последние четыреста лет в западном мире началось формирование окончательной сверхэлитарной корпорации, которая была призвана решить вопрос главного противоречия человеческой истории между тиранами и угнетенными через организацию глобальной социально-политической системы. *Ядром этой корпорации стала часть наследственной знати, которая пошла на модернизацию и отказ от традиционалистского феодального порядка во имя открытия бескризисной перспективы для тирании «без берегов».* Это ядро интегрировало в свои «ряды» международную финансовую элиту, крупнейшие торговые семейства, доказавшие свою способность к преемственности и росту в исторических масштабах времени, в результате чего образовалась тесно связанная система сверхэлитарных кланов, которая, уходя корнями в традиционный слой западной истории, вместе с тем является глобальным инициатором постоянной модернизации.

На последнем этапе формирования эта клановая корпорация расширилась за пределы собственно «Запада», включив в себя верхушки российской и азиатских элит, чему послужили модернизационные трансформации, прошедшие одновременно по всему миру в XIX веке: революция Мейдзи в Японии, упразднение крепостничества в России, интеграция индийской аристократии в британскую правящую верхушку после подавления восстания сипаев и т.п.

Главная характеристика сверхэлиты, правящей сегодня человечеством по сути так же, как тысячи лет назад правили фараоны, состоит в том, что она находится по ту сторону социальных и экономических потрясений, не завися как от перемены политических форм правления, так и от передела собственности. Конституционная монархия может сменяться парламентской республикой или национал-тоталитарной диктатурой, дикий капитализм может сменяться «государством социального благоденствия», которое в свою очередь уступает место неолиберальному диктату фондовых спекулянтов — все это не имеет никаких последствий для принципиального субъекта господства, который при всех обстоятельствах является главным и окончательным бенефициантом любых финансовых и политических процессов в обществе.

С исчезновением с политической карты соцлагеря эта метаисторическая неуязвимость корпорации современной знати вошла в новую триумфальную фазу, на которой отпадают как ненужные многие механизмы опосредованного влияния и манипулирования низами. *Одним из*

таких механизмов, которые сегодня отбрасываются за ненадобностью, оказывается институт представительной демократии, вслед за которым обрушиваются связанные с ним «ценности»: права человека, национальный суверенитет, равенство возможностей и т.п. Мир входит в эпоху открытой глобальной олигархической диктатуры, для которой характерна уже не философия социал-дарвинизма, как во времена «досоциалистического» капитализма, а открытая метафизика неравенства, которая возвращает нас в ценностную систему глубокого архаического прошлого.

Именно с новыми потребностями прямой диктатуры в первую очередь (а не с развитием производительных сил) связано формирование постиндустриального информационного общества и сопутствующей ему так называемой интеллектуальной экономики. *Информационное общество есть та последняя стадия тирании, при которой субъект господствования посягает на внутреннюю свободу зависимых и угнетенных низов, не довольствуясь только внешней эксплуатацией.* На этом этапе в сферу отчуждения попадает уже наиболее внутренний, интимный ресурс человеческого существа — его сугубо персональная экзистенция. *В информационном обществе впервые в человеческой истории исчезает жесткое разграничение между внутренним пространством человеческого индивидуума и внешним миром, представленным для современного человека в виде информационного потока.* Отношение между личностью и средой превращается из классической замкнутой ленты, где внутренняя сторона является границей обороны «я» против давления внешнего мира, в ленту Мебиуса, в которой не существует ни внешнего, ни внутреннего. Человек становится «терминалом» в информационном потоке, который при ближайшем рассмотрении есть поток управляемого количества.

Лента Мебиуса как новая модель отношений человека со средой есть та парадигма, которая на корню исключает саму возможность оппозиции и протеста, делая, таким образом, тиранию — царство несвободы — беспросветной.

КОНЕЦ МАРКСИСТСКОГО ДИСКУРСА

К сороковым годам XIX века молодые интеллектуальные силы Европы, ненавидящие монархо-помещичье окружение, феодально-капиталистический истеблишмент, устали от бесплодного интеллектуализма университетских кафедр. Им казалось, что философия, существовавшая к тому моменту двадцать три столетия, только вспахала почву, но не способна чисто интеллектуальным ресурсом осуществить прорыв к преображению человеческой истории, потому что в нее, философию, встроен изначальный дефект: идеализм.

«Идеализм» для тогдашних борцов со старым миром означал пребывание в виртуальном, бесплодную схоластику. «Философы различным образом объясняли мир, — говорил Маркс, — дело же заключается в том, чтобы его изменить». С марксистской точки зрения, невозможно было изменить мир путем постижения его сути, когда интеллектуальное понимание мира господствует над опытом. Казалось, что ответ на «основной вопрос философии» в пользу материи дает возможность вырваться из виртуального дискурса на оперативный простор работы с «веществом», будь то «вещество» человеческое, экономическое или социальное.

Материализм главных сил тогдашней оппозиции был обусловлен тем, что на первый план выдвигался примат организации, даже более конкретно — организационных форм. Именно работа со структурами эмпирического мира позволяла впервые для сил контрэлиты подготовить прорыв к политическому господству.

Сегодняшняя цивилизационная ситуация характеризуется совершенно противоположными акцентами. *Приоритет в методиках интеллектуального авангарда перешел с «организации» на «смысл»: сегодня главное — это работа со смыслами, осознание смыслов, рассмотрение смыслов как доминантной, непосредственно данной в опыте реальности.* Современная деятельность в мире — будь то революционная или консервативная — рассматривает «вещественный» план как виртуальный, а «смысловой» как реальный.

Марксизм как универсальный язык оппозиции буржуазному истеблишменту основывался на том, что предметом отчуждения в процессе эксплуатации рабочего класса являлся конкретный материальный ресурс, перераспределяемый в пользу эксплуататоров. Однако именно ограниченность этой позицией привела к стратегическому поражению протеста, построенного на марксистских предпосылках. Выше мы отметили, что истинный субъект господства стоит над взаимоотношениями чисто экономического порядка и не зависит от распределения материального ресурса в рамках непосредственной организации как производственного, так и рыночно-

го процессов. Более того, суперэлитарная глобальная корпорация сама использует класс собственников и организаторов производства как посредников по предоставлению им необходимого материального ресурса по требованию. Современный капиталист является объектом политического рэкета со стороны подлинных господ так же, как и в феодальные времена. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть роль наблюдательных советов при транснациональных корпорациях, в которых заседают персоны с архаическими титулами и громкими историческими фамилиями.

Сегодня стало очевидно и лишь требует окончательной формальной констатации то, что марксистским методом больше нельзя описывать существующую действительность в ее глобальных пропорциях. Кроме того, даже в рамках социально-экономических отношений не существует больше тех реальностей, которые казались незыблемо очевидными еще полвека назад. Сегодня нет больше ни буржуазии, ни пролетариата. За пределами таких крайних полюсов, как суперэлита, стоящая над человечеством, и мировой гарлем с его неизбывной нищетой, который находится в самом низу социальной пирамиды, все остальное представляет собой броуновское движение деклассированного элемента, экономическая и социальная судьба которого является предметом случая. Одни и те же по сути люди оказываются то в статусе бродяг и изгоев, то скоробогачей, заполняющих страницы светской хроники... Скоробогачи, в свою очередь, превращаются в бесприютных изгнанников, находящихся в международном полицейском розыске и т.д. Социальная жизнь превращается в гигантскую рулетку, в которой миллиарды проигрывают в силу беспощадной статистики и математических законов теории игр. Поэтому бессмысленно описывать параметры социальной борьбы и революции, исходя из представления об экономических классах как устойчивых категориях, которым присущи постоянные парадигмы классового сознания. *Силам протеста, для того, чтобы быть адекватными противнику, который стоит перед ними, и революционным задачам, которые они должны решить, необходимо вернуться к фундаментальным категориям большой истории, в которых только и можно описать смысл человеческой драмы на земле именно как драмы метафизического предназначения человека.*

Собственно говоря, именно это и имел в виду Маркс, говоря о преодолении отчуждения и переходе из царства необходимости в царство свободы. По сути дела, он пользовался религиозными категориями. Однако этот метафизический слой марксистского видения истории не обеспечивался ни философски, ни методологически. Перед Интернационалом XXI века стоит задача восстановить провиденциалистское измерение своей освободительной миссии, без которого невозможно разгромить тираническую корпорацию, бесспорно обладающую метафизическим видением и пониманием своего статуса и своих задач по отношению к человечеству и Вселенной.

Именно поэтому материализм Маркса и Энгельса соответствует ушедшему в прошлое менталитету, исчезнувшей эпохе и представляет собой доктринальную обузу. Однако это не значит, что претензии к старой философии, сформулированные «классиками», можно снять. Мир по-прежнему надо изменять, а не объяснять; только теперь это волевое изменение осуществляется не в организационно-структурной, а в смысловой сфере.

Этой новой задаче в полной мере соответствует только новый метод мышления — политическая теология. Он представляет собой беспрецедентную в истории мысли форму пост-идеализма, которая основана на парадоксе Откровения.

ПОЛЮСА «СВОБОДЫ» И «ТИРАНИИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Основополагающими понятиями, на которых должно строиться мировоззрение нынешних протестных сил, являются, бесспорно, категории «свобода» и «тирания». В предыдущие времена было сделано много для того, чтобы затемнить смысл этих слов, банализировать их и дать им узкое, зависимое от частных обстоятельств объяснение. «Свобода» как свобода выбора, экономические возможности, политический ресурс и т.п. есть, бесспорно, профанация этой категории, сутью которой на самом деле является внутренняя онтологическая независимость личного сознания. Именно такое понимание свободы дает гарантию ее подлинности и проводит водораздел между человеком, понятым как объект обстоятельств, и человеком, который является смыслообразующим субъектом. В самом деле, свобода, интерпретированная механическим или количественным образом, не предполагает, что ее носитель или тот, кто ее лишен, вообще заслуживает существования и имеет какой бы то ни было онтологический смысл.

Итак, именно личностное сознание, взятое как интимный экзистенциальный центр воспринимающего мир живого существа, есть единственный источник политической воли и реальной свободы. Речь идет о «свободе», понятой не механически как «свобода выбора», а как абсолютное различие «уникального внутреннего», которое есть вместе с тем гарантия индивидуального сознания, и «всеобщего внешнего», будь то природа, социум или информационный поток. Свобода как безусловное различие «точечной экзистенции внутреннего» и «протяженного внешнего» — это и есть подлинное бытие конкретного смертного человека, осознающее себя бытие нетождества всему.

В нашем понимании, однако, свобода, представляющая собой фундаментальное различие и независимость внутренней экзистенции от внешней среды, становится одновременно и теологическим, и политическим концептом. Через восстановление подлинного содержания понятия свободы мы создаем пространство политической теологии, в котором возможна интеграция сил, до этого считавшихся разнородными: сил религиозного неконформизма и сугубо политического протеста.

В видении нового Интернационала «свобода» не является как предметом этических и философских спекуляций, так и разменной монетой сиюминутных политических технологий. Это онтологическая база, которая обеспечивает саму возможность политической и исторической воли, саму способность к глобальному проектированию, открытость человека как вселенского феномена к возможностям, бесконечно выходящим за рамки ограниченного жизненного опыта отдельных индивидуумов. *«Свобода» в пределе есть то состояние сознания, которое присуще особой породе людей, способных к святому самопожертвованию и героизму, и которое должно восторжествовать после того, как потерпит поражение онтологический враг свободы в этом понимании — глобальная сверхэлита, воплощающая корпоративно совершенно противоположный проект.* То, что противостоит свободе, — это космистский гуманизм для избранных, религиозный антропоцентризм, при котором вновь и вновь фараон, кесарь, а сегодня и новое воплощение этих властителей рассматривают себя как Бога на земле.

Отсюда следует, что главная цель футурократов — упразднить эту свободу, уничтожить различие между «внутренним» и «внешним», сделать человеческую личность терминалом в информационном потоке и таким образом «отменить» онтологическую базу воли к сопротивлению и к власти, идущей снизу, от подавляемой личности.

ФИНАЛИЗМ — ТЕОЛОГИЯ НОВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Большинству людей, выросших в иудео-христианской культуре, но являющихся агностиками, «Откровение» кажется банальным бессодержательным термином, за которым не кроется ничего, кроме поповских басен. Это их проблема. Сам термин «Откровение» представляет собой гносеологический парадокс: не интуиция, не опыт, не созерцание — короче, никакая из форм познания, основанных на нормальной взаимосвязи между объектом и субъектом. Но это и не солипсизм неокантианского типа, ибо источник Откровения — вне воспринимающего субъекта. С точки зрения нормальной гносеологии — будь она эллинской или китайской — Откровение есть техническая невозможность. В этом его абсолютная новаторская сила.

Центр теологии, построенной на Откровении, — финализм, бросающий вызов неопределенности и гомогенности привычного опыта. Все существующее в «нормальной» системе субъект-объектных отношений — это бесконечно перетекающая из одного в другое лента бытия, где согласно древней мудрости «что вверху, то и внизу». *Во врожденном человеку пантеистическом первоощущении нет никакой разницы между прошлым и будущим (время циклично), внутренним и внешним, жизнью и смертью.* Это у марксистов называлось «диалектикой».

Финализм предполагает безусловный разрыв. Это — как пробой сплошной гомогенной субстанции, который дает эффект незатягивающейся «черной дыры». Суть теологии в том, что этот разрыв мировой ткани дает смысл всему именно благодаря тому, что становится концом всего. *Противостояние простому самотождеству бытия есть революционный прорыв в смысл.* Пантеизм бессмыслен, в мировых метафизических системах смысл отсутствует. Там есть мудрость, есть понимание всего и вся. Смысла нет! Смысл — это то, «ради чего». В пантеистическом сознании, где абсолют перетекает сам в себя, как лента Мебиуса, отсутствует вектор «ради».

Человек является центральным носителем финализма, поскольку осознает собственную смертность. Это абсолютный финал его как конкретной личности и вместе с тем залог того, что «времени больше не будет». Финализм — это Откровение о конечности истории, конечности

всего материального мира, опирающееся на безусловный факт личной смерти любого. В пантеизме человеку не дают осознать этот финализм. Его учат, что конец его как здесь живущего индивида означает перевоплощение в другом мире, или же, в случае материалистического «пантеизма», бессмертие в социуме, в виде своих потомков, своих дел, своего доброго имени и т.д.

Понятно, что финализм наносит жесточайший удар по многовариантному концепту сплошной, пронизанной аналогиями реальности, на которой зиждется общественная дисциплина и, в конечном счете, господство объекта над субъектом.

Смертный человек в политической теологии есть представитель Бога, который являет абсолютную антитезу и абсолютный финал для любой длительности, протяженности, конец и отмену любого объектного утверждения. Собственно говоря, это и есть монотеистический принцип: «все, что ни есть, все, что ни помыслено — это не Бог». Современные люди не способны к ясному различению между молатрией (поклонением одному) и монотеизмом (поклонением тому, что представляет собой категорическую оппозицию всему, финал всего). Например, культ «золотого тельца», религия денег, — это форма молатрии. Из широкого спектра идолов для поклонения избран один — деньги. В сфере чисто конфессиональной клерикалы ведут борьбу за то, чтобы интерпретировать монотеизм как молатрию: из возможных концептов и имен «божества» выбрано одно, на котором сходится цивилизационный консенсус. В действительности, *монотеизм есть исходящая из самых недр субъективного глубокая волевая перестройка сознания, в котором в качестве приоритетного центра — смысловой оси — выбрана оппозиция всякому возможному бытию*. Это альфа и омега рождения к тому парадоксальному смыслу, которое бытие в себе не содержит.

Организирующая мысль теологии, которая, напомним, является фундаментальным выражением *пост-идеализма*, есть следующая: конечность человека — это краеугольный камень всего мироздания, то, что в результате оборачивается конечностью всего бытия. Человек поставлен Богом в качестве Его представителя в центре вещей не как «аналог» Бога, подобный Ему в атрибутах «величия» и «безграничности»; нет, он является наместником трансцендентного Субъекта именно в роли конца всех вещей, в центре которых поставлен. Но эта же мысль есть главная историософская мысль политического ислама.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ

Исторический ислам, бесспорно, предстает последним воплощением монотеистического сознания.

Ислам ненавидят и сверху, и снизу. Его подвергают шельмованию со стороны власть имущих, описывая как цивилизацию агрессии и террора. Его же боятся и критикуют «левые», обвиняя в нарушении прав человека, патриархальном отношении к женщине, клерикальных претензиях на контроль за политической и экономической жизнью и т.п.

Легко доказать, что фактологически эти обвинения легковесны. «Агрессивность» ислама становится дурной шуткой на фоне того, что демонстрировал в течение многих столетий Запад: столетняя, тридцатилетняя, семилетняя и прочие войны, две мировых и т.д. Однако западные идеологи, обвиняя ислам в агрессии, имеют в виду не то, что он организовал больше кровопролития, чем европейцы (это было бы явной ерундой), а вполне реальную вещь: ислам есть стратегически безупречная организация внутреннего сопротивления господству объекта над человеческим фактором. Поскольку современная западная цивилизация солидаризуется с объектным полюсом бытия, успешное противостояние ему должно восприниматься как агрессия.

Критика ислама основана на двух расхожих недоразумениях, или, точнее, двояком непонимании того, чем является религия. Первый аспект этого непонимания связан с представлением западных людей о религии, которое восходит к Сократу и к стоикам. Согласно этому представлению, религия есть личная мораль, индивидуальный этический кодекс, которым одинокий человек руководствуется в простом и жестоком мире. Другое же недоразумение, характерное для «левых», сводится к представлению, что религия — это особая функция жреческой касты, которая должна быть выведена за рамки общественного договора. Тот, кто вводит религию в политику, якобы перестраивает общественный договор под организационное присутствие в этом договоре попов.

Ислам не имеет отношения к этим нелепым представлениям. *Проект, явившийся в мир с началом деятельности Пророка Мухаммада (который являлся продолжателем миссии всей цепи авраамических пророков), есть ни что иное как тотальное духовное и политико-экономическое на-*

ступление на всемирную абсолютную власть жрецов и выдвинутую ими в качестве высшей исполнительной инстанции сверхэлиту. В этом смысле следует буквально понимать слова Хомейни: «Наша религия — это и есть наша политика».

Ислам категорически антиклерикален и не является индивидуальным кодексом поведения. Это стратегия внутреннего человека, который должен каким-то образом обыграть тюремщиков и захватить тюрьму. Бежать из тюрьмы — бесполезно, нужно победить в ней с тем, чтобы ее уничтожить. Это можно сделать только силами всех заключенных. Именно в этом и состоит главная социально-политическая разница между исламом и другими религиозными традициями: другие предлагают бежать, а бежать, как известно, лучше в одиночку. Увы, поймают!

Конкретным результатом исторической деятельности ислама в мире сегодня является появление нового типа общности, который мы вынуждены назвать известным словом «диаспора». Раньше под ним понималась находящаяся за пределами своей исторической родины и рассеянная среди других народов этническая общность. Теперь же в это слово следует вкладывать новое значение. Это общность, которая, будучи рассеянной среди других народов, связана внутри себя не этническими, а идеологическими и провиденциально-историческими узами. «Диаспора» есть противоположность землячества и должна выступить в качестве нового организатора будущей мировой революции.

СУБЪЕКТ СОПРОТИВЛЕНИЯ СИСТЕМЕ

Такая цель предполагает, разумеется, отнюдь не пролетариат в качестве мессианского «класса-освободителя». Проблема пролетариата изначально состояла в том, что он по своей функции не был *политической корпорацией*. Пролетариат — это *экономически* угнетенная часть общества, которая мечтает, в первую очередь, об экономическом улучшении своей ситуации. Пролетариат может осуществлять свою пресловутую диктатуру, только делегируя свои полномочия «гегемона» ордену меченосцев — профессиональным революционерам. Кому нужен такой социальный мессия, который «управляет», продолжая вкалывать в шахтах и на фабриках, а от его имени командуют бойкие люди различного происхождения?

Субъект революционной оппозиции должен быть уже по своей природе, по своему социальному бытию органически *вброшен* именно в политику, а не, например, в поточное производство. *Таким субъектом сегодня является только диаспора — многочисленное собрание перемещенных лиц с нарушенными почвенными, этническими, клановыми и даже семейными связями, которые в силу объективных обстоятельств, с одной стороны, противопоставлены среде, а, с другой стороны, не изолированы от нее, принуждены с враждебной средой взаимодействовать и конкурировать.*

Современная диаспора есть рассеяние лиц, которые по образу жизни и менталитету противоположны этническим землячествам. Более того, эмиграция под влиянием *сугубо* экономических обстоятельств сама по себе не создает диаспор, она создает живущие на чужой территории меньшинства, спаянные теми же традициями почвенной солидарности, которые существовали на их исторических родинах. Диаспора начинается только после разрушения этих этнических гетто после того, как наиболее активной пассионарной части этих меньшинств становится ясно, что они находятся в тупике земляческой замкнутости и обречены на маргинальное вырождение во враждебной и бесконечно более мощной среде.

Однако, вырываясь за пределы кланового, этнического круга, эти пассионарии должны взаимодействовать друг с другом на новой основе, им нужны устои новой солидарности. В прошлом такими устоями могла быть рабочая солидарность, марксистская левая солидарность обездоленных. Однако в условиях глобальной люмпенизации масс — как в социальном спектре так называемого «среднего класса», так и на низах общества, такой левый проект классовой солидарности становится все более химеричным.

Поэтому в пространстве атомизированных и лишенных внятных сословных привязок людей, составляющих население мировых мегаполисов, единственным принципом, гарантирующим солидарность как основу борьбы за выживание, становится теологический принцип.

Под этим теологическим принципом подразумевается, прежде всего, причастность к великому проекту вселенской справедливости, центр которого находится не в социальных условиях, не на уровне человеческих данностей, а за пределами обыденного. Это — причастность к метапроекту, ставшему провиденциальной осью человеческой истории, ее смыслом. Осознавший себя таким образом человек диаспоры возвращается к своеобразному метафизическому «марксизму» через теологию, через чувство трансцендентной оппозиции несправедливому и абсурд-

ному бытию. Отсюда, из этой теологии он рождается заново для нового переживания братства, которое было неведомо в этнических мафиозных круговых поруках прежней земляческой солидарности.

Теологическая диаспора несет в себе этот освобождающий принцип «братства через смерть» — осознание того, что ты являешься братом тебе подобных людей, потому что вы стоите перед лицом смерти. Но если для не включенной в диаспору массы человечества этот общий конец — мрак коммунального рва, растворение во внешних сумерках, для братства диаспоры — смерть является внутренним, принятым в себя освобождающим началом.

В землячестве эти люди были «братьями» по матери-Земле, по почве. В этом смысле они были обычными людьми, просто оказавшимися в невыгодных обстоятельствах. Обычные люди — братья друг другу, потому что они родились из одной утробы. Люди диаспоры — братья друг другу, потому что они сделали своим отличительным знаком переосмысленную ими теологически смерть.

Вот эта идеальная парадигма является тем, что полностью раскрепощает внутренний потенциал людей диаспоры, мобилизует их бессознательное, делает их главной политической силой современности, противостоящей харизматической сверхэлите, которая опирается на свой метафизический проект.

Диаспора оказывается (в качестве единственно возможного в нынешних условиях мирового социального класса с освободительной миссией) базой для контрэлиты, которая, поднимаясь из ее недр, оформляется в революционный авангард — организованную политическую силу, четко проговаривающую тезисы своего видения мира, своей политической идеологии и своей историко-политической программы. Эта контрэлита есть оформленный во всемирную партию Интернационал нового типа, бросающий вызов футурократам.

Как контрэлита бросает этот вызов? Прежде всего, опираясь на особое теологическое самосознание мировой диаспоры, она взрывает всеобщность контроля, устанавливаемого над человечеством информационными средствами. Люди, порвавшие все почвенные коренные привязки и ставшие братьями через солидарность в смерти, более не управляемы политтехнологиями, которые известны современным медиамагнатам, и не могут манипулироваться через психотехники, построенные на знании бессознательного обычных людей. Там, где стоит человек диаспоры, информационная пелена прорвана и из всеобщего потопа проступает сухая земля.

Далее, в силу этой свободы от информационного дурмана, контрэлита более не путается в политических брэндах и старых, уже не эффективных политических традициях, она стоит по ту сторону «левого» и «правого», она не играет по схемам, вычерченным политтехнологами и юристами при административном аппарате Системы. Более того, контрэлита видит Систему во всей ее объективной сути, враг становится прозрачен и понятен, маски сорваны, никакими ухищрениями Система впредь не сможет сменить глобальные политические задачи подлинной оппозиции на частные и никуда не ведущие социальные и экономические цели, которыми характеризуется псевдооппозиция.

Понятно, что идеология контрэлиты, вышедшей из недр теологически самосознающей диаспоры, не может быть «материалистической» и «научной», т.е. не может контролироваться мифами, характерными для уже проигравшей и ушедшей в прошлое формы сознания.

Организаторами диаспоры являются люди, которые в силу своей врожденной экзистенциальной природы представляют собой пассионарных неконформистов, готовых к самопожертвованию во имя отстаивания внутреннего экзистенциального пространства от агрессии среды. Это тип «одиноких героев», который уже с началом Нового времени представлял собой касту профессиональных революционеров, бродильный элемент и организаторов масштабного социального беспорядка. Именно на этот тип людей делал ставку Огюст Бланки. Именно они составляли кадровую основу русского народнического эсеровского, а позднее — большевистского движения. Именно их имел в виду Ленин, говоря о партии профессиональных революционеров.

Наше новое понимание сути этой категории людей состоит в том, что мы не рассматриваем их как функциональный инструмент, осуществляющий освободительную работу в интересах какого-то другого «подлинного» субъекта революционного процесса. Мы не рассматриваем их как «менеджеров» революции.

Для нового Интернационала пассионарии, противостоящие Системе, есть законные наследники особого типа людей, которые в традиционном обществе составляли касту воинов. Эта каста была лишена собственного органического бытия и использовалась властью имущими в качестве

силовой стабилизации общества, охранительной силы на службе духовного авторитета. Когда сверхэлита решила встретить планетарный социальный кризис, наступивший с концом европейского Средневековья, и образовать новую, синтетическую корпорацию власти — коллективного фараона сегодняшнего дня, каста воинов была принесена в жертву как самостоятельная часть макропирамиды. Не секрет, что сегодня военно-силовое измерение тиранического порядка осуществляется бюрократами в мундирах и бездушными функционерами-наймитами, которые не имеют никакого отношения к мистерии жизни и смерти, присущей экзистенциальному пространству воинской традиции. Уже давно воинская добродетель вытеснена в сферу социальной оппозиции, и фактическими наследниками воинской касты стали подпольные группы сопротивления и полевые командиры, ведущие борьбу с Системой по всему миру.

Именно «одиноким героям» — наследникам воинской касты, профессиональные революционеры, неконформисты-пассионарии как на уровне ума, так на уровне тела — составляют сегодня не просто политический менеджмент революции, но ее осевой субъект, который может и должен быть поддержан массовым социальным сопровождением со стороны всех недовольных и обиженных системой. Это широкие низы обездоленных составляют массовку революционного действия, которое организуется и осуществляется новой социально-политической корпорацией оппозиционных пассионариев. Именно эта корпорация и должна составить основу вооруженного самоуправления снизу, которое придет на смену глобальному олигархическому сверхгосударству, обслуживающему «коллективного фараона современности».

Для того чтобы быть в состоянии осуществить эту задачу, пассионарии мира должны объединиться на платформе единого теолого-политического дискурса, который станет новым методом исследования и понимания окружающей реальности и путем к формированию всемирной сети Советов, являющихся одновременно партией нового типа — всемирной интернациональной партией вооруженной народной демократии прямого действия.

Задачи, которые открываются перед такой мировой оппозицией, могут быть решены лишь на платформе политической редакции монотеизма.

ЗАДАЧИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА НОВОГО ТИПА

Первоочередной задачей Интернационала нового типа является формирование интеллектуального ядра, которое способно осмыслить сам этот Интернационал как метафизический проект во всей его полноте.

Далее, на основе этого проекта должна быть развернута широкая идеологическая платформа, которая соберет максимально развернутый спектр оппозиционных Системе сил. В таком случае эта идеология получит успех, став доминирующей формой политического самосознания мировой диаспоры. Но и диаспора, в свою очередь, превратится в лидера, в авангард угнетенных и обездоленных, выражая интересы не только перемещенных лиц, но и автохтонов, угнетаемых на своей собственной почве.

Структурирование диаспоры как авангарда угнетенных и обездоленных должно протекать как создание по всему миру сети **советов**, представляющих собой зерна альтернативного источника власти. Эти советы вберут в себя наиболее пассионарный элемент диаспор, причем частью диаспоры неизбежно станут и антисистемные элементы из автохтонной среды. Проще говоря, человеку для того, чтобы войти в диаспору, не обязательно быть перемещенным лицом, инородцем. Появившись на свет и живя безвыездно в своем собственном городе, он может сознательно усвоить диаспорное сознание как способ вхождения в мировой политический авангард, противостоящий Системе.

Советы, развернутые по всему миру как сеть автономных центров самоуправления, вместе с тем координируются на базовом уровне единой идеологической платформой и общими задачами. Однако необходима и практика делегирования на более высокий уровень представителей советов, для того чтобы практическая ежедневная координация осуществлялась в масштабе стран, регионов и, в конечном счете, всего мира. Только тогда такая организация диаспоры сможет начать деятельность по конкретному блокированию (изолированию) международной бюрократии, контролю над слабейшими звеньями национальных местных бюрократий, что, в свою очередь, должно повести к изолированию властных кланов суперэлиты, которая проводит свои проекты по методологии «клубного влияния». Клубы и наблюдательные советы транснациональных корпораций — вот те центры, через которые происходит координация воздействия со стороны сверхэлиты на политический менеджмент большого социума.

Поэтому следующим этапом после блокирования бюрократических структур должно стать создание антагонистических условий для деятельности транснациональных корпораций в разных районах мира.

Решение этих задач открывает возможность достичь целей, которые в метафизическом проекте стоят перед мировой оппозицией.

ЦЕЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА НОВОГО ТИПА

Жесткая и прозрачная организация древнего общества в форме классической пирамиды, каковой была открытая иерократия (власть жречества), сменилась более изошренным и гибким построением социума, дающего правящему классу неизмеримо больше возможностей и неизмеримо более высокий уровень отчуждения как материальных, так и *тонких* ресурсов от угнетаемых масс. Переход к броуновскому движению огромного человеческого муравейника, заключенного между двумя полюсами сверхбогатства и сверхбедности, не означает, что речь идет теперь о какой-то другой, нежели пирамида, геометрической фигуре. Просто все посредствующие этажи пирамиды превратились в ее нижнюю базу, и произошел полный разрыв социальной солидарности между верхушкой и обслуживающим ее политическим аппаратом, привилегированной частью среднего класса, нуворишами, которые откупаются от сверхэлиты частью случайно наворованных богатств и т.д. *Сверхэлита успешно противопоставляет себя всем слоям общества, которые включены в луч несвободы.* От этого метапирамида господства становится только стабильнее.

Перед лицом субъекта тирании — одного и того же сквозь тысячелетия истории и меняющиеся цивилизационные формы — силы мирового протеста до сих пор носили аморфный противоречивый характер. Маркс остро чувствовал необходимость субъектной фиксации того социального противостояния, которое разлито в человечестве, захватывая практически все слои населения (ведь известно, что многие лидеры социального протеста происходят из обеспеченных и образованных слоев общества).

Однако определение этого субъекта сопротивления в качестве пролетариата было если не безусловной ошибкой, то, в любом случае, временной мерой, созданием суррогата. Не было ни одной успешной социальной революции, в которой пролетариат играл бы сколько-нибудь значительную роль. А там, где играл, революции кончились поражением!

Успешные революции осуществляются более или менее структурированными кадрами контрэлиты, которая осознает в данное время и в данном месте свое субъектное начало и призвание противостоять Системе. Задача сегодня заключается в том, чтобы мировая контрэлита осознала себя как глобального антисистемного субъекта оппозиции, генерирующего политическую волю к конфронтации с харизматическим кланом правителей («синтетическим фараоном») и способность делегитимизировать его в сознании и в сердцах подавляющего большинства простых людей.

Интернационал есть первый шаг к организационному оформлению мирового субъекта противостояния Системе, который ставит вопрос в первую очередь не о переделе материальных благ, как бы несправедливо они ни распределялись, но о взятии высшей политической власти в интересах контрэлитного типа сознания, которому должна принадлежать будущая история человечества.

Очевидно, что, формулируя цели нового Интернационала, надо исходить из возможностей типа минимум, медиум и максимум. Реализация минимального уровня предполагает, что Интернационал нового типа добивается уровня влияния, сравнимой с влиятельностью Коминтерна середины 20-х годов. Коминтерн в то время опирался на ресурс Советской России, которая еще не стала сталинской, т.е. не превратила Коминтерн в орудие своих имперских амбиций, а, напротив, еще продолжала работать на него как на штаб мировой революции. У Интернационала нового типа такой Советской России уже нет, и в обозримом будущем не предвидится. Именно диаспора, руководимая контрэлитой, оформленной во всемирную сеть *советов*, и должна компенсировать тот организационный и силовой ресурс, который воплощался в первом государстве победившего социализма. Преимуществом диаспорного варианта является отсутствие угрозы перерождения партийной госбюрократии из революционеров в национал-большевиков, а позднее — в просто великодержавных империалистов со всеми горбачевско-ельцинскими последствиями. Исторический опыт показывает, что делать мировую революцию, исходя из победы антисистемных сил в отдельно взятой стране, невозможно: интересы национальной бюрократии всегда берут верх над интернациональными целями, которые опасны в своей реализации для шкуры любого местного аппарата.

Если этот минимум достигнут, открывается перспектива на достижение медиум-цели: Интернационал нового типа становится *альтернативным мировым правительством*. Это означает, что любому политическому движению со стороны международной бюрократии, за которой стоит сверхэлита футурократов, новый Интернационал способен противопоставить аналогичное контрдвижение, которое фактически разрушает контроль со стороны Системы над общим ходом мировой истории. Само по себе это уже создает предпосылки для глобального кризиса, который необратимо переходит в экономический и социальный хаос, без шансов стабилизации силами международного менеджмента.

После этого открывается возможность начать управляемую мировую революцию, в ходе которой новый Интернационал берет власть в мировом масштабе, оказываясь впервые в истории человечества *штабом управления миром со стороны униженных и обездоленных*, без этнических и почвенных различий и не используя больше бюрократические государства как инструмент планетарной политики.

Опубликовано на сайте Гейдара Джемаля «Контрудар.ру» 25 ноября 2005 г.

ДЕКЛАРАЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЛИГИ

Мы сошлись вместе, чтобы дать бой Системе.

Преамбула

Мы сошлись вместе, чтобы дать бой Системе. Под Системой мы понимаем замкнутый цикл господства и угнетения, который совершенствовался тысячелетиями, укрепляясь от не достигавших своих целей революций. Мы считаем также, что именно сегодня Система стоит на пороге достижения совершенства. Сегодня против нее еще возможна борьба и есть надежда на победу. Однако если это время будет упущено, Система в лице управляющей ею сверхэлиты станет практически неуязвимой для человеческого действия снизу. В таком случае это станет поражением всего человечества, обесмысливанием бесчисленного множества жизней, прожитых во тьме рабства во имя того, чтобы однажды и навеки воссияла свобода.

Что такое Система, в которой мы находимся:

— Система существует как инструмент выкачивания живого ресурса из людей в интересах сверхэлиты, которая позиционировала себя как единственное полноценное человечество.

— Все остальное — кроме сверхэлиты — человечество является для Системы либо объектом эксплуатации и отчуждения, либо инструментом, задействованным в технологиях эксплуатации и отчуждения.

— Человечество, являющееся средством для целей сверхэлиты, сегодня делится на «цивилизованных» и отверженных. Первые пока еще представляют интерес как социально-экономический ресурс, вторые же превращаются в балласт, в планетарных бомжей, отбрасываемых прочь с исторического пути Системы за ненужность. Обреченность подавляющего большинства ныне живущих на статус безродных и нищих бродяг определяется тем, что их достояние, а так же достояние их еще не рожденных потомков, «проедено» мировыми спекулянтами. Экономика фьючерсных сделок исчерпала возможности кредита, во многие десятки раз превышающего реальные активы. У политтехнологов Системы нет больше свободных средств на социальное развитие основной массы человечества.

— Поэтому сегодняшняя политическая повестка дня для правящих кругов заключается в демонтаже правил игры, установленных после Великой французской революции и войны британских колоний в Америке за независимость, которая была существенно подкорректирована после октября 1917 года. Отныне у господ мира нет оснований прикрывать процедурами буржуазной демократии реальную социальную ситуацию.

— Таким образом, мы присутствуем при конце иллюзий о якобы общем деле, связывающем «верхи» и «низы». Даже видимость обратной связи от «земли» к «небу» на наших глазах исчезает, поскольку больше не нужна Системе.

— В итоге трансформируется само социальное содержание понятия «человек»: мы становимся свидетелями того, как исчезает уважение к «человеческому» во враге; отныне водораздел проходит между взаимоисключающими интерпретациями идеи «человека», каждая из которых будет биться до конца, чтобы остаться единственной. Мы, таким образом, независимо от нашего желания, оказались в мире, где последние либо станут первыми, либо исчезнут бесследно.

Кто мы такие:

— Мы — союз тех, кто лишен наследства и доли в историческом процессе, понятом как непрерывный передел общечеловеческого «пирога». На попытку Системы нас сломать мы обязаны ответить сломом Системы.

— Именно потому мы становимся авангардом тех революционных сил, которые ставят перед собой поистине грандиозную задачу, выходящую далеко за пределы отношения к собственности и распределению материальных благ.

— Осознав поражение предыдущих классовых революций, мы ставим перед собой задачу новой интерпретации человека, формулирования и утверждения новых отношений человека с собственным сознанием, с другими людьми, с прошлым и с будущим.

— Мы являемся носителями новой интерпретации свободы, которая создает предпосылки для ее, не имеющей в прошлом прецедента, реализации. Для нас свобода не является правом на выбор; это в первую очередь право человека на обладание самим собой, право на безусловное различие между внутренним миром и общественным пространством.

— Мы освобождаем внутреннюю самоидентификацию человека, понятию как изначально священный суверенитет, от подчинения любым общностям, целям, химерам и идолам ради единственной истинной общности, которой является братство смертных людей, реализующих свою внутреннюю свободу как внешний закон. Мы объявляем беспощадную войну религии золота и царству количества во всех проявлениях этих идолопоклоннических сил. На попытку Системы нас сломить мы обязаны ответить сломом самой Системы.

Кого мы считаем врагом:

— *Наш враг — это клерикалы любой окраски и любого ранга.* С нашей точки зрения, их профессиональные различия являются одной из важнейших жреческих политтехнологий, призванных обеспечить абсолютный контроль над человечеством. Наивные люди думают, что большинство обитателей, по крайней мере, экономически высокоразвитых стран со сложной структурой гражданского общества являются агностиками и поэтому решают свои вопросы вне влияния клерикальной корпорации. В действительности, ни один агностик (кроме особо исключительных случаев) не остается вне морального поля; для всех агностиков, атеистов и социал-гуманистов остаются в силе так называемые «общечеловеческие ценности», Добро и Зло; однако именно современные клерикалы по-прежнему сохраняют контроль над ценностной системой, составляющей их корпоративное достояние, владеют «ключами» от всеобщей морали.

Мы видим в современных клерикалах всемирную корпорацию авгуров нового типа, которые присвоили себе право интерпретации фундаментальных вопросов жизни и смерти, а также гарантируют легитимацию мировой Системы.

— *Нашим врагом является традиционная потомственная знать, составляющая аристократическую верхушку мирового социума.* Это знать, образующая закрытый и относительно узкий международный клуб, оказывается главным союзником клерикалов, их партнером по выработке стратегии управления историей. Именно в аристократических закрытых клубах происходит трансформация импульсов, исходящих из жреческой элиты, в проекты, определяющие лицо сегодняшнего общества. Именно через эти клубы господ, о которых массовый обыватель узнает из светской хроники в желтой прессе, попы всех мастей руководят институтами общества, в том числе и через дозированный допуск в эти привилегированные центры некоторых профессиональных избираемых политиков.

Знать по-прежнему правит миром поверх побрякушек представительной демократии; она делает это через посредство транснациональных корпораций, которые курирует в статусе попечителей или директоров. Она делает это через неправительственные организации, фонды, гражданские движения, среди которых многие в действительности являются прикрытием для беспощадных мафиозных структур.

— *Наш враг — это главный политический союзник традиционной знати — международный бюрократический истеблишмент,* благодаря которому криминальные деньги, «отмытые» через транснациональные корпорации расходуются на строительство и укрепление глобальной Империи. Международная бюрократия, возглавляющая проекты и фонды, региональные организации государств и всемирные конгрессы неправительственных гуманитарных организаций — это коррупционная чума, не несущая ответственности ни перед какими правительствами и финансовыми инспекциями, она отвечает только перед попечительскими комитетами, в которых заседают выходцы из многовековых аристократических домов, правящих и не правящих династий. Международная бюрократия есть высший эшелон образованных люмпенов, прикормленных сверхэлитой, дабы использовать их профессионализм в техническом решении вопросов контроля и управления без посредства национальных государств.

— *Наш враг — это финансовые спекулянты всех уровней, деятельность которых непосредственно обеспечивает нужды международной бюрократии.* Именно эти финансовые потоки концентрируются в громадных ресурсах всевозможных фондов и трастов, за счет которых решаются вопросы подкупа и разложения старых национальных систем, разрушается среда обитания традиционного оседлого человечества, изменяется система ценностей, мораль и менталитет, адаптируемые под формат нового рабства. Финансовые спекулянты, «торгующие воздухом», превращают достояние еще не родившихся поколений в те пока еще невидимые цепи, которые опутывают ныне живущих.

— *Наш враг — это сросшаяся с международной бюрократией всемирная мафия.* Она эксплуатирует человеческие пороки, обывательскую глупость и жадность. Она занимается фальсификацией продуктов, нанося ущерб жизни и здоровью десятков миллионов людей. Она незаконно вылавливает основную часть рыбы из мирового океана, незаконно вырубает леса там, где их

массивы еще сохраняют коммерческую притягательность; незаконно «лечит людей» и «крышует» по всему миру органы здравоохранения, частные клиники и фармацевтические компании; практически нет таких областей экономической деятельности, которые не были бы поражены метастазами мафиозного присутствия. Характерная черта деятельности мафии — использование ограничительных законов в целях взвинчивания спроса и создания черного нала, который представляет собой продукт реального отчуждения на уровне физического человечества. Международная мафия неотъемлема от всемирной законодательной системы, представляющей собой вопиющее извращение самого принципа закона. Мафия теснейшим образом связана со жречеством, через институты которого «отмывается» черный нал.

— *Наш враг* — это национальное чиновничество, которое эксплуатирует засевшие в сознании большинства живущих на земле людей штампы государственнического патриотизма и мифы национального суверенитета. Этот класс паразитов, который чувствует угрозу со стороны глобальной Империи, сегодня пытается «нажраться» впрок. Торопясь под предлогом защиты своих «подопечных» — эксплуатируемых ими народов — собрать как можно больше коррупционных средств, они превратили в свой главный товар собственную должностную подпись. У нас нет иллюзий по поводу возможности использования нацбюрократий в роли попутчиков на пути противостояния глобальной Империи.

— *Нашим врагом являются формальные и неформальные силовые структуры*, созданные для реализации государственного насилия и для подавления любых проявлений протеста. Национальные силовые структуры, используемые «патриотическим» госчиновничеством, обречены на гниение и распад, который приведет к пополнению их кадрами мафиозных структур и наемных полицейских сил глобализма.

— *Нашим врагом являются также «законотворцы» всех мастей и уровней*, от юристов, взимающих дань с населения через побуждение последнего к непрерывным судебным тяжбам, до высших юридических референтов и советников, формирующих стратегические направления в развитии мировой законодательной базы, иными словами, инструкций по лишению человека его подлинно человеческой сущности.

— *Наш враг, наконец, — это узурпаторы природной ренты*, которые, приватизировав естественные ресурсы, становятся союзниками, если не прислужниками, крупнейших финансовых спекулянтов, поддерживая, таким образом, богатствами недр всю пирамиду социального обмена и тирании.

Как мы противостояем Системе:

— Главным шагом в организации противостояния Системе должно стать возникновение новой универсальной идеологии, описывающей все стороны реальности исходя из единого принципа. Эта универсальная идеология должна быть воспринята как своя всеми угнетенными во всех уголках Земли, поскольку она обращается к универсальной природе человека и, соответственно, вечным проблемам его существования посреди природы и внутри общества. С нашей точки зрения, ошибкой была попытка интерпретировать человека как следствие объективных сил, формирующих его по-разному в зависимости от складывающихся обстоятельств. В универсальной идеологии нового протеста человек как автономный субъект оказывается побудительным мотивом истории, а сама его субъективность — источником ее содержания.

— Универсальная идеология протеста, которая может быть создана усилиями отдельных людей, должна способствовать возникновению нового сознания как общей интеллектуальной базы, опираясь на которую человек становится способным к финальной интерпретации всего существующего и самого существования. Именно это новое сознание является гарантом единственной признаваемой нами общности — братства смертных, которых объединяет не иллюзия жизненных забот, а ясное осознание неизбежности собственного конца и финальности всего существующего. Только с позиции этого финалистского сознания могут быть реально поняты такие принципиальные побудительные мотивы, как «смысл» или «воля к смыслу» и внутренняя свобода как герметическое ядро внутреннего пространства личности, над которой никакие преходящие и обусловленные реалии не имеют права господствовать.

— Наша цель — организация братских союзов всех, кто способен противостоять Системе, видя в этом главную задачу своего физического существования. Сила братских союзов в том, что они не стремятся занять место на вершине социальной пирамиды, но ставят своей целью разрушение этой пирамиды, изоляцию и историческое поражение сверхэлиты, дискредитацию и нейтрализа-

цию мирового жреческого сообщества, паралич всех механизмов контроля над человеком во имя принципа отчуждения, за счет которого существует общество тотальной несправедливости.

— На вопрос, возможно ли справедливое полномасштабное общество, построенное исключительно на человеческом факторе, мы отвечаем категорически отрицательно. Справедливость — и то относительная — может быть достигнута только на уровне братства, противостоящего обществу в целом. Общество всегда было, есть и будет ложной иерархией, основанной на идолопоклонстве и фетишизме, и оплачивающей свое извращенное существование кровью и потом социального низа. Именно поэтому универсальная идеология протеста принципиально не различает, в конечном счете, Систему как совершенную самоорганизацию зла и общество как самодовлеющий человеческий фактор.

Что мы создаем:

— «Государство», которое сегодня для всех является не переменным атрибутом человеческой цивилизации, с нашей точки зрения, представляет собой организационного паразита, если не принимать в расчет его сугубо репрессивной функции. Нет ничего в проективном пространстве, что было бы невозможно сделать без участия или посредничества государства. Более того, даже силовое обеспечение общественного порядка самоорганизованные граждане осуществляют намного лучше, чем неизбежно коррумпированные государственные «силовики».

Государство всегда боролось против права граждан на самоорганизацию и самозащиту. Будучи узурпатором силового ресурса, государство является фактически воплощением кастрирующего начала, которое было бы правильнее охарактеризовать не как «большого брата» или «сурового отца-надзирателя», а скорее как мачеху, для которой все, кроме хозяев жизни и обслуживающих их бюрократов, выступают в виде пасынков, за которыми отрицается малейшее проявление воли, достоинства и собственной инициативы. Такова сама природа государства, и поэтому мы считаем, что организованное и имеющее единые цели сообщество свободных людей будет существовать и функционировать намного эффективнее без этого паразита.

— Именно поэтому мы полагаем, что сам народ должен получить право и возможность противостоять криминалу и защищать собственные права от любой деструктивной инициативы, от любого хищнического вызова, кто бы его народу ни бросил. Мы поддерживаем право на вооруженную самоорганизацию населения, связанную с ответственностью и обязательствами каждого гражданина перед сообществом.

— Мы убеждены в праве граждан создавать любые коллективы, заявляющие о своей воле участвовать в общенародном самоуправлении. Любой такой коллектив имеет право вводить своего представителя в органы самоуправления на местах — таким образом, органы самоуправления на местах представляют собой группы представителей коллективов, различающихся по целям и по формам существования. Эти группы представителей в подлинно свободном сообществе формируются путем свободного самовыдвижения и остаются в качестве действующих источников политической воли, доказав на практике свою дееспособность.

— С нашей точки зрения, именно такие объединения людей, представляющих стоящие за ними гражданские коллективы, являются носителями легитимного авторитета и власти. Сетевые связи таких органов самоуправления могут лишь координироваться структурами, которые носят объединительный характер лишь на уровне генерации общих задач, но не на уровне подавления политической воли на местах.

— Сама сетевая связь групп, образованных методом самовыдвижения, обеспечивается принятием единой концепции свободного сообщества, которое носит фиксированный технически детализированный характер, четко разграничивая внутреннюю независимость и юридическую автономию коллективов и совместное служение всех общему делу. Присоединение к такой концепции по букве и по духу является единственным требованием к свободно образованному местному центру власти и одновременно гарантией его существования внутри сети подобных же центров.

— Мобилизация общественных материальных ресурсов и их расходование на общее дело является одним из главных обязательств вышеупомянутых центров. Их существование в политическом формате гарантирует, что ни один из них не станет инициатором паразитического отчуждения ресурсов в свою пользу без риска немедленного упразднения.

Опубликовано на сайте Гейдара Джемалы «Контрудар.ру» 21 ноября 2005 г.

ГИПЕРИМПЕРИЯ США ИЛИ МИРОВАЯ ДЕРЖАВА РОССИЯ?

ВЕЛИЧАЙШИЙ ПЕРЕЛОМ

Человечество в 21 веке становится рефлексивным, то есть выявляющим условия, предельные основания и цели своего существования. Заканчивается и переходит в новое качество старое «осевое время» о котором полвека назад в книге «Истоки истории и её цель» писал немецкий философ Карл Ясперс: «Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до Р.Х., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 годами до Р.Х. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы будем называть осевым»¹.

Сегодня же мы находимся в «поворотной» точке или, если использовать известное выражение Ильи Пригожина, в «точке бифуркации».

Выдающийся русский логик и социолог А.А.Зиновьев утверждает, что «после Второй мировой войны начался величайший перелом в социальной эволюции человечества...»². Известный американский социолог Иммануэль Валлерстайн в 1997 году также заявляет, что «современная миросистема, как система историческая, вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет...»³.

Что же является особенностью переживаемого величайшего перелома? Как его можно попытаться охарактеризовать?

Перелом состоит в том, что не работают известные способы общественной организации; возникает необходимость определения новых способов и нового миропорядка, что потребует целенаправленного преобразования и развития мира и, соответственно, появления человечества как субъекта и единой организованной силы решения мировых проблем.

Если в первом «осевом времени» через предшественников Иисуса Христа произошло явление в мир «Я-сознания», принципа личности и было положено начало «оси мировой истории» (по Г.Ф. Гегелю), самому деятельному и преобразующему отношению к миру⁴, то теперь требуется реализация принципа личности по отношению ко всему мировому целому как единственная возможность поддержания справедливого миропорядка.

Сегодня уже невозможно верить лишь в «объективные тенденции», поскольку они непосредственно создаются самим человечеством и на деле оказываются не внешними «естественными процессами», а реализуемыми проектами.

От человека теперь требуется действовать не только в мире, но и с самим миром. Мирозрение теперь начинает определяться по мировому действию. Универсальной чертой грядущего нового «осевого времени» становится мировое развитие, способность его программирования и организации.

Для этого требуются и уже возникают новые типы государственности.

НОВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 21 ВЕКА

Государственность есть форма существования народов во всемирной истории и, таким образом, инструмент реализации личного и общественного спасения и бессмертия. Именно поэтому она является самой интимной стороной человеческой жизни. И глубоко неправы те, кто противопоставляет ей личность, смешивая с государственностью госаппарат и, соответственно, перенося на государственность малоинтересные ситуации противостояния «человека и государства», «государства и гражданского общества». Именно в государственности личность человека получает наивысшую реализацию и выявляет себя в полной мере. По крайней мере, российская государственность начинается с личности и существует вокруг принципа личности.

В первой половине XIX века родоначальник русской философии И.В. Киреевский определил, что «в устройстве русской общественности личность есть первое основание»⁵

Критикуя либеральное непонимание и даже опошление государственности, когда её сводят к бездушной и призванной обслуживать бургеров машине, немецкий философ и правовед Карл Шмитт выдвинул следующую формулу: суверенитет есть способность устанавливать чрезвычайное положение. Здесь очевидно представление государственности как активной творческой силы, субъектной и самодействующей, чувствительной к опасности уничтожения, к угрозе смерти.

Такое представление показывает подчинённый и вторичный смысл другой известной формулы, которую, в частности, подробно описал Макс Вебер: суверенитет и государственность существуют в монополизации применения насилия.

Но и шмиттовское понятие государственности сегодня недостаточно. Государственность не просто сила, способная «вздрагивать» от угрозы, «просыпаться», мобилизоваться и защищаться при необходимости. Государственность сегодня — это способность относиться ко всей тотальности миробития, эпохальным вызовам и мировым проблемам, способность упорядочивать международные отношения и принимать на себя ответственность за мировое развитие. Государственность 21 века есть способность производить миропорядок.

Что это означает? Как можно представить такую государственность?

Во-первых, изменилось пространство или поле ответственности государственности: она принуждена быть общеземной или повсюдной. Повсюдность — это термин русского мыслителя В.И. Вернадского, который неоднократно писал о ней как ведущей характеристики жизни тотально и неограниченно распространяться и всюду проникать, образуя оболочку Земли — биосферу, укутывая ею Землю как планету.

Не только национальные государства (классическое nation-state), но даже и классические империи никогда не претендовали на реализацию своей власти в буквальном всемирном масштабе.

Британская или Российская империи, к примеру, потому и сталкивались на своих границах, что у них были ясные и натурально, физически, существующие границы. Британское Содружество (Commonwealth), охватывая страны на всех континентах, оставалось при этом неповсюдным и частичным, покрывало Земной шар пусть большими, но «пятнами».

Совсем другое дело, когда государственность начинает распространяться по всему Земному шару и стремиться к деятельному присутствию в буквально каждой его точке, когда сам Земной шар, или, как его определяют геологи, геоид, становится рутинным и банальным предметом государственной работы, становится ведущим условием решения стратегических задач.

В военной доктрине США появляются, к примеру, такие характеристики боеспособности вооруженных сил как возможность одновременно вести в любых точках Земного шара две локальные войны. Или возникают такие рабочие определения как «ось зла» президента Дж. Буша-младшего, когда подобная «ось» включает в себя не частное земное пространство своей империи, которое взбунтовалось, а последнее оставшееся недоосвоенным для США пространство Земного шара.

Для всех, кто внимательно анализирует так называемую «войну с международным терроризмом», очевидно: она является в первую очередь средством полагания всеохватного господства, когда «глобальные террористические сети» выступают не столько угрозой для США, сколько обозначением всеземного объекта действия и присутствия⁶.

О повсюдности действия новой американской государственности чётко заявлено в доктрине преэмптивной войны (preemptive war), которая была представлена Дж. Бушем 17 сентября 2002 г. в виде ежегодного официального документа «Национальной стратегии обеспечения безопасности США» (National Security Strategy of the United States): «США находятся в состоянии войны с террористами, которая ведётся повсюду на Земном шаре... Мы уничтожим террористические организации посредством ... определения и уничтожения любой угрозы до того, как она достигнет наших границ. При всём стремлении США всегда и везде заручаться поддержкой международного сообщества, мы, если необходимо, ни в коем случае не остановимся перед принятием односторонних решений и действий в целях реализации нашего права на самозащиту посредством преэмптивного действия против террористов, чтобы не дать им возможности свободно действовать против наших сограждан и нашей страны»⁷.

Общеземной масштаб становится определяющей характеристикой государственности. Для мыслящей государственной элиты девизом становится перевернутая популярная формула 80-х

годов прошлого века: «Мысли глобально и действуй глобально» (старая формула: «Мысли глобально, действуй локально» — Think globally, act locally).

Во-вторых, государственность 21 века получает свою легитимность и динамизм в предложении всем народам и странам мира наилучшего универсального порядка.

Неоднократно высказывал свою позицию по вопросу мироустройства президент США Дж. Буш-младший. Так, выступая 1 июня 2002 года перед выпускниками знаменитого Вест-Пойнта — главной Военной Академии США — он однозначно заявил, что на конец прошедшего века «выжила и оказалась дееспособной только одна-единственная модель прогресса человечества» («a single surviving model of human progress») и что Вест-Пойнт является стражем тех ценностей, формирующих солдат, которые, в свою очередь, формируют историю мира («the guardian of values that have shaped the soldiers who have shaped the history of the world», The New York Times, 02.06.2002).

Чрезвычайно показательным является это выражение «to shape the history of the world», которое вполне возможно перевести не просто как «очерчивание истории мира», но и как мирошейпинг — тот главный бизнес, которым и призвал заниматься элитных офицеров — завтрашний костяк армии США и НАТО — Дж. Буш.

И совсем неудивительным в рамках универсалистской логики новой государственности, которая стремится распространять и «экспортировать» свою версию наилучшего мироустройства, следующее, к примеру, высказывание советника президента США по национальной безопасности Кондолизы Райс от 14 марта 2004 года по телеканалу NBC: «Мы считаем, что лучшее, что может сделать Россия — это попытаться проводить в жизнь западные и демократические ценности».

Поворот к повсюдным или геоидным государственным, изначально охватывающим весь Земной шар, начал происходить с появлением ядерного оружия, способного напрямую и фактически поражать любую его точку, и с всемирных СМИ, медиасетей, которые не только пронизывали весь земной эфир, но и стали тиражировать и навязывать всему мировому населению образы «лучшей системы» (разумеется, разных для двух сверхдержав⁸). Своё окончательное выражение и закрепление данный поворот получил с началом освоения космоса, когда появились люди, посмотревшие на Землю из Космоса, извне, «оттуда», и когда через фото и телевидение эти картины геоида стали доступными для всех.

Наряду с пространственным охватом человечеством всего Земного шара большое значение имеет невиданный рост народонаселения и формирование человеческих масс, что имеет не только негативный смысл, выраженный в известной работе Хосе Ортега-и-Гассета «Восстание масс», но и позитивный, интересно описанный немецким теологом Р. Гвардини: в первые годы после Второй мировой войны он зафиксировал конец нового времени и появление «людей массы»⁹.

Если в последние два столетия типичными формами государственности были нации или империи, то сегодня на наших глазах рождаются принципиально новые формы (например, гиперимперии и мировые державы), а старые нации и империи становятся своего рода «строительными кубиками» или глобальной силы-мощи.

Новые государственности рожают совершенно новые переустроительные идеи. Прекрасно выражает это в своём почти поэтическом эссе Майкл Игнатъефф (Michael Ignatieff): «Какое ещё слово, кроме слова «империя» в состоянии описать ту внушающую трепет силу, в которую на наших глазах превращается Америка? Она сегодня — единственная нация, которая определяет ситуацию в мире через пять глобальных военных группировок; держит под ружьём более миллиона мужчин и женщин на четырёх континентах; размещает авианесущие боевые соединения в состоянии полной готовности в каждом океане; гарантирует безопасность и выживание самым разным странам от Израиля до Южной Кореи; приводит в движение маховик глобальной торговли и коммерции; наполняет сердца и умы повсюду на Земле своими мечтами и желаниями.

Быть новой имперской державой, однако, означает гораздо большее, чем представлять собой влиятельной и сильной или самой ненавидимой нацией. Быть сегодня империей — значит:

- навязывать необходимый в мире порядок и делать это в американских интересах;
- устанавливать правила, которые Америка пожелает (во всём: от рынков до оружия массового поражения), освобождая себя от каких бы то ни было правил (Киотский протокол по контролю за изменением климата и Международный уголовный суд), которые идут вразрез с её интересами;

— нести имперские функции в тех регионах, которые Америка унаследовала от потерпевших крушение империй 20-го столетия — Османской, Британской и Советской.

В 21 веке Америка правит одна, вступая в борьбу за наведение порядка во всех мятежных зонах типа Палестины или северо-западной границы Пакистана (назовём пока только эти точки) — везде, где обнаруживаются грехи империй прошлого...»¹⁰.

На сменуцивилизаторской миссии, например, покорения Западом Востока, приходит поэтика всеземного переосвоения и глобальной структуризации, геодного упорядочивания. Здесь уже недостаточной оказывается энергия покорения — эксплорации (exploration) и начинает часто использоваться по отношению к социально-политическим системам слово «переделка» — римейк¹¹.

Открытая в 20-х годах прошлого века усилиями Эдуарда Леруа, Тейяра де Шардена и Владимира Ивановича Вернадского ноосфера (сфера разума), сегодня превращается в объект проектирования и освоения, в поле деятельности, в почти материал для современной американской государственности — в ноополитику (noopolitik)¹². Под ноополитикой авторы понимают возникающие в конце XX столетия метод и искусство государственного управления, которое основано на первостепенности глобального обмена идеями и ценностями посредством «проникающей «мягкой», софтовой, силы-мощи, а не привычной военной «жёсткой» силы-мощи («persuasive «soft power» rather than traditional military «hard power»), что даёт возможность государству совместно с глобальными негосударственными организациями решать транснациональные проблемы подходящим для её носителя образом.

Наконец, в подтверждении мысли о рождении новых государственных следует указать на глобализацию как программу действий консолидирующегося вокруг США Запада повсюду в мире, а не простой рост абстрактной взаимосвязанности всего со всем¹³.

Для обозначения глобализации как особого вида государственности приходится вводить парадоксальные, на первый взгляд, термины типа «внутренняя глобализация» или, для России, «внутренняя геополитика»¹⁴. Так, Элуа Лоран, профессор экономики парижского Института политических исследований, обсуждая то, как европейцы вынуждены защищаться от «либеральной глобализации», которую им навязывают США, указывает на особый её характер: она фактически выступает формой американской государственности и поэтому является «внутренней глобализацией» («mondialisation interieure»). «Американская экономика является относительно закрытой, но каждый очередной шаг экономической интеграции во внешний для США мир неуклонно приводит к усилению американского политического порядка»¹⁵.

Соединённые Штаты Америки и в качестве примера государственности нового типа приходится описывать исключительно для большей наглядности. Все другие сильные государственности, включая Европейский Союз, Китай, Японию, пока что формируют основы своей глобальной государственности не в столь явной форме, а Российская Федерация в этом плане пока ещё и «не просыпалась».

Однако было бы ошибкой принимать происходящее за частное дело США или англо-саксонского мира и Запада. США становятся повсюдными не потому, что они США и что в их «природе» и традициях заложен некий ген глобальной всеохватывающей государственности. США становятся глобальными, поскольку любое историческое действие в 21 веке для любого народа требует именно такой — глобальной, геодной и повсюдной — формы государственности.

И в этом плане у России нет никакого выбора. Россия и её народы, прежде всего, русские, чтобы продолжать реализацию своего всемирно-исторического призвания, должны также построить свою новую повсюдную геодную государственность. Если народы России откажутся строить такую государственность или попросту не сумеют это сделать, тогда они будут уже через десятилетие вычеркнуты из истории.

ГРЯДУЩИЕ МИРОПОРЯДКИ

Итак, в 21 веке мировую ситуацию будут определять всемирные повсюдные государственности, производящие миропорядки. Однако выделение такой общей для всех государственных характеристик явно недостаточно для того, чтобы ответить на насущные вопросы разных народов и, тем более, для того, чтобы практически приступить к строительству собственного миропорядка.

Несчастьем мировой политики — как практики, так и теории — является дефицит рефлексии. Отсюда возникает сумеречное сознание, носители которого не в состоянии справиться с возникающими в мире ситуациями. Рефлексия позволяет выводить сознание из сумеречного состояния, поскольку требует обязательного освещения и прояснения как минимум пяти позиций:

- 1) выявление и определение всех действующих лиц, в нашем случае, всех одновременно существующих или нарождающихся повсюдных или всемирных государственныхностей;
- 2) обнаружение и описание базовых процессов, которые задают жесткие требования к действующим лицам, их управленческим решениям, определяющим разворачивание мировой ситуации и долгосрочный всеобщий смысл действий;
- 3) построение наиболее эффективного метода действия каждой государственности;
- 4) традиционные основания (историко-культурный геном) и вектор продвижения в будущее;
- 5) уникальная форма государственности, которая позволяет в новых условиях действовать своим народам во всемирной истории, быть субъектом мировой политики.

Все эти пять позиций в совокупности определяют принцип каждой государственности, который, в свою очередь, влияет на её прагматику, перспективность, основательность и мощь. В этом плане государственности, как и все практики, становятся рефлексивными¹⁶.

Искусственное и в определённом смысле техническое отношение к государственнымностям не только не отрицает, но и, наоборот, требует прямого обращения к вековым и тысячелетним традициям, поскольку государственности образуются и «вырастают» в исторические сроки.

Кратко укажем на некоторые динамичные государственности и возможные миропорядки, которые они задают.

Существенно значимые в данном отношении процессы происходят в Японии. Отсчет японского летоисчисления и дата основания японского государства, как известно, правительством Мэйдзи во второй половине XIX века была установлена с 1 января 660 года до н.э. Как считается, именно с этого года вступил на престол первый полумифический император Японии («Ниппон» или «Нихон» — «Начало Солнца»), прямой потомок богини Солнца Аматерасу (небесное сияние) и основатель нынешней династии Дзимму. Он, согласно хроникам, ставил для Японии задачу мирового господства и провозгласил соответствующий лозунг «Хакко итиу», что означает «восемь углов под одной крышей»¹⁷.

Понятие «хакко итиу» исходно означало всеобщий принцип гуманности, который следует распространять на весь мир. В период Токугава это изречение стало толковаться как идея верховенства Японии над миром. Осуществить принцип «хакко итиу» надлежало путем обеспечения «единства императорского пути» — «кодо». Император Муцухито (первый после свержения сёгуната в ходе буржуазной революции 1867–1868 гг. — Мэйдзи исин — император Японии; после смерти стал именоваться императором Мэйдзи) в своем рескрипте от 1871 года официально провозгласил эти два принципа ведущими для Японии.

Именно идея «Хакко итиу» составляла ядро «меморандума Танака» (1927 год), составленного генералом Танака Гиити, занимавшего тогда пост премьер-министра, для императора Хирохито. В преамбуле меморандума указывалось: «Для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи»¹⁸.

Признание японского верховенства в Азии вошло одним из важнейших пунктов в Тройственный пакт Германии, Италии и Японии, подписанный 27 сентября 1940 г.¹⁹. В ходе Второй мировой войны Япония практически начала захватывать и объединять «восемь углов под одной крышей» всей Восточной Азии в целях создания «Великой сферы сопроцветания Восточной Азии». Однако идея «Хакко итиу», вовсе не ограничивалась Восточной Азией, а касалась всего Земного шара, все «углы» которого и должны были быть объединены единым острым центром.

В документах Токийского процесса, который стал судом над главными японскими военными преступниками в Международном военном трибунале для Дальнего Востока, указывалось,

что «понятия «хакко итиу» и «кодо» в конце концов стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы».

Очевидно, что сегодня идею «восемь углов под одной крышей» следует воспринимать во всей её сложности и без однозначно милитаристского идеологического налёта в качестве основания Японии для её участия в соревновании современных государственных на тысячелетних традиционных основаниях.

Страна активно строит свою новую государственность. В частности, идут жаркие споры по поводу возвращения в качестве официальных символов и образа Японии гимна «Кимигайо» и флага «Хиномару», которые американские оккупационные власти после капитуляции Японии включили в число запрещённых символов милитаризма.

Немаловажной является и инициатива Японии по разработке концепта «единая азиатская нация» (the asian nation), который активно предлагается странам Восточной Азии и, в частности, был представлен в книге премьер-министра Малайзии до ноября 2003 года Мохаммада Махатхира и губернатора Токио Синтаро Исихары «Голос Азии»²⁰.

Сегодня также наблюдаются тенденции роста мирополитической субъектности Германии, что, в частности, проявилось в открытом выступлении канцлера Шрёдера против агрессии США в Ираке. Такое «восстановление» полноценной германской государственности стало итогом длительного подспудного процесса переосмысления и нередко прямого отрицания «программы по перевоспитанию немецкого народа», навязанной американцами после Второй мировой войны, а также результатом интенсивно разрабатываемой немецкой элитой собственной версии грядущего миропорядка через доктрину «европейской оборонной идентичности».

Наконец, укажем на Китай, который активно ищет формы собственного миропорядка.

Китаевед М.В. Исаева так описала традиционные тысячелетние основания позиции и мировой политики Китая: «Имперская доктрина, получившая окончательное оформление в эпоху Хань, опиралась на идею разделения мира на две абсолютно равные по своим качествам части: Китай, с одной стороны, и все остальные, окружающие его территории, населённые варварами, с другой. Осознание китайцами этого исторического «первенства» во многом и определило их видение мира»²¹.

И ещё: «Как очень верно отметил А.С. Мартынов, регулярные присылки посольств с подношениями к императорскому двору являлись, наряду с небесными и другими знаменами, показателем правильного функционирования универсальных космических процессов, в том числе результативности мироустроительной деятельности императора, выступавшего как главное гармонизирующее начало в мире и аккумулировавшего в себе животворящую силу «дэ»²².

Немного можно добавить к этой почти вечной для Китая характеристике принципа его государственности.

Итак, новые государственности, одинаково вынужденные строить свои планы и действия в масштабе Земного шара, являются абсолютно разными и имеют между собой несводимые различия. И такие различия необходимо видеть, поскольку они являются неслучайными и непосредственно определяющими принципиально разные и несводимые проекты миропорядков.

В многообразии предлагаемых миропорядков нет ничего общего с так называемой многополярностью. Она предполагает несколько «полюсов», которые отличаются друг от друга прежде всего культурно-исторически и имеют автономные ниши и собственные географические регионы²³. А наличие нескольких государственных, которые производят разные миропорядки, означает то, что все государственности мира в итоге будут включены в тот или иной побеждающий миропорядок: каждое государство или станет определять тотальность мирового целого, или станет частью такого целого.

При этом речь не идёт об обязательном господстве государственности, которая предложит победивший миропорядок. Речь идёт не о господстве-подчинении и, тем более, не о разрушении других государственных, а о предложении именно наилучшего миропорядка, т.е. изначально построенного на взаимоусилении, синергии и кооперации всех существующих государственных.

МИРОВАЯ ДЕРЖАВА КАК УНИКАЛЬНАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Российская форма государственности в 21 веке — мировая держава²⁴, поскольку Россия предлагает кооперацию всех новых государственных и принятие их миропорядков в качестве базиса своей российской версии миропорядка.

Мировая держава — это государственность, которая программирует и определяет мировое развитие через наращивание собственной полноценной жизни на традиционных основаниях. Это любая государственность, которая заметна на мировой арене или имеет существенное влияние в мировой политике. Мировая держава является уникальной формой государственности исключительно России.

К сожалению, отсутствие соответствующей теории приводит к грубым смещениям и незаконным отождествлениям в характеристики форм абсолютно разных государственных. Очень часто слова «нация», «империя», «держава» употребляются неадекватно даже в академических научных монографиях. Так, всем представляется значимым, что нации являются обычно небольшими и неагрессивными, «тихими», а империи и державы на этом фоне должны одним названием вызывать чувство уважения или даже страха. Хорошим примером некорректного отношения к фундаментальным понятиям может служить употребление выражения «мировая держава».

В русских переводах знаменитой ныне книги Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» ключевое утверждение мэтра геополитики и геостратегии переведено следующим образом: «В результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной действительно мировой державой». Соответственно и название самой важной главы книги также переведено как «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ДЕРЖАВА»²⁵.

Однако, в оригинале речь определенно идёт совсем не о мировой державе, а о, буквально, the Global Power — т.е. о глобальной власти или глобальной силе-мощи: «The collapse of its rival left the United States in a unique position. It became simultaneously the first and the only truly global power». Соответственно, и глава называется в оригинале по-другому: «THE FIRST GLOBAL POWER»²⁶. Выражение «the global power» нельзя переводить как мировая держава, поскольку «the global» следует переводить как глобальный, т.е. относящийся к Земле как шару, как к физическому телу, а «power» следует переводить как власть или как силу-мощь, с акцентом на силовые и мощностные характеристики власти. Например, в самых первых строках той же книжки Бжезинского ясно показано значение слова «power»: «С самого начала активного политического взаимодействия континентов, которое случилось около пяти столетий назад, Евразия стала центром мировой власти» («Ever since the continents started interacting politically, some five hundred years ago, Eurasia has been the center of world power»²⁷). Весь смысл употребления слова «power» связан исключительно с властью и с силовыми действиями, а выражение «the global power» фактически означает ту силу, которая имеет власть над миром.

Соответствующим образом строится и вся работа Бжезинского, которого можно считать одним из самых талантливых и образцово-показательных выразителей духа англо-саксонской геополитики. Сплошь и рядом ключевые слова и термины этой геополитики власти: «глобальное первенство» (global primacy), «глобальная гегемония» (global hegemony), «господство над миром», «экспансия», «захват», «приз — Евразия» и т.п. и т.д.

Хорошей иллюстрацией полного произвола в употреблении словосочетания «мировая держава» является также перевод программной статьи государственной секретарь США Колин Пауэлл на русский язык журналом «Россия в глобальной политике», когда в русском варианте статьи раздел называется «СБЛИЖЕНИЕ С МИРОВЫМИ ДЕРЖАВАМИ», тогда как в оригинале госсекретарь называет данный раздел «EMBRACING MAJOR POWERS» и использует внутри данного раздела прозрачное по значению словосочетание «MAJOR POWERS» — крупные и сильные государства²⁸.

Итак, global power — это глобальная сила-мощь, глобальная власть, глобальная империя или сверхимперия, гегемонистская «либеральная империя»²⁹ в целях глобальной гегемонии (global hegemony), тот глобальный центр власти, который, собственно, и является субъектом глобализации.

Очень близкое значение к английскому global power имеет немецкое слово Weltmacht («мировая сила-мощь»), которое ввёл в научный обиход в конце XIX века Фридрих Ратцель и которое также неправильно переводится на русский язык как «мировая держава».

Здесь «Macht» — сила-мощь-власть, за которым тот же Ратцель уже отчётливо обозначал экспансию (он выделил «семь законов экспансии») и освоение жизненного пространства (Lebensraum) вплоть до планетарного масштаба. Можно сравнить название знаменитой книги Ф. Ницше Der Wille zur Macht, которое традиционно и правильно переводится на русский язык как «Воля к власти».

Идея мировой державы имеет то общее с немецкой идеей мировой силы-мощи *Weltmacht*, что они обозначают планетарное сообщество как мир (*Welt*). У американцев и англичан традиционно используется слово «global» — глобальный, имеющий отношение к Земному шару, к Земле как шару.

Однако идея мировой державы отличается от немецкой идеи тем же, чем и от американской. Держава противостоит идее силы-мощи, то есть, по-английски «power» и по-немецки «Macht». И это главное, потому что держава имеет принципиально иное, сверхвластное и сверхсиловое значение — держать мир.

Глобальная сила-мощь (*global power*) — это даже не империя, это сверхимперия или гиперимперия. Известный английский историк, специалист по классической Британской империи, автор книги «Империя. Подъём и упадок британского мирового порядка и уроки для глобальной силы-мощи» (*Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*) Найл Фергюсон (*Niall Ferguson*) считает неправильным отождествлять Британскую империю XIX-го века и американскую гегемонию нашего времени, поэтому и разводит их в одной из рецензий, вынося это различие в заглавие: «Hegemony or Empire?»³⁰.

В другой своей работе Н. Фергюсон напрямую отождествляет современные США с силой-мощью (*power*) самой по себе: «Что есть сила-мощь?» — задаётся вопросом Толстой в конце романа «Война и мир». Сегодня большинство людей не затруднятся с ответом: Сила-мощь — это Америка. Соединённые Штаты являются ныне очевидным глобальным гегемоном (*the global hegemon*). Говоря языком военных, никогда ещё в истории не было подобной супермощи [*superpower* обычно неправильно переводят как «сверхдержава»]. Впрочем, забудьте слово «супермощь», поскольку США ныне являются теперь тем, что бывший министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин недавно назвал гипермощью (*a hyperpuissance*). Далее он показывает, что эта сила-мощь строится, в первую очередь, на военной силе, на «революции в военном деле» («*revolution in military affairs*»), известная программа Пентагона 90-х годов) и на, разумеется, экономической мощи, что и позволяет США тратить почти половину всех мировых расходов на армию и вооружения³¹.

И опять здесь везде *power* как мощь, сила, власть.

Мировая держава — прямая противоположность глобальной силы-мощи и любой империи³². Прежде всего, в основе державности — в отличие от имперскости — лежит идея не власти, господства или насилия, а основательности и прочности.

Многие неверно смысл слова «держава» воспринимают автоматически как то, что давит «сверху», воздействуют всей своей силой на нечто маленькое и слабое, что осуществляет насилие, навязывает известное «держать и не пущать». Но значение слова «держава» прежде всего связано с основательностью, стойкостью, выдерживанием, с сохранением — вопреки всему — состояния покоя и величественной недвижности, крепкого порядка.

По своему происхождению слово «держава» тесно связано со словом «дёргать» (этимологически также «раздражать», «дразнить», «сердить», «кромсать», «рвать зубами», «тащить к себе рывками» и др.) и выражает обратный этому «дёргать» смысл: сохранять от дёргания и раздражения, от любого раздвая. Это очевидно из следующих примеров русской речи 19-го века: «в этих колёсах никакой державы не будет», «для державы железные полосы в стены заложены», «спасибо за хорошую державу в доме»³³.

Таким образом, держава — это то, что держит и удерживает, что не позволяет растаскивать мир и ввергать его в беспорядок, в хаос.

Не менее важна традиция употребления в России слова «держава». Её рассматривают в качестве необходимого земного связующего звена между человечеством и Богом, как реализацию идеи Христа Вседержителя (Пантократора), в Лице которого человечество таинственно соединяется с Богом и через это получает власть над сотворённым миром³⁴.

Таким образом, держава обозначает мировой центр, который способен находиться в состоянии абсолютного покоя и обеспечивать полноту времён. Не случайно также, что держава, как обязательный символ царской власти, изображая Земной шар, обозначает сам мир, который и надо целенаправленно держать — в царской руке и в порядке — через непрестанную духовную работу восстановления и раскрытия замысла Бога.

Так именно держится мир и, по осознанию Ивана Грозного, «Земля правится»: «Земля правится Божиим милосердием и Пречистая Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами, и еже ипаты и стратеги...»³⁵.

Обеспечивать в мире державу, наивысший возможный порядок — это, вне всяких сомнений, не сладкая мечта обуянных имперской похотью власти, не смысл претензии самозванцев, а тяжелейший державный труд. На этом труде, прежде всего, строится самодержавие, т.е. самостоятельная и самодостаточная, данная от Бога, реализация идеи державы.

Держава как прямая связь человечества с Богом не может основываться и строиться на общественном договоре или только согласии гражданских или иных корпораций, сословий, классов и иных общественных групп. Отсюда и русская идея государства как дела поставленного Свыше Государа (что и выражает старое слово «господарство»), а не электората или иного абстрактного и безответственного существа.

Быть мировой державой — значит, предлагать и определять наиболее приемлемый для мира, т.е. для личности каждого человека, народа и страны, порядок.

Империя предлагает и навязывает порядок, который удобен только её метрополии, безотносительно к культуре и традиции других народов.

Мировая держава — это государственность, способная обеспечивать мировое развитие и решение главных мировых проблем через наращивание собственной полноценной жизни на традиционных основаниях и не за счёт других народов и стран.

Империя организует процветание метрополии за счет провинций.

Мировая держава заинтересована в развитии всех народов и стран как условия собственного развития.

Империя организует и поддерживает исключительно зависимость от себя и только так называемое «зависимое развитие».

За империей стоит «похоть власти».

Мировая держава организуется необходимостью управлять сотворённым миром в соответствии с замыслом Творца.

Глобальная империя стремится всецело контролировать мир и сделать его бессубъектным, неопасным для центральной власти, строится на уничтожении в зародыше любой исторической личности любого народа или страны.

Мировая держава, наоборот, реализует принцип личности каждого человека и народа, каждой страны и цивилизации.

Стать мировой державой и значит определить такой миропорядок, в котором самостоятельное развитие и продвижение каждой исторической личности является основой и условием осмысленного существования человечества.

МИРОИЗАЦИЯ – АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Постановка и решение мировых проблем позволяет не только сделать глобализацию управляемой и даже сдерживаемой и обуздываемой (как это формулировал, например, бывший премьер-министр и кандидат в президенты Франции Лионель Жоспен — «mondialisation maitrisee»), но и, главное, перейти к организации мирового развития — принципиального структурного усложнения глобальных инфраструктур и систем деятельности, организации новых конфигураций и геометрий мира, проектирования и осуществления цивилизационных сдвигов.

В конечном счёте, мировое развитие есть добровольное преобразование способа исторического существования человечества с опорой на тысячелетние традиции. Для этого требуется создание системы новых наук и практик, представленных в масштабных инфраструктурных проектах и обеспечивающих цивилизационное продвижение.

Переход к целенаправленному мировому развитию является основой альтернативных глобализации процессов. Условно их можно назвать мироизацией — т.е. совокупной работой на сохранение и продвижение мира как всеобщей ценности и заботы.

Русская мысль и русское действие в течение тысячелетия за счёт постоянного братского общения с разными народами и цивилизациями внутри и по периметру России нарабатывали особое мировоззрение и мировидение, которое условно можно назвать мироизмом, т.е. лелеянием, обживанием и развитием мира — в дореволюционной орфографии «міръ» (mir).

В основе мироизма лежит то, что Ф.М. Достоевский определил как всемирную отзывчивость и всемирность: «...Нашъ уделъ и есть всемірность, и не мечомъ приобретенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ воссоединенію людей».

Всемирность и должна стать главным и прямым смыслом и делом российской государственности в XXI веке.

Всемирность реализуется через организацию процессов мироизации — альтернативных глобализации — и через действия России как мировой державы, т.е. государственности, которая ставит и решает мировые проблемы на собственной территории, выдвигая цели развития страны.

Мы считаем, что такими целями на ближайшие десятилетия могут и должны быть следующие:

1. Демографическое развитие. Снижение смертности населения, рост средней продолжительности жизни до 72 лет к 2015 г. и переход с 2012 г. к демографическому росту с достижением в 2050 году численности населения Российской Федерации не менее 200 миллионов жителей. Средство: реализация Демографической доктрины России, опережающее развитие образования и здравоохранения, обеспечение перспективности детства.

2. Градостроительное развитие. Обеспечение каждой российской молодой семье с 2015 года безусловной возможности приобрести собственный дом-усадебу. Средство — переход к альтернативной урбанизации на основе малоэтажного усадебного домостроения.

3. Геостратегическое развитие. Организация двух новых центров мирового развития: на Урале и российском Дальнем Востоке. Средство: создание двух опорных мегарегионов развития страны путём организации энергетических и промышленных кластеров и инфраструктурных плацдармов развития (на Урале и в Приамурье) и переноса столицы России на побережье Тихого океана.

4. Промышленное развитие. Организация пяти промышленных сфер приоритетного развития страны: градостроительной (см. цель 2), электроники (задача — к 2010 г. довести долю отечественной электроники мирового уровня до 70 %), биотехнологий, ядерной (см. цель 5) и инструментальной (станкостроение и производство технологических линий и универсальных заводов). Сохранение и воспроизводство на новых основаниях базовых промышленных отраслей, среди которых в обязательном порядке — авиапром и автопром. Средство: реализация Промышленной доктрины России.

5. Энергетическое развитие. Достижение глобального энергетического лидерства и первенства России. Средство: опережающее развитие ядерной энергетики на основе замкнутого ядерного топливного цикла и организация сотовой инфраструктуры малых атомных станций. Подробно этот проект описан в Ядерной доктрине России.

6. Общественное развитие. Определение общественного строя России 21 века вокруг принципа личности как того, что задаёт уникальность каждого человека и основу его творческого потенциала, позволяет каждому человеку на самобытных основаниях участвовать в мировом развитии. Средство: организация российской государственности как мировой державы — государственности, которая образцово-показательно решает мировые проблемы на собственной территории.

7. Мировое развитие. Создание теории и практики мирового развития как русского вклада в решение общечеловеческой проблемы развития. Средство: организация в ситуации кризиса ООН по инициативе России новой международной организации — Лиги мирового развития, объединяющей большинство мировых народов на организацию мирового развития, и построение Северной цивилизации как особого географически-ментального феномена.

КОНЦЫ И НАЧАЛА

Государственности необходимы для участия народов во всемирной истории. Поэтому, если у истории есть конец (или он даже уже наступил), то, получается, государственности становятся ненужными, лишними.

Но есть ли у истории конец? И возможно ли вообще всерьез рассуждать о конце истории? Уверен, что нет. И сегодня необходимо критиковать две соответствующие концепции на эту тему.

Одна концепция состоит в том, что конец истории уже произошёл и мы пребываем в постисторическом состоянии. В наиболее ярком виде эту концепцию в 1992 году выдвинул профессор международной политической экономики в университете Джона Хопкинса Френсис Фукуяма в эссе «Конец истории», где он заявил: «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления».

Другая концепция состоит в том, что конец истории наступит ещё не скоро, но в любом случае он определён, поэтому делать ничего не имеет смысла. Так, заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин в своём выступлении 15 марта 2004 года на международной научно-практической конференции «Социальное учение православия в современном мире» однозначно объявил, что мир не может становиться лучше: «Православным христианам не свойственны социальный оптимизм, вера в прогресс самостоятельно развивающегося человеческого общества, стремление создать «Царство Божие на земле». Православная традиция внимательно прислушивается к пророчествам Апокалипсиса, который предвещает постепенное отпадение человечества от Бога и умножение зла, победить которое окончательно сможет лишь второе пришествие Христово. Многие факты современной истории — секуляризация общественной жизни, господство обезбоженных идеологий, рост изощренного насилия, появление новых болезней — лишь укрепляют православных в их сознании. Если принимать Откровение святого Иоанна всерьёз, мир не может становиться лучше. Поэтому глубоко не случайно скептическое отношение православных христиан даже к тем общественным переменам, которые улучшают быт людей, но не приближают их к Богу»³⁶. Заметим, кстати, что название выступления протоиерея, прямо отрицающего смысл любого общественного идеала, звучало так: «Православие и общественный идеал сегодня».

Убеждён в наличии у истории известного конца и диакон Андрей Кураев, лицо столь же известное и статусное в Московской Патриархии, как и протоиерей В. Чаплин. Более того, диакон утверждает, что «христианство — едва ли не единственное мировоззрение на земле, которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения. Христианство возвестило одну из самых мрачных эсхатологий: оно предупредило, что в конце концов силам зла будет «дано... вести войну со святыми и победить их» (Откр. 13,7). Евангелие обещает, что врата ада не смогут одолеть Церковь, что Церковь непобедима (см.: Мф. 16, 18). Но «непобедимое» не означает обязательно «победоносное».

В перспективе земной истории — не всемирно-историческое торжество христиан, но всемирное же владычество антихриста...

Библия кончается Апокалипсисом, а Апокалипсис на грани человеческой истории прозревает не Царство Христа (здесь, на земле: в жизни, в политике, в культуре, в отношениях между людьми), а царство антихриста. Христос, говоря о признаках Своего Второго пришествия, о признаках конца истории и конца света, находит для апостолов только одно утешение: да, будет тяжело, но утешитесь тем, что это — конец. Это — не надолго...

Сейчас христиане взяли в привычку молиться об отсрочке конца. Но Апокалипсис и вся Библия завершаются призывом: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22, 20). И в приходе Бога главное — что Он пришел, а не то, что все-таки разрушилось с Его приходом... «Молимся мы, да придет Господь и да разрушит мир» — свидетельствует о том же Ориген...»³⁷.

С моей точки, дело вовсе не в том, что, как считает диакон А. Кураев, «тема антихриста в демократической журналистике считается непристойной. Даже те публицисты, что числят себя христианами, находят неудобным вспоминать о завершающей книге Библии — Апокалипсисе», а дело в том, что, как тут же заявляет А. Кураев, ему «уже терять нечего».

За подобными концепциями либерала Ф. Фукуямы и консервативных деятелей Московской Патриархии стоят не только старые марксистские схемы, когда история рассматривается в качестве естественного процесса со своими строгими законами, со своими ступенями или формациями приближения к желанному финалу, но и какой-то новый антидеятельностный фатализм. Только Фукуяма исходит из того, что финал уже наступил, а протоиерей В. Чаплин и диакон А. Кураев обреченно ожидают наступление известного финала.

Прямое следствие из подобных представлений состоит в том, что, история является насковозь известной и предсказуемой, абсолютно закрытой, что, собственно, делать ничего больше не надо, а новые государственности в позитивно-творческой роли не нужны.

Подобные воззрения, с моей точки зрения, являются не только ошибочными, но и вредными. И Россия, и мир находятся сегодня как раз в абсолютно открытой ситуации, когда будущее надо ещё «делать», когда вызревшие проблемы являются мировыми, т.е. пронизывающими все страны и народы, буквально каждого человека на Земле и требующими сосредоточения всего человечества для целокупного действия по недопущению вселенского коллапса и для решения ключевых проблем.

МИРОРАЗВИТИЕ

Важнее разрабатывать проблему не конца, а начала истории, поскольку для того, чтобы справиться с величайшим переломом, человечеству необходимо заново сформулировать основания своего существования и принципы взаимного действия. В основу истории следует, с одной точки зрения, положить принцип мирового развития или мироразвития³⁸.

Мироразвитие есть преобразование способа исторического существования человечества через решение мировых проблем с опорой на тысячелетние традиции³⁹.

В начале 21 века мир оказался в опасной ситуации, когда концом истории может оказаться не комфортное состояние победы демократии в глобальном масштабе, как это обещал в начале 90-х годов прошлого века Ф. Фукуяма, а буквальное вырождение и смерть человечества.

Очевидны симптомы «конца света» в зловеще-натуральном смысле.

Во-первых, это тотальное распространение социал-дарвинизма и неомальтузианства, в соответствии с которыми мир определяется тем, что человечество тождественно животному миру, что «выживают сильнейшие и наиболее приспособленные», что в основе любого общества лежит насилие («правда — в силе»). Идеология конкуренции и опережающего захвата того, что нужно в данный момент, распространяется как эпидемия. На самых высоких официальных форумах как о само собой разумеющемся говорится о конкурентоспособности государств, в качестве официальной доктрины США принимается принцип опережающего захвата — преэмпции и преэмптивной войны (preemptive war, которая изложена в так называемой «Доктрине Буша» — Bush's doctrine of preemption⁴⁰) и этот принцип перенимается несамостоятельными странами (типа нынешней Российской Федерации). При этом фундаментальной идеологической основой данного «скотского» (поскольку основано на отождествлении человека и животного) мировоззрения объявляется гуманизм и права человека⁴¹.

Во-вторых, налицо провал технократического мировоззрения, связанного с идеей научно-технического прогресса и научно-технической революции. Оказалось, что техносфера сама по себе не организует и не воспитывает общество в направлении возвышения; более того, она легко превращается во вторую «природу», которая быстро разрушается и мстит своим создателям в виде техногенных катастроф.

В-третьих, деградируют системы воспроизводства и развития труда, вредным становится курс на высококвалифицированный труд, повсеместно доминирует финансово-спекулятивный капитал, опирающийся не на труд, а на информационные технологии и сделки, и образующий гигантские «финансовые пузыри» в виде вторичных и третичных ценных бумаг (дериватов)⁴². Мир стоит на пороге невиданного в истории последних веков финансового кризиса.

В-четвертых, национальные государства оказались не в состоянии построить мировой порядок развития и воспроизводства наиболее выдающихся достижений человечества. Вместо этого было допущено скатывание мира в полуконтролируемый хаос, зафиксированный в идеях «интернационального плюрализма» и «многополярного мира». Это выражается не только и не столько в кризисе ООН и иных международных институтов «развития» или «безопасности», сколько в ставке наиболее могущественных интернациональных сил на мировую гражданскую войну — тотальную войну «всех против всех», ориентированную на бесконечное взаимное уничтожение различными группами мирового населения друг друга⁴³. Здесь уже не удивляют агрессия против Ирака или Югославии, когда её повод многократно усиливается во времени (как это очевидно в Югославии), когда во многом выдуманые «этнические чистки» со стороны сербов заканчиваются фактическими массовыми убийствами сербов косовскими албанцами.

В-пятых, утеряна сверхценность личности и задача личного бессмертия, всеобщей становится мировоззрение индивидуализма и эгоизма, когда люди прямо рассматриваются в качестве Homo economicus (человеков экономических), жизнь которых должна заключаться в том, чтобы «суетиться на ниве зарабатывания средств».

Важно отметить, что оказались тупиковыми и ложными любые попытки противопоставить отмеченным выше разрушительные процессы на основе реакции и симметричной альтернативы.

Однако за всеми указанными тупиками и тревожными обстоятельствами, за перечисленными вариантами «конца света» стоят не злокозненные люди, организации или государственности, а фундаментальные мировые проблемы, т.е. открытые и не имеющие в культуре на данный момент отработанных решений. Каждая из таких проблем требует для своего решения

культурно-технологических революций и тотального преобразования всех существующих наук и практик. Это невозможно сделать на принципе узких интересов и конкуренции, это требует иного мироустройства.

Собственно для этого и нужна мировая держава, т.е. государственность, которая сорганизовывает народы и страны на решение мировых проблем и организацию мирового развития.

...Создаётся ощущение, что во Вселенной на время произошла остановка и некоторое смятение, что она «задумалась» о том, какой дальше миру и человечеству делать шаг. Для нас это и означает, что ключевой проблемой современности является проблема мирового развития.

Будет ли организовано мировое развитие, возникнет ли субъект управления мировым развитием — или человечеству не удастся породить, выделить из себя субъект мирового развития и справиться с ситуацией? — вот в чём сегодня главный вопрос.

Мировое развитие не обеспечено ни доктринально, ни институционально. Сегодня в мире отсутствуют организованные сообщества, которые были бы в состоянии и реально бы хотели принять на себя ответственность за управление мировым развитием.

Что нужно для организации мирового развития? Кто в состоянии управлять мировым развитием?

Мировое развитие требует систематической рефлексии способов и условий существования человечества. И для того, чтобы организовывать так развитие и управлять им, как раз нужна особая государственность — мировая держава.

ЗАЧЕМ РОССИЯ НУЖНА МИРУ?

В чём принципиальная разница между гиперимперией и мировой державой? Гиперимперия создаётся за счёт уничтожения своеобразия народов и стран и в конечном счете принимает форму мирового правительства. Прекрасным примером здесь служат рассуждения Роберта Райта на тему «Новый мировой порядок»⁴⁴, которыми он пытается обосновать необходимость создания единого мирового правительства под началом США.

Такое глобальное, всеземное правительство, разумеется, предлагается в самых благородных целях, однако его истинный характер состоит в том, что страны и народы в этом случае не усиливаются, а становятся аморфным материалом, своего рода «глиной» для унифицированного мирового правительства. Стало быть, государственности (в том числе, кстати, и американская) не развиваются и преобразуются, а уничтожаются.

В настоящее время этот курс на мировое правительство реализуется на основе США, которых делают гиперимперией⁴⁵.

России здесь уготованы вполне понятные роль и место. Предельно ясно это обозначено в статье профессора государственного права и политики Университета Джорджа Мейсона (штат Вирджиния) Марка Каца «Может ли Россия стать великой державой? Россия более не возродится из пепла, как птица-феникс»: «Снижение желания или способности США действовать как суперсила-мощь (superpower) приведут только к одному — к тому, что Россия станет ещё слабее. Выбор сегодня у России только один: стать младшим партнёром США или слабой, изолированной страной, которая не в состоянии справиться ни с одной из угроз»⁴⁶.

Но России не стоит следовать вышеприведенным логике, советам и указаниям. Уже сегодня очевидно, что у гиперимперии и мирового правительства нет никаких перспектив. И наоборот, открывается уникальное и величественное поле для действия России как мировой державы.

Именно мировая держава больше всего нужна сегодня мировым народам, поскольку только в этом случае у них появляется шанс на сохранение и творческое развитие собственной самобытности и независимости.

В строительстве мировой державы и лежит точный ответ на вопрос «Зачем Россия нужна миру?». Без России как мировой державы у человечества нет перспектив и история действительно может однажды закончиться. И, наоборот.

*Опубликовано в журнале: Рефлексивные процессы и управление.
Международный научно-практический междисциплинарный журнал.
Том 4. 2004. № 1. Январь-июнь. С. 25-47*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 32.
2. Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. — Минск.: Харвест, М.: АСТ, 2000, с. 9–10.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн; Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003, с. 5-6.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 33.
5. Подробнее см. главу «Борьба за личность» (<http://www.pereplet.ru/kрупnov/16.html#16>) в книге Ю. Крупнова «Стать мировой державой» (М., 2003).
6. Показательны в этом плане размышления Брэд Никербокера (Brad Knickerbocker) в американской газете «Christian Science Monitor» за 15 января 2004 года: «...США ведут борьбу с новым видом войны, которая не знает никаких границ, времени или места». — <http://www.csmonitor.com/2004/0115/p13s01-usfp.html>.
7. Преэмпция (preemption, preemptive war) означает опережающий захват или силовое действие на опережение, т.е. уничтожение опережающим образом как самой угрозы, так и всех обстоятельств данной угрозы (оружия, к примеру) и, главное, самого субъекта этой угрозы. Подробнее см. главу «Преэмптивная война» в книге Ю. Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост». М., 2004.
8. Удивительно точным было название рубрики в газете «Правда» 70-х гг.: «Два мира — две системы».
9. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990, No 4.
10. The Burden // New York Times Magazine, by Michael Ignatieff, director of the Carr Center at the Kennedy School of Government, Harvard University, 5 января 2003 года. Показательными являются и работы геополитика Николая фон Крейтора, который описывал современные глобальные американскую экспансию и империализм как закономерную реализацию доктрины Монро 1824 года.
11. См., например, статью: Remaking the World: Bush and the Neoconservatives. By Joshua Micah Marshall // Foreign Affairs, November/December 2003.
12. Концепция ноополитики разрабатывается ведущими аналитиками РЭНД-корпорации Джоном Аркиллой (John Arquilla) и Дэвидом Ронфелдтом (David Ronfeldt) — см. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. By John Arquilla, David F. Ronfeldt. RAND, Document No: MR-1033-OSD, 1999 -<http://www.rand.org/publications/MR/MR1033/>
13. Моя позиция по глобализации подробно изложена в статье «Четвертая мировая война» — http://www.kрупnov.ru/5/58_1.shtml.
14. Словосочетание «внутренняя геополитика» было сформулировано 6 июня 2002 года А.С. Кривовым, В.Л. Цымбурским и мною в ходе обсуждения итогов Круглого стола «Геополитическая стратегия России в 21 веке». См. также мою статью «Внутренняя геополитика» — http://www.kрупnov.ru/5/92_1.shtml и книгу А. Кривова и Ю. Крупнова «Дом в России. Национальная идея» (М., 2004).
15. George W. Bush, president de la mondialisation, par Eloi Laurent, economiste a l'Observatoire francais des conjonctures economiques (OFCE), maitre de conference a l'Institut d'etudes politiques de Paris // Liberation, 4 февраля 2004, <http://www.ofce.sciences-po.fr/article.php?ref=libe-04-02-04>
16. Крупнов Ю.В. Рефлексивные практики, инфраструктуры и государственность — основа реконструкции России. — Тезисы IV Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» (7-9 октября 2003, Москва), М., 2003, с. 64-67. Также опубликовано на сайтах http://www.kрупnov.ru/5/42_1.shtml и www.reflexion.ru.
17. Интересно примечание к описанию данного праздника, которое помещено на официальном сайте Посольства Японии в Российской Федерации http://embjapan.ru/news/j_hol.html.
18. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2000. Отв. ред. А.Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910-1940-х годов. Сост. А.В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2000, с. 131-132.
19. Э. Молодяков «Геостратегические проекты принца Коноэ» -<http://whiteworld.ru/web.info/rubriki/000102/002/01010507.htm>
20. Mohamad Mahathir, Shintaro Ishihara, The Voice of Asia. Two Leaders Discuss the Coming Century, Tokio 1995.

21. М.В. Исаева «Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках н.э.» -Москва, Институт востоковедения РАН, 2000.
22. Там же, с. 88.
23. Буквальную гибельность концепта многополярного мира, который, напомним, составляет основу официальной российской внешнеполитической доктрины, ещё в 1993 году исчерпывающе показал А.Д. Богатуров. http://ebook.mpsf.org/books/38/liber_national_chapter2.html. Пункт 1-й главы 1 доклада написан А.Д. Богатуровым и впервые был представлен в 1993 году в журнале «Международная жизнь».
24. Крупнов Ю. Статья мировой державой. — М., 2003 (также <http://smd.kroupnov.ru/>)
25. Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Междунар. отношения, 1998, с. 16.
26. Brzezinski, Zbigniew. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. — Basic Books, 1997, p. 10.
27. Там же, p. xiii.
28. Пауэлл, Колин. Стратегия партнерства // Россия в глобальной политике т. 2, No 1, 2004 г., с. 123. A Strategy of Partnerships by Colin L. Powell — Foreign Affairs, January/ February 2004.
29. Либеральная империя, как известно, это не изобретение А. Чубайса в сентябре 2003 года перед парламентскими выборами, а традиционное в течение последних полутора столетий англо-саксонское обозначение их идеала государственного устройства — см. книгу Ю. Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост», особенно главу «Что мы сделаем со страной» (также опубликована на сайте — http://www.kroupnov.ru/5/49_1.shtml).
30. Hegemony or Empire? By Niall Ferguson -From Foreign Affairs, September/October 2003.
31. «The Pentagon's budget is equal to the combined military budgets of the next 12 or 15 nations,» he wrote in a recent article in the Financial Times. «In other words, the United States accounts for 40–45 percent of all the defense spending of the world's 189 states» — цитирует Пола Кеннеди из Йельского университета Нейл Фергюсон. Ferguson, Niall. What Is Power? Which global players have power today -and which are likely to acquire it in the coming decades? — Hoover Digest, 2003, No 2.
32. Подробнее см. Крупнов Ю. Почему Россия не империя? — <http://www.pereplet.ru/kroupnov/10.html#10>.
33. Эти примеры приводит В.И. Даль в своём знаменитом словаре. О происхождении слова «держава» см. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1, М., «Русский язык», 1993. См. статьи «Дёргать», «Держава», «Держать».
34. Эта идея разработана, как минимум, за полторы тысячи лет и представлена в иконографии Спаса Вседержителя (Пантократора). Без этой иконы и, следовательно, образа Христа Вседержителя невозможно представить себе главные храмы в Царстве Ромеев (Византии) и в России. См., в частности, Припачкин И.А. Иконография Господа Иисуса Христа // Паломник, 2001, с. 52–68.
35. Заметим, что философ В. Соловьёв считал эти слова Ивана Грозного «самой верной и самой полной формулой христианской монархической идеи», подчёркивая, что «эта формула безукоризненна; нельзя лучше выразить христианский взгляд на земное царство» (Вл. Соловьёв. «Византизм и Россия» — <http://civitasdei.boom.ru/articles/solov5.htm>).
36. Протоиерей Всеволод Чаплин. Выступление на международной научно-практической конференции «Социальное учение православия в современном мире», Москва, 15 марта 2004 года, см. <http://www.religare.ru/article8752.htm>.
37. Диакон Андрей Кураев. О НАШЕМ ПОРАЖЕНИИ. — <http://www.netda.ru/belka/texty/kurajev/o-porazhen.htm>.
38. Проблема мирового развития разрабатывается инициативным коллективом под руководством автора данной статьи в рамках созданной в 1999 году Школы мироразвития (см. <http://shmr.paideia.ru/index.html>).
39. Разумеется, мироразвитие не может сводиться к колонизации и другим видам глобального захвата, поэтому неверным является употребление этого понятия у многих учёных и практиков, например, у Михаила Ильина в его работе «Старые и новые политики мирового развития: параметры сосуществования» — «Космополис», No 3 (5), осень 2003, <http://www.gami.ru/cosmopolis/archives/5/ilyin.html>. Неправильно отождествлять и не различать развитие и изменение.

40. National Security Strategy of the United States, 17 сентября 2002 г. См. также статью Ю. Крупнова «Преэмптивная война» — http://www.kroupnov.ru/5/30_1.shtml и соответствующую главу в книге Ю. Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост», 2004.

41. См. статьи Ю. Крупнова «Борьба за личность», www.pereplet.ru/kroupnov/16.html#16, и «Гуманизм против человека. Почему никому не стыдно за то, что делают с Хусейном?», http://www.kroupnov.ru/5/73_1.shtml, а также книгу «Стать мировой державой» (М., 2003).

42. Детальнейший анализ данного состояния содержится как в классических работах ведущих экономистов, так и в деятельности таких выдающихся «неформалов» как, например, Линдон Ларуш Мл. (см. <http://www.larouchepub.com/>).

43. См. статьи Ю. Крупнова «Моя война» — http://www.kroupnov.ru/5/99_1.shtml, «Как Россия сможет предотвратить Пятую Мировую войну?» — <http://www.p-rossii.ru/articles/statshow.php?69=1>, книгу М. Калашникова и Ю. Крупнова «Гнев орка» (М., 2003).

44. Роберт Райт, Роберт. Новый мировой порядок. — «Отечественные записки», 2003, No 6, — http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_28.html. Данная статья, «New World Order», является главой из книги: Robert Wright, Nonzero: The Logic of Human Destiny (New York: Pantheon Books, 2000), 209-228. Copyright © 2000 by Robert Wright. Перевод с английского Григория Дашевского.

45. Показательна здесь недавняя обзорная статья Дж. Айкенберри в последнем номере журнала Foreign Affairs, в которой сообщается, что время дискуссий о том, империя США или нет, закончено, что самое мощное в мире государство впервые может действовать на глобальной арене без ограничений со стороны других крупных государств, что мир вошёл в американский однополярный век и что Россия является всего лишь буфафорным партнёром США, а Китаю не остаётся ничего иного как приспособливаться (By G. John Ikenberry — From Foreign Affairs, March/April 2004).

46. Кац, Марк (Mark Katz). Может ли Россия стать великой державой? — «The Moscow Times», Россия, 26 января 2004, опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru — <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/205568.html>. Также показателен с точки зрения отношения к России новейший, третий, доклад Национального совета по разведке США «Global Trends 2020» (декабрь 2004 года), см. http://cia.gov/nic/NIC_2020_project.html# и <http://vlasti.net/index.php?Screen=news&id=50106&action=print>.

НЕЙРОНОМИКА: ЖИЗНЬ В СТИЛЕ ACTION

КОНЕЦ ПРИВЫЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

На смену постиндустриализму придет Нейромир.

Он преодолет старую экономику. Уже не деньги, а смыслы станут диктовать скорости и направления изменений.

Экономика, в конечном счете — умение самым эффективным образом использовать ограниченные ресурсы, которых на все не хватает. Технология, в свою очередь, снимает эти ограничения. В Нейромире технология побеждает экономику! Но отношения между людьми, связанные с продуктами и услугами, остаются. Просто все в них меняется. Черты грядущего все яснее проступают в сегодняшнем дне.

Сегодня совершенно очевидно, что бизнес как таковой, читатель, уходит в прошлое. То, что мы увидим в этом веке, будет здорово отличаться от мира, привычного нам по прошлому столетию.

Первым дуновения перемен почувствовал русский белоэмигрант Евгений Месснер. Занимаясь военным делом, он в середине пятидесятых годов совершил поразительное открытие. Оказалось, что эпоха «правильных» войн с иерархически организованными армиями, централизованным управлением, планами сражений и исключительно огневым поражением врага уходит. На место их пришла мятежевойна. В ней совершенно неважно, чем ты поражаешь неприятеля, ломаешь его волю к борьбе или толкаешь на капитуляцию. В ход идет все — разложение тыла оппонента пропагандой, развращение его молодежи модами и музыкой, террор, подрыв экономики, политические движения. Главное — добиться цели любым путем, комбинируя разные «средства поражения». Мятежевойну ведут исключительно сети, а не пирамидально-командные структуры. Ячейки сети или роя оказываются проворнее, изобретательнее, смелее бюрократических машин и старых дивизий. Сам того не ведая, Месснер заглянул за постиндустриализм, вглубь XXI столетия. Уже не в войну, а в саму жизнь.

К чему мы идем? Раньше шло обособление различных сфер человеческой деятельности. Схематично дело выглядело так: в основе лежала культура, своеобразный инкубатор структур, библиотека форм, активатор технологий. Из этой «библиотеки» и политика, и бизнес извлекали какие-то фрагменты, приспособливали их для своих нужд. Скажем, еще шесть-семь веков на Западе никто и в толк не смог бы взять само понятие «ссудного процента». Господствовала иная форма экономики: я тебе дал денег как другу и хорошему знакомому. Ты мне эти деньги возвращаешь, и я получаю право когда-нибудь о чем-нибудь тебя попросить. Подобный порядок до сих пор бытует в мусульманском мире. В несколько превращённой форме мы встречаем его в «Крестном отце» Марио Пьюзо, когда мафиози говорит булочнику: я тебе помогу и решу твои проблемы. Но однажды настанет день, когда я тебя попрошу сделать что-нибудь для меня. Мафия представляет из себя архаичный уклад в современной рыночной экономике.

Но вот появляется значительный класс людей, у которых есть свободные деньги. Они могут дать их займы, но никаких услуг от должников им не нужно. Они заменяют будущую услугу условием: взяв у меня в долг, ты должен вернуть мне больше денег. Взял сто золотых — верни сто десять. Возникает ссудный капитал. Совершенно неслучайно он оказался в руках евреев: ведь они оказались выброшенными из католической средневековой цивилизации, где остальные были единоверцами, членами общины, товарищами по цеху или гильдии, и потому правила «экономики дружбы» на них не распространялись. Еврей — не друг, а иноверец. И за деньгами к евреям поначалу приходили такие же выкинутые из привычного общества люди. Понятное дело, люди со специфическими, мягко говоря, привычками и наклонностями. А поскольку доверие

ушло, развилась форма залога. Хочешь взять бабки в займы? Оставь в залог что-нибудь ценное. Заложи какую-то вещь у меня — а потом приди и выкупи, заплатив больше той суммы, которую получил под залог. Таким образом, человеческие взаимоотношения в экономике, элемент культуры, перешли в совершенно отчужденную форму, отделившуюся от культуры.

Другая иллюстрация — пример тамплиеров, рыцарей Храма. Некогда они выступали ударным отрядом Римской церкви, особо приближенной к ней силой. Осененные печатью Папы, они слыли людьми безупречной репутации. Для того, чтобы облегчить паломничество христиан ко Гробу Господню и возвращение назад, тамплиеры принимали у странников деньги, скажем, во Франции и отдавали их в Иерусалиме, куда они приходили. И потому даже если путники подвергались нападениям разбойников с большой дороги, они говорили: ребята, да у нас ничего с собой нет. Отсюда родился вексель. Он возник из культурного феномена: соединения паломничества с непрерываемым авторитетом тамплиеров и их разветвленной сетью. Но дальше вексель полностью утерять культурную основу и превратился в экономический инструмент, когда каждый может выдать вексель каждому, и весь вопрос состоит лишь в обеспечении бумаги.

Обобщим: веками шел процесс, когда культура исторгала из себя формы деятельности. С течением времени они переходили в хозяйственную жизнь, обесчеловечиваясь, теряли личностную составляющую.

Но если мы посмотрим на бизнес самого конца XX века и начала нынешнего, то с изумлением увидим обратный процесс. Идет интеграция всех форм человеческой деятельности, превращение их в некую целостность. И чем ближе к Нейромиру, тем больше скорость, мощь и размах будет приобретать этот процесс...

Куда он нас выводит? На смену доброму старому бизнесу приходит метапредпринимательство, метадействие. Теперь метапредприниматель решает задачи, выстраивая схемы, в которых он опирается на все возможные формы, институты и технологии. Ему совершенно безразлично, к чему они относятся — к бизнесу, культуре или политике. Сгодится всё. Мета-предприниматель говорит: у меня есть цель, и мне совершенно неважно, как я ее добьюсь. Это лишь ученые разложили мир на политику, экономику и культуру. На самом деле и человек, и мир едины. Все эти абстракции служат мне конкретными инструментами. Я их комбинирую, делаю из них схемы.

В нашей, а уж тем более в завтрашней жизни уже нет отдельной культуры, автономного бизнеса или обособленной политики. Есть «action» — действие, активность, «дело» — по-русски. Вот это и есть первый, ключевой момент новой... Экономики? Да ее, пожалуй, и экономикой называть уже нельзя. Слишком узко выходит. Нет, это уже метадеятельность. Или нейрономика — жизнь в стиле «экин».

Знаете, откуда все это вырастает? Из войны и разведки. Уже Вторая Мировая, где для сокрушения противника использовался весь арсенал мыслимых средств, включая психологические, культурные и политические, предстает как метадействие. Три четверти операций Второй Мировой предпринимались не для того, чтобы достичь поставленных в приказе официальных целей, а для того, чтобы запугать, обмануть, «подставить», изменить психологию. Только исходя из этого, можно понять смысл, например, совершенно бессмысленных с чисто военной точки зрения стратегических бомбардировок Германии англосаксами. Или разгадать загадку полного бездействия Рузвельта, знавшего о грядущем нападении японцев на Пирл-Харбор, пассивности Черчилля, которому докладывали об угрозе разрушения немцами города Ковентри. В этих случаях нужно было «наэлектризовать», обозлить народы, пробудить у них волю к борьбе, заставить мобилизоваться. В еще большей степени метадействие проявилось в Холодной войне США против России-СССР в 1946-1991 годах. Здесь границы между бизнесом, военными акциями, культурой и психологическими операциями исчезли полностью.

НЕЙРОНОМИКА И ЕЕ СЕТИ

А теперь перейдем ко второму краеугольному принципу нейрономики. Когда действие становится единым, специализация сохраняется. Но теперь — не по предметам, а по функциям.

Что это такое? Это когда корпорация последовательно выбрасывает из себя различные функции. Держала уборщиков помещений — а теперь нанимает клининговую фирму со стороны. Был у нее юридический отдел — превратился в юридическую службу. Искала деньги сама — а теперь использует инвестиционные банки. И так далее и тому подобное. Процесс так называемого аутсорсинга начался давно, однако невиданно ускорился к концу XX века. Все идет по нарастающей. Была функция внутрикорпоративной проверки деятельности фирмы. Появился

аудит. Реклама? Она перешла в специальные рекламные фирмы. Программирование отдали софтовым компаниям-подрядчикам. Снабженческие структуры превратились в логистические фирмы. Зачем держать своих конструкторов, если можно нанять конструкторско-дизайнерскую фирму?

Последняя стадия сего процесса наступила, когда корпорации сказали: а мы и производством теперь заниматься не будем. Как поступает метабизнес? Я найму производителя колёс вон в то стране, двигателестроителей — вот в этой, а вот там мне отштампуют корпуса. А сборку мне сделают вообще в третьей стране, где тепло, нет затрат на зимнее отопление, а рабочие вкалывают без отпусков и за какие-то гроши. Современный философ-практик Сергей Чернышев любит приводить в пример компьютерную корпорацию «Дэлл», одну из крупнейших в США: — У «Дэлл» нет ни одного своего завода по производству компьютеров. У него нет своих бухгалтеров, складов, дилерской сети: все эти функции выполняют фирмы-подрядчики на условиях аутсорсинга, которые Дэллу не принадлежат. Его компания осталась с брэндом-торговой маркой, банковским счетом и залом для заседаний. Тем не менее, акции «Дэлл» стоят больше, чем акции российской РАО «ЕЭС» с сотнями электростанций. Почему? Потому что Дэлл владеет предпринимательской схемой производства товаров и услуг. В его собственности — не производства и не бизнес-сервисы (их он оставляет бизнесменам), а уникальная схема отношений между ними. Он, как маг или конструктор, использует бизнесменов и их фирмы как детали конструктора, выкладывая из них то одну, то другую оригинальную схему. Он похож на радиолюбителя, который берет изобретенные не им детали (диоды, триоды, резисторы) и паяет из них уникальную, только ему принадлежащую схему, получая на выходе совершенно новый продукт. Математику (в отличие от налогового инспектора), понятно: чистый предприниматель — не бизнесмен. Это — деятель уже постэкономического хозяйства...

Таким образом, крупные корпорации Запада, еще вчера похожие на советские министерства и главки, становятся сетевыми структурами, охватывающими весь Земной шар. Умирает когда-то пленивший воображение Сталина идеал огромных компаний вертикальной интеграции, в одни ворота которых въезжали составы с углем и сталью, а из других — выходили уже готовые автомобили и тракторы.

Каждая ячейка сети использует все: и экономику, и политику, и культуру. И рекламщик, и финансист, и инженер попали в паутину метадействия. Наступает пора продюсерской экономики. Сидит себе сбросившая все функции корпорация и только придумывает новые продукты, новые брэнды.

Таким образом, второй ключевой принцип новой эры — сетевая организация производства, сопряжённая с процессом обособления функций. Множество специализированных фирм выстраиваются в сообщества под конкретную программу, под достижение нужной цели. При этом одна и та же фирма способна входить в несколько таких союзов-сетей сразу.

ВОСХОЖДЕНИЕ КРЕАТОРОВ

А кто же все-таки выступает «нервными узлами» таких сетей? Кто устанавливает их соподчиненности, ранги и порядки взаимодействия? В производящей, творческой экономике такими узлами, появившимися в конце 1990-х годов, становятся креативные корпорации — совершенно новое явление жизни. Они выстраиваются вокруг личности создателя-креатора, который сделал что-то выдающееся.

Креаторы выбрасывают в экономику революционные идеи и ноу-хау, а потом выстраивают вокруг них функции: денежную, конструкторскую, производственную, торговую и так далее. Все они работают на воплощение идеи, рожденной творцом-креатором. Креаторы создают стратегию и, словно маги, переводят идею из сферы бестелесной информации в мир реального производства, прибегая для этого к метадействию, используя все инструменты для завоевания победы. *Вот почему все это с полным правом можно назвать нейрономикой, порождением человеческих мысли и воли.*

Для подтверждения нашего вывода обратимся к одному из самых смелых умов нашего времени и настоящему визионеру Александру Неклессе. В одной из своих работ он пишет:

«Новые амбициозные корпорации в центры своей активности ставят некоторую материальную цель, серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно — собственное оригинальное прочтение топологии реальности, горизонтов бытия. По заданной шкале меряются затем прочие виды корпоративной деятельности, которые концентрируются вокруг смыслового центра...

Решение же ряда частных рабочих схем — а порой и производства в целом — передается со-предельному организационному рою на условиях аутсорсинга.

В идеале действие подобного макрокорпоративного агломерата нацелено на оптимальное сочетание интенсивной поисковой активности, системности и экстенсивных пакетных действий в избранном направлении...

Однако, пожалуй, главный отличительный признак амбициозной корпорации — целенаправленное расширение пределов собственной компетенции, синтетический подход к человеческой деятельности, совмещение экономических, политических, культурных и идеологических задач «в одном флаконе», что позволяет решать каждую из них в отдельности гораздо более эффективно за счет достигаемого синергетического эффекта. Амбициозная корпорация в своих различных модификациях — это скорее социогуманитарная, нежели экономическое образование, причудливо объединяющее векторы разных направлений человеческой деятельности, а также представителей элиты, все чаще действующих вне привычных структур власти и во вполне транснациональном контексте.

Роль традиционного производства при этом фактически снижается, в тех или иных формах оно все чаще передается контрагентам ... в периферийные географические и геоэкономические пространства. В центре же процесса, на полюсе геоэкономического универсума — оказывается своеобразный «высокотехнологичный Версаче», производство брэнда и правил игры, генеральной политики и ключевых решений — детальных моделей и лекал всемирной мастерской.

По прописям и лекалам этой сумрачной политики вычерчиваются эскизы футуристических миражей: мировой эмиссионной и налоговой системы, глобального долга, национальных и региональных систем страхования, лабиринтов планетарной безопасности, алгоритмов деятельного управления рисками, облекая земными покровами смутные до поры социополитические проекты и апокалиптические амбиции. При этом речь может идти о триллионах долларов, рутинно передвигаемых по глобальной шахматной доске в ту или иную сторону. В первую голову постсовременные «игроки в бисер» оперируют семантическими и смысловыми комбинациями, трансмутируя их в переливающуюся амальгаму правил Большой игры...»

ТАИНСТВА «ВЕРТИКАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ»

Но есть и у мира метадействия и третий контур. Как только мы переходим от сделки к делу, а от экономики — к нейрономике и метадействию, тут же изменяется характер людских взаимоотношений.

В основе старого бизнеса лежал в большей или меньшей степени эквивалентный обмен деятельностью на одних и тех же этажах мировой пирамиды (скажем, между США, Германией и Японией), и неэквивалентный обмен — если бизнес велся между ее высшими и низшими уровнями. Например, в торговле между Западом и слаборазвитыми сырьевыми странами вроде Нигерии, когда за электрочайник «Тефаль» нищих заставляли отдавать по полтонны отличной нефти.

А что же приходит на место старого порядка? «Слоёный» мир, где в каждом слое действуют свои, особые, законы.

Был такой гениальный русский экономист, Яременко, безвременно ушедший от нас в 1989 году. Будучи директором Института социально-экономического прогнозирования, он никогда не выступал ортодоксальным защитником социалистической экономики. Но зато пытался остановить ретивых российских рыночников, приговаривая: ребята, Вы мало и не то читали, халтурно сдавали экзамены, а лезете реформировать Россию!

Так вот, Яременко первым выдвинул идею вертикальной, иерархически построенной экономики, которая и есть третий столп метадействия в эпоху становления Нейромира.

Учёный утверждал: главный вопрос состоит не в том, что рынок регулирует конкуренцию за ресурсы. Это — вздор, хотя на нем и построена классическая рыночная теория. Вы говорите о том, что при рынке у тех, кто работает эффективно, ресурсов оказывается много, а неэффективные разоряются, ибо остаются ни с чем? На самом же деле, если какая-то система работает и умело позиционировала себя на рынке, то обязательно найдёт ресурсы. Если уж ты смог произвести машину и правильно назначил условия продажи — ты машину обязательно продашь. В принципе на мировом рынке можно найти покупателя на любой товар. Живой пример тому — наши автомобили «Жигули». Они по качеству и техническому уровню — пещерный век по сравнению с иностранными машинами. Тем не менее, они не погибли в конкуренции с иномарками, успешно продаются у нас, а при СССР — продавались и в Западной Европе. Ведь они дешёвы, и на них можно найти

своего потребителя. Нет в мире конкуренции в либеральном смысле слова! Конкуренция состоит в том, что тебя стараются сбросить с верхнего этажа мировой «пирамиды рангов» на нижний. То есть, сегодня ты производишь машины класса «Роллс-Ройса». Завтра тебя отправили делать «Опель». Послезавтра — опустили ещё ниже. А закончил ты тем, что выпускаешь «пешорожцы».

По мнению Яременко, расслоение в ходе конкуренции идет по качеству ресурсов. Хозяйство любой страны напоминает многоэтажный дом. Поэтому словеса наших нынешних «реформаторов» о том, что нужно закрыть все «неконкурентоспособные» производства и «оставить самые сильные» — это попытка построить дом из одних верхних этажей. Так не бывает.

Всегда и везде экономика состоит из разных секторов или укладов. Одни потребляют лучшие ресурсы и обладают наивысшей степенью прибыльности. Но есть и низкие «этажи», которые не выкинуты из хозяйственного оборота, но работают на худших ресурсах, имеют самую низкую рентабельность. И, тем не менее, их продукция тоже находит спрос. Даже советская «Ока» имеет свою нишу на мировом рынке. Пусть от нее с презрением отвернется шейх из Саудовском Аравии — но зато с удовольствием купит трудящийся там же пакистанский рабочий. Да вспомните хотя бы горбачевские времена! Когда чуть открыли границы, иностранцы стали лихорадочно очищать прилавки советских магазинов. Ну ладно, покупку массивных садовых насосов за десять рублей еще можно объяснить тем, что их за границей сдавали в металлолом и выручали за них сто долларов. Но ведь покупали-то иностранцы у нас и шампанское, и телевизоры, и магнитофоны с приемниками, и стиральные машины с миксерами да электромясорубками! Хотя, казалось бы, у них на родине на прилавках стояли всякие «тефали», «боши» и «панасоники».

Как вертикальная экономика работает сегодня? Допустим, всемерно известный дом моды «Диор» продаёт вещи вроде женской кожаной куртки за две с половиной тысячи евро. Когда «Диор» только начинал, то все делал сам: и дизайн, и фурнитуру, и ткани — во Франции и на севере Италии. То есть, использовал самые дорогие и лучшие ресурсы. А сегодня они все это производят в Венгрии. Вещи с маркой «Гуччи» шьют в Таиланде. При этом владельцы знаменитых торговых марок-брендов строжайше следят за качеством. Но самую сложную работу, где нужны самые качественные ресурсы (мозги, мощнейшие ЭВМ и поисковые системы, инструменты формирования этой моды, математические программы раскроя тканей) сосредотачивают в Париже. Нужна отличная фурнитура, которая делает вещи престижными? Ее отливают в металле по особым эскизам шведы. А вот кожу они берут в Лаосе, где её — как грязи. (У себя они делают лишь очень качественный верхний краситель). А шить вещи отправляют в Таиланд, бедному тайцу, который горбится от зари и до зари под навесом. И если он неправильно сошьет, ему десять батов не заплатят — и он просто с голоду сохнет.

Вот вам четкая вертикальная экономика. Сейчас она распространяется по всему свету, но первыми придумали ее японцы. В крупных корпорациях думали над электроникой и делали ее, а в деревне под тростниковым навесом крестьяне собачили простые комплектующие. У подножия японских сверхкорпораций толпились мелкие и мельчайшие фирмы, бравшиеся делать работу за сущие гроши, тем самым обеспечивая японским товарам высокую конкурентоспособность...

Яременко, доказывая все это, говорил будущим «реформаторам»: так какой же рынок вы собираетесь делать в России? У нас же ничего не отрегулировано, тогда как вертикально структурированная экономка предполагает технологическое регулирование ресурсов. Рынок — всего лишь один из элементов экономики. Причем, чем выше этаж, тем меньше функций там берет на себя рынок и тем больше — согласительная, плановая экономика. И как только вы одномоментно введёте рынок в России — так мы свалимся на самые нижние этажи экономики. Первое, что случится — нижние, примитивные этажи производства постараются отнять ресурсы у верхних, самых сложных и высокотехнологичных. Вы просто разрушите технологический сектор русской экономики. Если вы запустите дикий рынок в верхних ярусах, то им — крышка.

История России 1992–2000-х годов подтвердила правоту Яременко. Примитивная экономика нефти и газа сожрала передовые отрасли: авиакосмос, электронику, машиностроение, биотехнологию.

БУДУЩЕЕ ПРОТИВ ПРОШЛОГО

Четвертая метаморфоза нейрономики уже совсем причудлива. На наших глазах исчезают... привычные деньги.

Все школы экономики соглашаются, что деньги выполняют «священные» функции — меры стоимости, средства платежа и средства накопления учетной единицы и сокровища. Что

деньги — это посредник, который делает экономику экономикой. Школы экономической науки различаются прежде всего тем, как они определяют, что лежит в основе цены товара. «Количество труда!» — говорят марксисты. Другие считают, спрос покупателей. Третьи — что все определяется соотношением кривых спроса и предложения. Кто-то исповедует теорию «предельной полезности». И самое удивительное — все школы исходят из реальных обстоятельств. В физике в начале XX века Гейзенберг открыл принцип неопределенности. Он доказал, что невозможно измерить одновременно скорость и массу элементарной частицы. То есть, нужны два измерения. Отсюда вытекал принцип дополненности: любое явление надо описывать с разных точек зрения: они не конкурируют, а дополняют друг друга.

В конце XX века выяснилось: все экономические теории дополняют друг друга и просто рассматривают одни и те же явления с разных сторон. Но все они в конечном счёте исходят из того, что цена — это способ сбалансирования издержек производства с одной стороны, и потребностей рынка — с другой. Потребности же материализуются в спросе. Причем в основе предложения лежат издержки, в основе спроса — потребности. А деньги — лишь инструмент, который соединяет, коммутирует все это.

Казалось бы, ясно. А вот на самом деле начались странные вещи. Оказалось, что в XX веке главная валюта мира, доллар, одну за другой сбрасывал с себя связь с любыми носителями. Рвал зависимость от привычных для денег экономических параметров. Он терял привязку к производству как таковому и в итоге к началу 2000-х годов оказался обеспеченным только одним — властью США над миром. То есть, политическим, информационным, военным и научно-технологическим могуществом Америки.

В начале 1990-х на поверхность вышел ещё один процесс. Никто не мог понять тайну оценки компаний на фондовом рынке через их капитализацию. Ну, складывали стоимость всех зданий и сооружений, оборудования и технологий компаний, их товарные запасы, соотношения между кредитами и «дебиторкой» с одной стороны. С другой — учитывали общую цену акций фирм на рынке. В итоге величины не просто не совпадали — они расходились разы, а то и на порядки! Например, капитализация «Майкрософт» превосходила стоимость ее материальных активов на пике почти в 25 крат!

Вот по всему миру действует корпорация «Кока-кола», есть у нее сотни заводов, где она разливает в бутылки свой сиропчик. Но когда знаменитую корпорацию оценили, оказалось: все ее материальные активы стоят единицу, а капитализация акций — восемь единиц. То есть, семь восьмых ее стоимости — нематериальные активы, имя-бренд, интеллектуальная собственность, рецепт сиропчика и все такое.

Бред? Но бред до ужаса реальный... На этом бреде построена вся современная экономика.

Вот пример из той же оперы. Знамение нашего времени — интеллектуальная собственность. Давным-давно Маркс сказал (а современный Интернет еще раз подтвердил), что интеллектуальную собственность очень сложно выразить в привычных стоимостных оценках. В ней нет эквивалентного обмена. Ее практически невозможно оценить традиционными методами. Почему мы нематериальные активы одной компании оцениваем в один миллиард долларов, а другой — в пятьсот миллионов? Только на основе своих представлений, только на основе прогноза будущего. Но ведь вся история человечества кишмя кишит несбывшимися предсказаниями завтрашнего дня! То есть, весь современный рынок построен на ожиданиях, которые зачастую несбыточны. Значит, все экономические отношения сегодня строятся не на показателях спроса и сделанных затрат, а на параметрах прогноза, который то ли сбудется, то ли нет.

А это значит, что стоимостная форма в прежнем виде приказала долго жить! Ведь стоимостная форма — уже сделанные тобой затраты, скорректированные на потребности. А что же пришло взамен стоимостной формы? Фьючерсная! Теперь мы измеряем потенциал, и, исходя из него, даем оценку.

То есть, в нынешние дни система измерения в принципе изменилась. Теперь мы меряем не прошлым, а будущим. Ибо стоимость была ни чем иным, как о вещественным прошлым, уже сделанными затратами, которые клались в основу сделки в данный момент времени. А сейчас на рынке берут будущие возможные результаты (в которых как-то учитываются прошлые затраты) и выстраивают на них сегодняшнюю сделку. Это означает, что все экономические теории действуют лишь на нижних «этажах» вертикальной экономики, тогда как на высших ее ярусах жизнь идет по абсолютно другим законам.

Почему всё пошло по этому пути? Нынешние экономисты даже не пытаются обсудить это удивительное явление. Мы же выдвинем одну гипотезу. Наверное, на нашей планете уже действует некий интегральный интеллект финансового рынка. Спекулянт Сорос ошибочно считался себя умнее всего рынка, но глубоко заблуждался. «Коллективным разумом» можно манипулировать — но лишь в краткий период времени и в ограниченных пределах. Попытка рулить финансовым рынком в более долгой перспективе всегда заканчивается плачевно. Тот же Сорос потерял две трети своего состояния.

Да и словосочетание «финансовый рынок» теперь сильно устарело. Это — уже не рынок в привычном смысле сего слова. Это — поистине «финансовое действие», *finance action*, сотканное как производное от коллективного сознания, которое улавливает то, что не улавливает разум отдельных людей. И это можно смело считать первым явлением нейрономики, экономики сознания. Соединённые компьютерными телекоммуникациями, финансовые центры Земли и ее биржи сегодня действительно превратились в некий сверхразум, в подобие мыслящего океана из «Соляриса» Станислава Лема. А люди-финансисты стали клетками-нейронами этого супермозга, которые даже не понимают, что они — всего лишь частички огромного целого. Что, впрочем, совсем не мешает этому надчеловеческому разуму успешно работать.

Во второй половине 1980-х начался процесс смены оценки прошлого оценкой будущего, и этот процесс теперь находится в полном разгаре. Своего апогея он достигнет на пороге Нейромира. На место стоимости пришла фьючерность, венчурность.

Случилось, видимо, вот что: по многим показателям традиционный мир подошел к своим границам. Всё, что этим миром накоплено, однажды может обесцениться. Приближение к точке перехода означает в худшем случае конец нынешнего миропорядка, в лучшем — уход его на нижние «этажи». Значит, если ты продолжаешь мерить богатство по старинке, прошлым, то волей-неволей очутишься в самом хвосте. Ты просто станешь вкладывать деньги в то, что потеряло ценность.

Что идет на смену старому миру? Нейромир и есть качественный гиперскачок, «завтра, которого не ждали», мир после сингулярности, царство чудесных технологий, мир многослойных сетей. Мир, где высшие блага будут получать не те, у кого много денег, а те, кто имеет на это право, те, кто посвящен, допущен в круг избранных. Кажется, рынок начинает вырабатывать механизм, в котором наиболее дорого оценивается то, что завтра может быть принципиально выведено из денежной сферы, оказавшись на верхних «этажах» в системе «экономики доступа».

Конечно, нынешний финансовый рынок далеко не всегда справедлив в оценках. Кого-то недооценивает, а кого-то — переоценивает. Но ведь и старый рынок грешил тем же. В общем же балансе процесс, как говорится, пошел. Фондовый, сверхчеловеческий «мозг» понимает, куда идет психоистория. Это сложнейшая система только формируется. Она ещё, образно говоря, не сверхзвуковой Ту-160, а угловатый «гадкий утенок» вроде аэроплана братьев Райт. Но процесс начался! Чем дальше, тем больше оценка по стоимости будет уходить, а оценка по фьючерности и венчурности — оставаться.

А это означает, что деньги в Эпоху Перемен приобретают совсем иной характер.

Старые деньги исчезнут! Вернее, они как бы продолжают существовать в привычном виде, но природа их совершенно изменится. Новое всегда приходит в форме старого. Первые автомобили, например, напоминали старые кареты и коляски-ландо, из которых выпрягли лошадей. Вот и заря Нового Мира грядет в виде старого.

Но «нейроденьги» Нового Мира обретут совершенно иную природу. Прочь, мера стоимости — на смену идет мера возможности, которая основывается на конвертации ресурсов, силы и знания. А ресурсы, силы и знание осуществляются в виде собственности, контроля и технологии. Степень же возможности определяется не теми затратами, которые ты делал в прошлом, а тем, насколько твое метадействие уловило тенденции будущего, насколько ты способен к футуродизайну. Прошлое уходит и дешевеет, а будущее приходит и дорожает.

При этом «нейроденьги» сохраняют функции накопления богатства. Потому что чем у меня их больше — тем больше я могу купить возможностей. Но лишь до определенного предела, поскольку на самой вершине вертикальной экономики установится «экономика доступа». Там деньги исчезнут как таковые, там установится «коммунизм высшей касты»...

ЭКОНОМИКА СОГЛАСОВАНИЯ

А вот теперь вы, читатель, готовы воспринять и пятый «столп» бизнеса в стиле «экшн». Это — экономика согласования.

Уже сейчас транснациональные корпорации (ТНК) контролируют 90 процентов мировых патентов и ноу-хау, 85 процентов добычи нефти, 90 процентов выпуска электроники, 95 процентов производства лекарств и биотехнологических товаров, почти сто процентов производства дальнемагистральных авиалайнеров — и так далее.

ТНК давно не живут в мире рыночной конкуренции. Ее подарили неудачникам-русским. Так, например, производители аэробусов, «Боинг» и «Эрбас», давно поделили мир на зоны влияния, и сообща устанавливают высокие цены на свои машины, выжимая все соки из покупателей. Они поделили будущее: в мире глобализации «Эрбас» займется огромными авиалайнерами с дозвуковыми скоростями, «Боинг» — перспективными около- и сверхзвуковыми пассажирскими машинами. То есть, они займут в глобальной экономике две отдельные ниши. И оба они делают все, чтобы не пустить на рынки третьих стран русские авиалайнеры, задушив нашу авиапромышленность на внутреннем рынке Россиянии.

Транснациональные корпорации давно живут в «экономике согласования». Поскольку они имеют дело с новейшими технологиями, требующими уже не миллиардов, а десятков миллиардов долларов, то не могут позволить себе такую роскошь, как конкуренция друг с другом. Мол, я вложу сто миллиардов — и ты вложишь столько же, а там посмотрим, кто из нас выживет. Коль мы взяли как пример самолетостроение, то скажем: как создание воздушных левиафанов на полторы тысячи пассажиров, летающих со скоростью в 0,9 от звуковой, так и постройка «стрел», способных возить богатых пассажиров почти в космосе на нескольких «звучах», стоят несколько годовых бюджетов Росфедерации конца девяностых. Никто в здравом уме не станет вкладывать такие средства в проект, не имея гарантии, что он будет единственным, монопольным, что деньги непременно вернуться инвесторам.

Так что ТНК давно живут в мире, который мы разрушили — в социализме, в плановой экономике. Государства и международные корпорации сами, как некогда Госплан СССР, садятся за круглый стол и ведут переговоры. Идет торг, согласование, создаются нормы поведения, делятся позиции на рынке. ТНК даже о кооперации договариваются. Ну вот, «Эрбас» будет работать на тех потребителей, которые хотят летать не очень быстро, зато дешево. А вот тех, кто готов платить большие деньги за то, чтобы за быстро добираться от Нью-Йорка до Токио, возьмет на себя «Боинг». Так же поделен и рынок боевого судостроения. Скажем дизельные подлодки делают немцы и шведы, а надводными кораблями занимаются янки. Биотехнологии? Одни виды лекарств выпускают только США, другие производят в Восточной Европе и Азии.

Такая экономика не является плановой в старом понимании этого слова. Но она предусматривает нерыночный способ распределения ресурсов и применение специальных технологий выбора производителей и структурирования потребителей. Она даже определяет: кому и сколько потреблять.

ГОРНИЕ ВЫСОТЫ КОММУНИЗМА

Важнейший «столп» будущего — «экономика доступа» на самом верху мировой техно-экономической пирамиды.

Итак, что это такое? Экономика без денег.

Что есть старые деньги? По выражению одного из отцов-основателей США, масона и ученого Бенджамина Франклина, деньги — это «чеканенная свобода». Иными словами, каждый, имея достаточную сумму оных, может купить всё, получить доступ к любому жизненному благу. Любой — будь он святой или грешник, умник или дурак. Деньги — царство количества, а не качества. Большие суммы денег возносят двуногую мразь над прекрасными и сильными людьми, деньги наделяют силой извращенца и маньяка, шизофреника и предателя. Свободный обмен товаров на деньги — это суть рыночного общества.

Но стоит ли давать всем право получать за деньги все блага? Совместим ли этот принцип с динамикой общественного развития и логикой техносферы? Прогресс технологий может породить такие плоды, которыми могут обладать далеко не все люди, будь у них даже много денег. Все тайные, закрытые и религиозные общества, кроме иерархии своих членов, несут особое отношение к миру. Там каждый знает: это — мне надо иметь, а это — не надо. И доступ к благам зависит от места в иерархии, от степени посвящения или совершенства.

Может быть, в будущем старые деньги сохранятся лишь для низших слоев. В новом мире возникнет целая система доступа к высшим благам, зависящая от контура, в который включен человек. Возникнет особая экономика для избранных, куда не будет доступа непосвященным. Право на пользование специальными технологиями сверхусиления умственных способностей, например, совершенно точно окажется в «экономике доступа».

Мы уверены, что будущие цивилизации будут основаны на принципе доступа, а не свободного обмена. Там человек не сможет купить многие блага — он только может быть их *удостоен*. Место денег займет допуск.

Исчезнут ли деньги в новом мире с его «экономикой доступа»? Нет. Но роль их изменится. В нынешнем массовом мире деньги служат средством косвенного сравнения людей между собой. Мы не можем сказать: «Я — лучше тебя, и потому именно мне достанутся эти сапоги». Нет, сапоги купит тот, у кого есть больше бумажек, называемых рублями или долларами. Это — закон простого мира с его массовым производством.

Как только совершится переход к сложному миру, к миру уникальных, штучных вещей, у тебя может быть больше бумажек, но ты не получишь желаемого. Потому что его получу я. Ведь у меня есть нечто — знания, технологии, информация, влияние — чего нет у тебя. И с точки зрения общества это «нечто» намного важнее твоих денег. В таком обществе царствует уже не базар, а сложная система сравнения по многим критериям.

Экономику доступа построил в СССР Сталин, хотя его модель была еще несовершенной. Впрочем, первые самолеты и автомобили тоже выглядели нелепо и нескладно. В будущем трехмерном, сложном мире с его «экономикой доступа» деньги останутся для получения низших, массовых и неутонченных благ.

Но экономику доступа выдумали отнюдь не Сталин, и даже не масоны с розенкрейцерами. Пресловутая «экономика избранных» была всегда: и в истории, и в жизни каждого человека. Например, только жрецы обладали доступом к технологиям предсказания погоды и разливов рек. За это жрецы получали все, что угодно, потому что в том же Древнем Египте погода и разлив Нила определяли жизнь. В Новом Мире появятся технологии, которые смогут и создать мир, и его уничтожить. Новый Мир производит прежде всего гештальты, прежде всего — идеи. Сознание же творит все окружающее. Трансформация сознания, наращивание сверхспособностей личности становятся супертехнологиями. Мы возвращаемся к ситуации магических цивилизаций Древнего мира.

Но «экономика доступа» укоренена в быту. В детской жизни. Вспомните свои юные годы: ребенок может иметь какой угодно достаток, любые игрушки и одежды. Но для того, чтобы стать членом определенной компании, этого мало. Пропуском в нее служит умение, скажем, играть в футбол. Или приверженность тяжелому року. И сколько бы там бабок не давали родители — мы тебя в свой круг не примем, если ты не футболист или не рокер. Дети занимают место в ватагах не по принципу покупки членства, а потому, что могут обмениваться своими технологиями дела с товарищами юных игр. Интересны именно твои способности. Там нет всеобщего эквивалента, там царствует избирательный принцип. Там в основе лежит дело, и либо ты для этого дела интересен и можешь вложить в него что-то свое, либо — пошел вон. Более того, бывает так: команда уже сложилась, и нужен не кто-нибудь, а именно нападающий. Или бас-гитарист. И тогда они возьмут любого, кто обладает таким талантом. Вот ты, парень со двора, иди сюда. Неважно, кто у тебя отец — грузчик, министр или «новый русский», одет ли ты в прикид за тысячу баксов или в тайваньскую дешёвку. И еще ты должен быть своим парнем, носителем духа команды, способным быть — один за всех. И тогда все станут за одного.

Наверное, так же сформируется и «экономика доступа». На первом этапе, пожалуй, в круг избранных действительно войдут самые умные и коммуникабельные. Не обойдется и без самых богатых. Деньги понадобятся для старта, и стартовым механизмом выступит финансово-инвестиционный Солярис (система перелива денег из старой экономики в новую). А вот дальше пойдет процесс рафинирования, воцарения избирательности. Возникнет мир нейротехнологий — и тогда финансовый мир снова станет механизмом взаимодействия между рыночной и согласительной «подэкономикой», опустившись на нижние этажи action-жизни.

Поэтому Нейромир с его сетями, нейрономикой, нейротехнологиями и прочими прелестями просто убьет демократию и равенство. Они станут несовместимыми с экономикой доступа и хозяйством согласования, да и с расслоением человечества фактически на «старую» и «новую» расы, о чем мы еще скажем. Мир метадействия создаст власть духа, идеократию. Только уже на

неизмеримо более высоком технологическом уровне. Идеальное снова возвысится над материальным, вера — над силой, а служение — над корыстью.

И вот тут проявится самая большая слабость Античеловечества: его неспособность дать миру новую идею, способную зажечь мечтой сердца, увлечь за собой души. У них нет притягательного образа будущего. Оно уныло и скучно, оно полно опостылевшей всем грязи и набившего оскомину разврата. Зато мы, русские, получаем от судьбы сияющий, сказочный шанс. Мы, конечно, раздолбаи великие — но вся наша культура пронизана творчеством. Мы умеем изобретать и мечтать, мы умеем находить пути в другие реальности. Мы знаем, как создавать новые миры. Мы смогли разгадать тайну времени.

Нейрономика может стать нашей!

ПЯТЬ ШАГОВ ЗА ГОРИЗОНТ

А теперь сделаем шаг от экономики к политике в Нейромире.

Не будем строить утопий. Избежим искуса пророчеств. Вспомним синергетику и пойдем ее путем. Второстепенное, неглавное, как бы лежащее на обочине в основной системе после точки исторического перелома (бифуркации) оказывается в центре, превращается в аттрактор, становится системообразующим элементом. Как говорится в Библии, «и последние станут первыми». Как считает уважаемый нами Сергей Переслегин, в сегодняшнем дне нужно найти точки-локусы, сосредоточения явлений, тенденций и процессов, которые особенно интенсивно развернутся в будущем и определяют его, превратившись в несущие конструкции. Каждая Новая Реальность построена из материалов предшественницы. Поэтому посмотрим-ка, что происходит в сегодняшней политике, уловив ее главные течения и то, что пока лежит на ее окраинах.

Первое главное течение — прогрессирующее «выветривание», разрушение суверенных государств, основного политического инструмента индустриальной эпохи. Вот и видный русский политолог А.И.Уткин в книге «Мировой порядок XXI века» пишет на тему смерти привычного государства.

Мы привыкли, что в мире есть большая Франция. Единая Британия. Обширная Германия. Испания и Италия с десятками миллионов граждан. Мы привыкли к миру, где господствуют большие национал-государства. Но так было далеко не всегда. Не было когда-то Испании, а на ее месте существовала целая куча королевств: Кастилия, Арагон, Гранадский халифат. На месте Франции были Бургундия, Нормандия, Прованс, Бретань... Германия или Италия раньше вообще представляли из себя «лоскутные одеяла» из свободных городов, герцогств, княжеств и королевств. Да и Британия еще несколько веков тому назад была раздробленной. И теперь, кажется, все идет к новой раздробленности, к краху централизованных государств-наций.

В своем путешествии в мир государств новой эпохи мы берем провожатым бывшего руководителя русской службы Би-Би-Си, политолога и журналиста Александра Кустарева. Блестяще зная Запад, он имеет очень широкие связи в западном истеблишменте и очень хорошо понимает интересующий нас вопрос.

По его словам, единство языка, культуры и территории — признаки централизованных государств-наций — уже не аксиома единства. Культурно-языковое единство приходится поддерживать принудительно, в той или иной мере. Территория — лишь частный случай общего пространства, и люди научились объединяться не только на общей земле. Это может быть пространство товарных, финансовых или информационных потоков, и оно не менее реально, чем территория. Рынок давно вышел за пределы национальных государств, не признавая их границ. А это значит — обречены не только нынешние национальные государства, но и те, которым еще предстоит появиться на свет. Им на смену придут другие формы организации и структурности.

Национальные государства возникли совсем недавно по историческим меркам (от 500 до 150 лет назад, если округленно). Но сейчас, как считает Кустарев, поддерживать их единство довольно дорого. Государство экономически неэффективно в современном мире. Набирают силу процессы, которые ведут к смерти старых централизованных национал-государств. Во-первых, глобализация и региональная интеграция. Во-вторых, приватизация и уменьшение экономического регулирования со стороны власти. В-третьих, культурное дробление и общественное расслоение.

Ну, с глобализацией дело ясно и без пояснений. А на приватизации и дерегуляции Кустарев останавливается особо. Итак, в нынешнем мире государство все меньше вмешивается в распре-

деление национального продукта и последовательно урезает систему вэлфэра, социального обеспечения. Европейцы, например, шаг за шагом отказываются от социальных гарантий — ибо они в условиях глобализации невыгодны и делают менее конкурентоспособным бизнес из стран с «социализмом» (завышенными зарплатами, пенсиями, пособиями). Приватизация захватывает не только производство, но и социальную инфраструктуру. Например, в электроэнергетике и медицине. Факторы производства становятся подвижными. Капитал превращается в кочевника, за ним следует рабочая сила высшей квалификации. Сегодня они здесь, завтра — там. Там, где им удобнее, а точнее — выгоднее. Менеджмент и технологические связи превращаются в транснациональные факторы.

Навиваются силой главные конкуренты национальных централизованных государств — транснациональные корпорации. Молодые создания поедают старых, одряхлевших «динозавров», которые ведут род от европейских монархий шестнадцатого века. Транснациональные корпорации становятся более реальными элементами глобалитета, чем государства. Сегодня в мире существует почти 63 тысячи транснациональные компании, причем 90 процентов их базируются в «триаде» (США, Евросоюз и Япония). ТНК иной раз мощнее целых государств. Например, совокупный доход «Дженерал Моторз», «Экссон-Мобил», «Форд Моторз», «Даймлер-Крайслер» достигают 150-170 миллиардов долларов, тогда как ВВП Норвегии — это те же 150 миллиардов, Сингапура — 100 миллиардов, а России при всех допусках и погрешностях — не более 200 миллиардов.

ТНК — это альтернатива территориально единым государствам. ТНК могут раскидываться по всему Земному шару. Они — совокупность точек, связанных незримыми узами и «нитьями» товарно-информационных потоков. И чем больше в этих потоках информации, тем больше транснациональные корпорации теряют пространственный объем.

В надвигающейся эпохе суверенитет государств превращается для ТНК в лишнюю обузу, в досадную помеху. Они давно размещают свои штаб-квартиры и производственные звенья в разных государствах (штандортах). Причем чем больше страна — тем сложнее процесс. Например, производство высокотехнологичной продукции и программного обеспечения размещается не просто в Британии и Индии, а именно в окрестностях Кембриджа и Бангалора. И этим самым ТНК еще сильнее разрушают связность национальных государств. Кустарев отмечает: деятельность ТНК разрушает большие страны и цементирует маленькие, «лоскутные» государства. В идеале мир для ТНК должен состоять из массы мелких стран, чьи размеры приближаются к точке, к величине древнегреческих городов-государств (полисов). Просто заглянуть для ТНК-бизнеса! Пример? Поглядите на несколько крохотных европейских княжеств (Андорра, Лихтенштейн, Монако), в Персидском заливе — на маленькие Кувейт, Бахрейн и Объединенные арабские эмираты. Деятельность этих государств сводится прежде всего к созданию удобных условий для деятельности подразделений ТНК и мирового финансового капитала. Корпорациям-гигантам выгодны мелкие государства. Пускай, дескать, они конкурируют друг с другом за предоставление резидентных, налоговых, финансовых, инфраструктурных услуг для ТНК.

Сами посудите: одно дело — открывать свое предприятие в Британии и платить этому государству большие налоги, потому что в нем живут пятьдесят миллионов человек, имеются армия, флот и большой бюрократический аппарат (их нужно содержать!), «отстегивая» приличные деньги еще и на социальную помощь миллионам бедных и эмигрантов. И совсем другое дело — платить мизерные налоги крохотной, допустим, Кембриджии, где живет всего-то несколько сотен тысяч душ, и нет никакой армии, и балласта в виде толп неконкурентоспособного населения. А то и вовсе платить налогов не нужно: власти государства-крошки будут рады заполучить себе выгодного инвестора, дающего местным жителям заработка, а правителям — щедрое вознаграждение.

Как полагает Кустарев, прецедент дробления стран силами корпораций уже есть. В свое время подрядчики, строившие Панамский канал, не смогли договориться с правительством Колумбии. И тогда на севере этой страны возникло сепаратистское движение, отколовшее часть Колумбии и создавшее «независимую» Панаму. Число государств-карликов в мире постоянно растет. К старым классическим экземплярам вроде Лихтенштейна добавляются острова из числа бывших колоний. Или замаскированные автономии вроде острова Мэн у берегов Англии или португальской Мадейры. Строятся огромные корабли-плавучие убежища от налогов. В США строится целый «плавучий остров» под красноречивым названием «Свобода».

Кустарев пророчит, что появится масса новых государств-осколков с огромным разнообразием конституций. Часть из них вообще будет семейными фирмами — как некоторые сегодняшние острова-оффшоры. Науру, скажем. Монархия в микрогосударстве — это то же семейное предприятие. Республики превратятся в акционерные общества. Как считает наш эксперт, в них правители смогут восстановить пенсии и социальные гарантии, которые сегодня разрушаются в больших государствах. А заодно там установятся и полицейские режимы. Очень перспективным Кустарев считает вариант города-корпорации. Тем более, что у такой модели есть большая историческая практика. И Античность, и европейское Средневековье имели традиции независимых городов-государств, причем и на Севере, и на Юге, и у моря, и в глубине суши. Были времена, когда миланцы, венецианцы, любекцы считали себя как бы отдельными народами, отличными от прочих итальянцев и немцев.

Впрочем, помимо политической, дробление может пойти и по иным линиям. Уже сейчас люди объединяются не на основе общего языка и территории, а по признаку приверженности, скажем, марке автомобиля или поп-группе. Но будут объединения и по профессиям, производству, идеологии, отношениям «патронаж-клиентаж» и т.д. Один и тот же человек зачастую будет входить в разные общности. И в любой общности будет своя власть над человеком.

Кустарев напоминает, что еще совсем недавно (по историческим меркам) стремление к отделению от большого государства и к автономии считалось путем к экономическому расцвету и к благосостоянию. Когда-то бедные сражались за свободу. Например, ирландцы. Однако позже бедные поняли: лучше оставаться в империях, потому что там можно получить работу и помощь через бюджет державы. Зато сепаратистами стали богатые, которые больше не хотят помогать бедным. Например, в Бразилии богатый белый Юг норовит отречься от черного нищего Севера. В Мексике богатый север не прочь отделиться от босяцкого юга. В Италии — та же история. Кто хочет выйти из состава Испании? Богатые Страна басков и Каталония.

В нынешнем мире пытаются отделиться и те, кто сознает свою вечную отсталость, но при этом пытается защитить свой традиционный образ жизни. Например, индейцы майя в мексиканском штате Чьяпас.

Государственный сепаратизм питают внесистемные общности: преступные сообщества, религиозные секты, экологические общины. Они тоже не знают старых границ, но с государствами их роднит стремление охватить своих членов системой тотального контроля и социального страхования. И это происходит тогда, когда сами-то государства в погоне за «инвестиционной привлекательностью» разбирают свои системы социального обеспечения! Грубо говоря, государства своими руками выталкивают людей в лоно вот таких внесистемных «мафий». И неудивительно: ведь там люди чувствуют заботу о себе. То, что кажется сегодня коррупцией, представляет собой процесс перехода прерогатив государства к новым игрокам на мировой арене. Рано или поздно этот процесс признают юридически. Конечно, закрытость и авторитарность как мафий, так и сект вряд ли сделают их полноценными альтернативами национальному государству. Может быть, считает Кустарев, они все же гуманизируются. В противном случае, найдутся и другие общности. Дух социализма и демократии, оставив государства, найдет себе новое пристанище.

Процессы дробления старых государств все ускоряются. Зачем раньше создавались государства-нации? Чтобы содержать массовые армии и гигантскую промышленность. Но сегодня и то, и другое умирает. Стало быть, исчезает еще одно оправдание для жизни старых централизованных государств.

Но все же государства имеют шанс на существование в еще одной форме: государств-корпораций, государств-предприятий, государств-мафий. Они эволюционируют в сторону корпораций, которые предоставляют определенный набор услуг тем, кто заключил с ними контракт. Эти государства навсегда оторвались от народа, который в них живет, они не связаны с обществом. Кажется, это — иллюстрация для РФ после распада Советского Союза. Конечно, на первых порах такое государство будет иметь дело с той популяцией-народом, из которой оно исторически выросло, но никто не даст гарантии насчет того, что потом это государство найдет и других граждан. (Помните гайдаровское «Россия как государство русских не имеет будущего»?) Такое «отвязанное» государство может стать как сильной многофункциональной корпорацией, так и превратиться в рыхлый картель из слабо связанных друг с другом специализированных подразделений: армии, сборщиков налогов, аудита и т.д.

Еще одним остатком национальных государств станут несuverенные территории. Тут и «неудавшиеся государства» вроде Афганистана или Сомали, и малонаселенные территории вроде

нашей Восточной Сибири, и этнические территории типа русского и канадского Севера, которые добровольно перейдут под внешнее управление. Со стороны кого? Либо ООН, либо ТНК, либо частных агентств, включая и «отвязанные государства». (*Мы пересказывали работу А. Кустарева «Национальное государство и его наследники» по сайту* .

С Кустаревым пересекаются исследователи американского прогнозно-аналитического «Проекта-2020», завершено в декабре 2004 г. при поддержке разведывательного сообщества США:

«Глобализация в первую очередь устранит прежний раскол между индустриальным Западом, коммунистическим Востоком и развивающимися неприсоединившимися странами (Третий мир). Новая линия раскола пройдет между теми странами или даже их отдельными частями, которые интегрируются в мировое сообщество, и теми территориями, которые не сделают этого по экономическим, политическим или социальным причинам. Для тех мегаполисов, что станут движущей силой глобализации, связывающие их финансовые каналы и телекоммуникации, возможно, получает не меньшее, если не большее значение, чем государственные границы».

Вот оно, читатель, нерадостное будущее нынешних государств в эпоху перехода к Нейромиру. Их ждут расколы.

Впрочем, мы можем привести еще один отрывок, на этот раз — из известного английского литератора Иена Бэнкса. Хоть он и написал эти строки о вымышленной планете, очень скоро они станут совершенно реальной геополитикой XXI столетия:

«...Только процентов суши десять на планете Готар покрывали автономные государства. Остальным в техническом смысле была свободная земля: города-государства, всякого рода зоны, торговые и промышленные парки, фермерские союзы, церковные вассалитеты, банковские франчайзы, племенные резервации, арендованные или свободные семейные поместья, ...посольские домены, ...протектораты групп давления, благотворительные парки, профсоюзные санатории, зоны поочередного владения, каналы, дорожные коридоры, скотопрогоны. Были еще сети анклавов в собственности всемирных сект, территории больниц, школ и колледжей, территории для маневров общественных и частных армий. И было множество спорных земель, обычно заселенных скваттерами. Они формально находились во владении соответствующих судов...» (*Иен Бэнкс. «Корпорация-Орден» — Москва, 2001 г., с. 275-278*).

Все коротко, ясно и понятно. Позволим себе небольшое отступление. Оно относится не столько к Периоду Перехода, сколько к нынешней российской действительности. Если в начале 1990-х «государственник» считалось бранным словом, то сегодня государственниками стали все без исключения. И правые, и левые, и центристы, и президент, и его оппоненты, и правительство, и кто угодно. Более того, они состязаются: кто же из них самый-самый государственник? При этом делается еще один интересный шаг: государственника приравнивают к патриоту. Соответственно, сволочь-непатриот — это не государственник. Антигосударственник и «внегосударственник» объявлены национальными предателями. Между ними ставится знак равенства!

Кстати, Сергей Кугушев помнит забавную ситуацию. В 1993-м он вместе с другом — умершим недавно Анатолием Афанасьевым, одним из лучших русских журналистов — сделали большой материал «Национальный путь России». И несмотря на то, что Саша был не просто одним из лучших журналистов «Комсомолки», а ее патриархом (вместе с Ярославом Головановым и Виктором Песковым), статью почти месяц не ставили в номер. А причина? Тогдашний главный редактор «Комсомольской правды» решил, что мы слишком часто пишем слова «государственник» и «национальный»...

Такая вот интересная лингвистическая политика творится на наших глазах. Но кто же такой теперь этот «государственник»? Кажется нам, что все, кто клянется в любви и преданности российскому государству, не вполне понимают, что такое «российская государственность» сегодня и, тем более, какая судьба ждет ее завтра. Как всегда, наши штатные идеологи опаздывают и «тормозят» как минимум на полжизни. Они собираются укреплять государство вопреки всем тенденциям, пытаясь превратить его в основу основ русской жизни. Но то, что было замечательно вчера, может оказаться просто вредным, а то и убийственным завтра. Мы еще поговорим о том, для чего нужно государство на переходе в Нейромир и в процессе возрождения русского народа.

Пока же завершим сие отступление следующей мыслью. Зачастую государственниками сегодня становятся те, кто приватизирует государство. Они не за Россию болеют, а за приватизированный ими инструмент, государство со всем его имуществом, исполнительными и законо-

дательными ветвями, судами и карательными органами. Точно так же, как и олигархи, приватизировавшие большие компании, они искренне считают государство. Своим. Государственники хотят сегодня не просто увековечить собственную власть, а прежде всего узаконить свою собственность на государство как на реальный механизм перераспределения денег и имущества. И этот механизм должен установить последний и выгодный приватизаторам государства порядок на территории некогда великой страны.

Есть второе течение будущего в современном социуме. Нынешняя эпоха жесткой турбулентности сумрачна и трудна. Борьба между хаосом и порядком предстоит кровавой. В этой каше неизбежно изменится привычный баланс сил между государственными структурами и закрытыми, а то и тайными обществами. В этом нет ничего удивительного. Такое случается во время каждого периода нестабильности в мировой истории. В эпоху перемен возрастает роль закрытых обществ. Ведь в них сосредотачиваются функции развития. Они в точках перехода перехватывают пальму первенства у государств, уделом которых остается обеспечение повседневного порядка, функционирования.

Судьба человечества и исход битвы Света и Мрака зависят от исхода поединка между Сообществом Тени и закрытыми обществами новых гуманистов, творцов и созидателей. Государства в этой войне все больше станут напоминать темные от времени руины древнеримских городов на картинах итальянских художников. Помните? Поросшие лишайником развалины великанского древнего храма маячат где-то позади, а на переднем плане разворачивается совсем иная жизнь...

Вот второй «мэйнстрим» политики Нейромира. Быть может, главный и определяющий. Этот поток зарождается на наших глазах, ему суждено нарастать с каждым годом, с каждым десятилетием. Мы уверены в том, что Нейромир состоится тогда, когда Сообщество Света пересилит Сообщество Тени, когда Античеловечество перестанет быть оператором психоистории.

Остановимся на третьей тенденции современного мира. Вместе с ослаблением старых государств идет еще один процесс — создания «силы-стоящей-над-государствами». И его четко и даже элегантно описали Майкл Хард и Антонио Негри, в книге «Империя». (Эта книга стала интеллектуальным бестселлером 2003 года).

Что же они узрели? По мнению ученых, сегодня только сумасшедший может отрицать существование глобального рынка. Рынок же объединяется вокруг.. Нет, не Соединенных Штатов или Европы, а того, что они называют «Империей» — нового порождения истории, не знающего национальных границ. Негри и Хард описывают то, что мы называем Античеловечеством.

«...Всемирный рынок объединяется вокруг того, что во все времена представлялось в виде признаков суверенитета: полномочий в военной области, в сфере кредитно-финансовой, информационной, культурной и даже языковой политики. Полномочия в военной области обеспечиваются обладанием одной-единственной властью всем арсеналом вооружений, вплоть до ядерного; полномочия в сфере кредитно-финансовой политики обеспечиваются существованием одной господствующей денежной единицы, которой подчинен весь мир финансов во всем его разнообразии; полномочия в информационно-культурной сфере выражаются через победное шествие единообразной модели культуры и даже (со временем) единого всеобщего языка. Эта конструкция наднациональна, всемирна, тотальна. Мы назвали ее «Империей»...

...Нет более и государства-нации: от него ускользают три существеннейших характерных признака суверенитета — полномочия в области обороны, политики и культуры, каковые поглощаются и заменяются центральной властью Империи. Почему мы называем «Империей»... то, что можно было бы просто рассматривать как американский империализм в эпоху, последовавшую за падением Берлинской стены? На данный вопрос наш ответ ясен: вопреки утверждениям некоторых приверженцев национализма, «Империя» эта не американская...

В «Империи», созданной «коллективным капиталом», участвуют как представители американского капитала, так и их европейские коллеги, а также те, кто сколачивает своё состояние на коррупции в России, наряду с капиталистами арабского мира, Азии или Африки, которые могут позволить себе отправить своих детей учиться в Гарвард и помещать деньги на Уолл-Стрит...» (*«Антология современного анархизма и левого радикализма» — Москва, «Ультра.Культура», 2003 г., с. 316-317*).

Вот и приходит в голову мысль: а не служит ли «Империя» Харда-Негри политическим строем Сообщества Тени, Античеловечества, которое загоняет все цивилизации Земли в новое царство ночи? В сумрак последних дней?

С одной стороны, это так. Но есть и другая сторона. В реальном мире вместе с ослаблением государства-нации происходит усиление сложноорганизованных сетей и наднациональных институтов. Они направляют все больше и больше процессов в новом мире. Эта сложная организация и есть то позитивное содержание «империи», которое, по всей видимости, перейдет в Нейромир и получит в нем большое развитие. Это — процесс объективный. А вот как сеть будет использована и кто станет ее хозяевами — это, собственно говоря, и есть главный вопрос.

Видите, какие полномочия сегодня обретают межгосударственные организации, как они давят на государства? Еще в 1909 году на планете было около сорока интернациональных межгосударственных организаций и не менее ста восьмидесяти негосударственных международных структур. А на исходе XX века эти цифры составили уже 265 и пять с половиной тысяч. В середине XIX века собиралось всего три-четыре международных конференции в год. А теперь — более четырех тысяч! И главное даже не в количестве, а в качестве. Наднациональные организации в нынешние дни все чаще берут на себя полномочия, которые мы привыкли относить к прерогативам национальных государств. Можно вычленил пять типов интернациональных структур такого рода: политические, функциональные, экономические, военные и ресурсные.

Первые четыре вида «интернационалов» нам хорошо знакомы. Они сложились в основном после Второй мировой. ООН, НАТО, МВФ... Чему тут удивляться? Картина мира второй половины XX века продиктована итогами великой войны. Даже сегодня, несмотря на исчезновение Советского Союза, мир продолжает нести заметные черты 1945 года. Об ООН, ГАТТ-ВТО, Всемирной продовольственной организации (ФАО), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ЮНЕСКО (организации ООН по культуре), ЮНИДО (специальной организации ООН по экономическому развитию) знают все. Их создавали по решениям Атлантической хартии 1942 года. Они — итог победы союзников над странами Оси. Затем, в результате борьбы советской и американской систем, к этим «порождениям Второй мировой» добавились другие интернациональные структуры. Военные блоки НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС и АНЗЮК, Организация американских государств и другие.

Затем, начиная со второй половины восьмидесятых, расцветают политико-экономические, интеграционистские организации. Скажем, Европейский союз, МЕРКОСУР в Латинской Америке или АСЕАН в Азии. Их конечная цель — создание полноценных политических, экономических, финансовых и управленческих структур, в конце концов призванных заменить национальные государства, вошедшие в состав этих уний. В основе таких процессов — стремление европейцев, латиноамериканцев и азиатов выжить и устоять в международной конкуренции с США, Китаем, а в перспективе — и с исламским миром. Вот они и пытаются решить задачу объединением своих политических, экономических и подспудно — военных систем. Так, чтобы привести их к масштабам, соизмеримым с размахом американской и грядущей китайской мощи.

В ближайшие десятилетия, читатель, стоит ожидать появления наднациональной и транснациональной сети. Привычные нам военно-политические и экономические структуры — это попытки цивилизационных лидеров окрепнуть в условиях ослабления национальных государств, взять под контроль их суверенитет и приспособиться к реалиям изменяющегося мира. Такие союзы действуют через подмену национальных властей союзными. А теперь мы можем ожидать принципиально иного поворота событий! В течение периода перехода к Нейромиру могут появиться наднациональные ресурсные структуры, обладающие (при определенных сценариях развития событий) прямо-таки диктаторскими полномочиями! Будучи порождением неготовности человечества к прохождению Точки бифуркационного перехода, они, по всей видимости, станут ареной борьбы — но не сколько разных цивилизаций, сколько Сообщества Тени и Сил Света. Но это — в оптимистическом варианте. А в пессимистическом, читатель, они превратятся в пространство окончательного господства Минус-цивилизации над покоренным человечеством.

Мы сможем увидеть структуры, взявшие под контроль планетарные запасы нефти и газа, пресной воды или урана. Может быть, их работники получают экстерриториальность и дипломатическую неприкосновенность. Может, они лавинообразно и оперативно сформируют собственные силовые, финансово-экономические, информационные и судебные учреждения, подчиненные только собственному руководству. По сути, то будут новые и, возможно, весьма могущественные метаполитики-суверены первой половины двадцать первого века. Их появление практически неизбежно. Поэтому к их возникновению нужно готовиться. Быть может, испод-

воль стремиться занять в них максимально прочные позиции. Как? Вступая во все возможные союзы со всеми производительными, творческими и созидательными силами во всех цивилизациях Земли.

В первую очередь, ресурсные наднациональные структуры появятся ради контроля над энергоносителями, запасами сырья для ядерной энергетики, пресной водой, редкоземельными металлами и лесами. В мягком варианте их работа сведется к согласованию национальных программ по использованию, сохранению и — где это возможно — преумножению таких ресурсов. А вот в жестком варианте власть над ресурсами перейдет под контроль новых суверенов — со всеми вытекающими для стран- «сокровищниц ресурсов» вопросами, проблемами и коллизиями. Вы можете представить себе суровое наказание России за нерадивое отношение к Байкалу или карельским лесам? Или флот сверхзвуковых бомбардировщиков с эмблемой «Глобальных защитников воды» на бортах? Зря смеетесь! Это — возможное будущее. Ведь пока описываемый нами процесс находится по большей части в руках Тени. Если за 20-30 лет ситуацию не изменить, то уделом человечества будет либо исчезновение, либо мрачное прозябание под властью шеддим. Поэтому задача состоит в том, чтобы очистить многомерные сети от врага, сделав их основой планетарной инфраструктуры в Нейромире.

Четвертое течение мы называем «бегством от очевидности». Люди привыкли к штампам. Они зачастую направляют мысли ответственных политиков, определяют судьбы государств и народов. Особенно это относится к двум штампам, в последние годы заезженным до невозможности: «золотому миллиарду» и «эксплуатации бедного Юга богатым Севером».

Начнем с «золотого миллиарда». Этот миллиард есть не что иное, как арифметическое сложение численности населения США, Западной Европы, Японии и еще кое-каких стран вроде Канады, Австралии, Новой Зеландии, Израиля. Правда, миллиарда в этом случае не получается. От силы — 650-700 миллионов душ выходит. Но даже не в этом соль. Как правило наши «традиционные патриоты», левые и антиглобалисты жесточайшим образом бичуют «золотой миллиард», заявляя: он, гад, жирует за счет бесчеловечной эксплуатации и ограбления других народов планеты. Но как только от общих слов мы перейдем к конкретным фактам, то окажется, что реальность не соответствует старым идеологическим конструкциям. Вся экономика Японии, США и Западной Европы замыкается на саму себя, страны-производители нефти и Китай! В свою очередь, нефтяные страны при нынешнем уровне цен ну никак не относятся к числу пострадавших от жестокой эксплуатации в мировом разделении труда!

Нет, не о грабеже и эксплуатации сегодня речь идет, а о сознательном выборе новых мировых гигантов — Китая, Индии и стран АСЕАН, на чью долю приходится два с половиной миллиарда населения планеты. Выборе своего места в системе глобального контроля. Их правящие элиты решили, что на нынешнем этапе они еще не могут конкурировать с Америкой, Европой и частично — Японией по уровню научно-технического развития и военной мощи. Поэтому они сосредоточились на контроле за ресурсами и финансовыми потоками. Так, многие серьезные западные эксперты делают неожиданные оценки, высказывая их не в открытой прессе, а в частных откровенных беседах. Они считают, что Китай и Япония спасли доллар США от краха в 2002-2003 годах. Обвал валюты США (и, скорее всего, всей мировой валютной системы) не случился не столько из-за усилий самих западников, не столько из-за операций Сообщества Тени, сколько в итоге продуманной и почти незаметной (но весьма эффективной!) политики Китая, Японии и близких к ним стран. Именно они, умело оперируя на мировых рынках капитала, сохранили хоть какую-то стабильность доллара.

Надо заметить, что население стран пресловутого «золотого миллиарда» ждет веселенькое будущее. Как мы покажем в дальнейшем, граждане богатых стран подвергнутся безжалостному расслоению на «конкурентоспособных» и «лишних». В них появятся свои «негры» и «азиаты» — только белые.

К чему мы это? А к тому, что несмотря на всю внешнюю победоносность Соединенных Штатов, цивилизация у порога Большого перехода взыскует новых лидеров. Америка не справляется с ролью глобального гегемона. Новая цивилизация требует новых игроков, новых субъектов действия. Вот — главный итог разрушения мифа о «золотом миллиарде».

А как насчет «эксплуатации Севером Юга»? Если взять глубокий Юг — Африку южнее Сахары, часть Латинской Америки и Азии — то здесь живет около двух миллиардов человек. То есть, почти треть землян. Сегодня надо говорить не об эксплуатации их лидерами мировой гон-

ки цивилизаций, а о выбрасывании из мировой экономики. Они просто никому не нужны. Это относится, скажем, к десяткам стран Черной Африки. Транснациональные корпорации ими не интересуются. В них не видят рынков сбыта компании-производители потребительских товаров. Их продовольствие не востребовано мировым рынком — ибо его и мало, и оно скверно по качеству. Они безнадежны как страны туризма. Они никогда не смогут стать центрами научно-технического развития или «промышленными цехами» планеты. Даже запасы их ресурсов никого не прельщают — и качество низко, а добыча нерентабельна.

Поэтому народам этих стран достается единственный удел: первобытно-натуральное хозяйство, ужасающая нищета, голод и болезни. От Уганды и Танзании в Африке до Бангладеш и Бирмы в Азии, от Эквадора и значительной части Боливии в Южной Америке — и до Туркмении с Таджикистаном беспросветная нужда стала пожизненной судьбой их народов. Все эти два миллиарда человек не имеют доступа к чистой воде. Они только мечтать могут о нормальных жилищных и бытовых условиях. Их существование противоречит всем мыслимым и немыслимым нормам санитарии. Удел этих народов — смерть. Смерть ранняя. А до этого — боль, страдания и лишения. Все мало-мальски пригодные профессионала отсюда продолжают бегство на Запад. (Например, в наши дни половина дипломированных специалистов и врачей, родившихся в Нигерии, работают в США и Европе).

Трагедией для Средней Азии стало крушение Советского Союза. Жизнь узбеков, каракалпаков, туркмен, киргизов и таджиков еще испытывает остатки русского влияния. Покамест живы построенные СССР города, инфраструктура, заводы и промыслы. Но все это приходит в негодность. На смену же не придет ничего — или слишком мало. Обращение населения постсоветской Средней Азии в самый чистый и правоверный ислам тоже не спасет положения: от этого в регионе не прибавится ни воды, ни плодородных земель. Никакие Сауды, Турция, Иран или США не станут кормить десятки миллионов голодных ртов. И только возможное Русское чудо способно дать народам Средней Азии шанс на лучшее будущее. Но об этом — как-нибудь в другой книге. А пока они угодили в планетарную Зону смерти.

Эта ойкумена «лишнего человечества» — огромная бомба с часовым механизмом под всем нынешним миром. В один прекрасный день она сработает. Мы должны сказать тебе правду, читатель: у людей пропавшего Юга нет ни одного шанса войти в Нейромир. У них нет ни одной возможности отказаться экономике и метаполитике будущего. Им предстоит вымирать. Весь вопрос — как это произойдет. Может быть, кто-то даже ускорит этот процесс.

Такова безжалостная правда. И не будем, читатель, бежать от очевидности.

А в заключение скажем о пятом тренде-течении — о переходе от монополитической системы к множественности суверенитетов. В самом ближайшем будущем не только территории, но и корпорации, и даже люди окажутся сразу в нескольких системах с разными суверенитетами. Зачастую они будут даже противоречить друг другу. Так, в одном случае Иван Иванов останется гражданином России. В другом — выступит как человек закрытого Русского Братства. В третьей своей ипостаси наш Ваня окажется членом виртуальной общины чань-буддистов даосского уклона. В четвертом окажется бойцом отряда вольных егерей-защитников популяции северных сивучей. В пятом же он станет почетным председателем Общества воспитателей детей с необычными способностями. В одном случае все пять суверенитетов окажут ему помощь. В другом — какие-то из них наложат на него взыскание либо штраф. Возникнут очень сложные, невиданные сегодня проблемы согласования разных суверенитетов для одного и того же человека либо корпорации. Сегодня такое противоречие разрешается просто: государственный контур суверенитета господствует над всеми остальными. Требования и полномочия государства считаются первоочередными, а все остальные права и обязанности — дополнительными. Они вступают в силу лишь после выполнения обязанностей перед государством.

Однако в переходные периоды — а именно такие времена грядут — государства слабеют, а закрытые или тайные общества — усиливаются. Соответственно, преобладание государственного суверенитета над «епархией» закрытого общества становится весьма спорным. Особенно в практическом плане. Кроме того, на силовой арене появятся и другие игроки, и тогда вопрос об иерархии суверенитетов будет все больше запутываться. В связи с этим выскажем гипотезу. Видимо, в ближайшем будущем самыми конкурентными окажутся те государства, которые предусмотрят четкую и весьма ограниченную сферу, где суверенитет государства над личностью окажется основополагающим. В такой системе остальным структурам останется достаточно ме-

ста. И личность здесь сможет существовать без лишних конфликтов. Такая система множественности суверенитетов сможет существовать на практике.

А вот те государства, что по старинке попытаются контролировать жизнь своих граждан по максимуму, загоняя их в прокрустово ложе жестких ограничений, рискуют вскоре оказаться без самых творческих, пассионарных и деятельных граждан. Без граждан-победителей. Они просто утекут из таких государств, несмотря на все соображения патриотизма. В связи с этим, как ни парадоксально, возможно появление альтернативных государств, развертываемых на других территориях — новой России, новой Франции, новой Америки и других. Где-нибудь на островах Теплых морей, например. Они будут компактными по национально-культурному признаку, а в конституциях своих изначально зложат принцип ограниченного государственного суверенитета и многоконтурность суверенной личности.

Мы попытались хотя бы в общих чертах обрисовать грядущую жизнь в стиле «экшн». Вы никогда не летали на легком самолете в самом сердце бури? Зря. Придется этому учиться...

Опубликовано на сайте «Братство.су»

МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЯМ МОСКОВСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КЛУБА «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»

Заседание первое, 30 сентября 2005 г. Тема «Государство и олигархия».

Андрей Павлович Бунич. Государство и олигархия. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 32 с.

1. *Андрей Бунич.* Необходимо демонтировать олигархическую систему управления.
2. *Андрей Бунич.* Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации.
3. *Андрей Бунич.* Они притаились в Лондоне и ждут...
4. *Андрей Бунич.* Позади ли потрясения?
5. *Андрей Бунич.* Мы смешали олигархам карты.
6. *Виктория Петрова.* Кто заменит олигархов?
7. Точка в деле залоговых аукционов еще не поставлена.
8. *Андрей Князев.* Что ждет Россию после крушения олигархов?
9. *Андрей Бунич.* Технология ГКЧП или реванш олигархов.
10. *Андрей Бунич.* Сцилла всепрощения и Харибда национализации.

Заседание второе, 14 октября 2005 г. Тема «Постиндустриальный класс».

Александр Иванович Неклесса. Постиндустриальный класс. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 56 с.

1. Новый интеллектуальный класс.
2. Локомотив Постмодерна, или «Территория тьмы».
3. История в (пост)современном интерьере.
4. Personalia

Заседание третье, 28 октября 2005 г. Тема «Какая конституция нужна России? К столетию манифеста 17 октября 1905 года»

Конституция России. Новый строй. — Москва: Институт национальной стратегии, 2005. 122 с.

- I. Конституция России. Проект Института национальной стратегии.
- II. Новый строй. Дискуссия Агенства политических новостей.
 1. *Михаил Ремизов.* Проект «государство-цивилизация».
 2. *Ярослав Бутаков.* Как нам переучередить Россию?
 3. *Борис Межуев.* Апология федерализма.
 4. *Юрий Солозобов.* Вечная Россия и временная Конституция.
 5. *Павел Святенков.* Двухэтажная Конституция.
 6. *Владимир Карпец.* Возвращение к основам.
 7. *Юрий Коринец.* Между «старым государством» и «новой империей».

Презентация клуба «Красная площадь». Гостинный двор 10 ноября 2005 г.

Буклет «Клуб «Красная площадь»». — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 8 с.

Заседание четвертое, 24 ноября 2005 г. Тема «Кризис цивилизации: переселение народов»

Ольга Выховец, Сергей Градировский, Дмитрий Житин, Татьяна Лопухина, Никита Мкртчян. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад / Под ред. С.Н. Градировского. — Москва: Фонд «Наследие Евразии»; Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, 2005. 310 с.

Заседание пятое, 9 декабря 2005 г. Тема «Кризис цивилизации: картография глобального масштаба»

Александр Иванович Уткин. Кризис цивилизации: картография глобального масштаба. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 32 с.

1. Цивилизация против глобализации.
2. Стоимость демократии.
3. Империя победила республику.

Заседание шестое, 20 декабря 2005 г. Тема «Кризис цивилизации сквозь призму антропологии»

Сергей Сергеевич Хоружий. Кризис цивилизации: сквозь призму антропологии. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2005. 24 с.

1. Глобализация и поиск новой модели человека.
2. Эвтанасия.
3. Судьба Адама и судьба Ивана.

Заседание седьмое, 13 января 2006 г. Тема «Глобальная революция: ретроспектива и перспективы»

Глобальная революция: ретроспектива и перспективы. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 32 с.

1. Михаил Деягин. Социально-экономическая программа будущей революции.
2. Дмитрий Андреев. Последний шанс Путина, ли Превентивная «бархатная революция».
3. Александр Неклесса. Поражение России.

Заседание восьмое, 13 января 2006 г. Тема «Закат России и проект нового государства-цивилизации»

Закат России и проект нового государства-цивилизации. — Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. 40 с.

1. Александр Неклесса. Введение.
2. Станислав Белковский, Владимир Голышев, Роман Карев, Никита Кричевский, Михаил Ремизов. Обналичивание власти: финальная стратегия российского правящего слоя.
3. Станислав Белковский. Проект сырьевой колонии.

4. Имперский проект: 2 взгляда
Анатолий Чубайс. Миссия России в XXI веке (в изложении).
Станислав Белковский. Империализм как высшая стадия либерализма.

5. Сергей Марков. Понять будущее.

Общество должно обсудить и решить проблему 2008 года.

Лекция, прочитанная участникам псковского молодежного регионального движения «Первый рубеж» (фрагменты)

6. Глеб Павловский. На пятой точке вниз по мокрой глине.

